

Моран Бранд

ЛЕМНИСКАТА

Вторая петля

Моран Бранд

Лемниската. Вторая петля

«Автор»

2026

Бранд М.

Лемниската. Вторая петля / М. Бранд — «Автор», 2026

Иммортель – мегаполис, переживший Великий Перелом 2017 года. Здесь у каждого есть индивидуальный код, чип и досье, а философия правителей проста: правила важнее личности. Здесь ошибки исправляют мораториями, память – зачистками, преступников – обезличиванием. Нери 42 научился быть удобным. Лучший студент, опора для сестры с тяжёлой поломкой и отчаявшейся матери, он старается играть по правилам - иначе его семья не выживет. Но однажды все законы дают сбой, и два пространства соединяются. Нери вместе с подругой Мией попадает туда, где логика не работает. В мир, где магия – повседневность. На Девятом Холме старые науки объявлены ересью, а жизнь подчинена бесчеловечному культу Покровителей. Кантана не имеет права колдовать, но её магия требует выхода. Одна ошибка, один открытый портал – и на Девятый Холм попадают двое чужаков. Как не оказаться под трибуналом за использование магии? Как вернуться в Иммортель, если цена знания – твоя память? Забудь все правила: здесь другая логика.

© Бранд М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

М. Бранд "Лемниската. КНИГА 1: Вторая петля"	5
Пролог	6
Плейлист	9
Глава 1. Диссоциация Нери 42	10
Глава 2. Когда птицы падают	24
Глава 3. Шестая причина	38
Глава 4. Перекрёсток миров	60
Глава 5. Если наступит утро	76
Глава 6. Связанные жизнью	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Лемниската. Вторая петля

М. Бранд "Лемниската. КНИГА 1: Вторая петля"

Пролог

«Не вспоминай о том, что было вчера».

Слова звенят в голове лейтмотивом, как бесконечное пение кукушки в середине третьего сезона. А буря подходит всё ближе: того и гляди, за плечи обнимет. Солит воздух брызгами океанских вод, поднимает столбы мёртвого песка, мешает на палитре неба серое с красным. Сбежать бы, да некуда.

Нужно спешить.

Волны слюнявят ржавую кромку берега. Босые следы быстро наполняются мутной жижей. Прилив отбирает у суши кусочек за кусочком. Под ногами — холодное месиво.

– Ну, давай, ещё раз, – настойчиво шепчет мать и опускает руку на плечо. Её лицо безмятежно, как камень. И это пугает.

Молчи, мама! Ещё минута! Ещё один взгляд на город, что позади остался. Туда, где закатные лучи грызут сутулые руины и кажется, будто квадраты окон пылают чистым пламенем.

Издали много что кажется...

– Я не могу, – как тяжело это произносить! Тёплая струйка из носа бежит к подбородку. Кровь...

– Ты можешь! Времени у нас нет! – голос матери бесстрастен. – Сердце Земли без нас не справится!

Кучерявая туча заслоняет солнце, и на берег опускается полумрак. Раскат грома – и на кожу обрушивается стена острых игл. Дождь...

Время истекает.

Оно истекло ещё вчера.

«Не вспоминай о том, что...»

– Не могу. Не! Могу!

В горле застревает крик отчаяния. Волосы облепили щёки словно шлем. Гроза распилила мир надвое: там, за стеной руин, тлеет кровавая улыбка солнца. Там, куда стальная птица улетела... Взмыть бы пёрышком в угрюмое небо, да унести прочь, следом за ней.

– Нери... – срывается с губ.

Едва услышав, мать сжимает кулаки.

– На эту тему мы поговорим дома, – одёргивает она. – Делай то, что должна. Мы всё исправим!

Сопrotивляться бесполезно, как и дождю. Добьёт. Доломает. Так было всегда, всегда и будет.

Вдох. Глаза закрываются, а рука вытягивается вперёд. Слова заклития воскресают на губах: знакомые и горькие. Теперь нужно потянуть руку на себя... Так, словно пытаешься царапать воздух. И вот, мир скользит под пальцами, как масло...

Бух! Запах свежести щекочет нос. Игра не стоит свеч. Пальцы высекают из воздуха лишь ворох бесцветных искр.

Взгляд матери пикой пронзает тело. Острый, бесстрастный: таким можно покалечить:

– Сосредоточься. Ты слишком торопишься.

Отчего все приходят с советами лишь тогда, когда ничего нельзя сделать?!

– Сама себе противоречишь, но самая умная, да?! Почему ты указываешь, что и как я должна делать?! – крик прорывается сквозь шум дождя и ветра.

– Потому что я – твоя мать. Моё слово для тебя – закон. Я имею право указывать тебе, ведь только мудрым советом я могу спасти тебя от бед, – говорит мама холодно и спокойно. – Ты никогда не думала, куда идёшь и сможешь ли вообще дойти.

Мама знает, как сделать больно.

Слеза катится по щеке и теряется в потоках водяных струек. Не заметит — и хорошо. Отвечать страшно. Но если промолчать — с песком сравниет. Слишком долго шла на поводу. И губы произносят:

– Ты не советуешь. Ты давишь.

И пальцы разжимаются, будто лепестки. Фиолетовое пламя прожигает воздух. Шипящий шар расплзается, мутнеет, и в окне из фиолетовых языков, проступает другой мир. Вековые деревья, ароматная трава, кладка древней стены — вся в седом лишайнике и мхе.

– С четвёртого раза, – чеканит мать. Разочарована, как всегда. – В сад Аэнос, а не в Храм! А если там занемогшие?!

– Будь рада хотя бы этому! Или это хуже, чем ничего?!

Дрожь гуляет по телу. Плечи под намокшим платьем покрываются гусиной кожей. Это предел. Найденный и достигнутый. Финальная черта, за которой не страшно спросить себя: способна ли мать любить?..

Мать бросает прощальный взгляд на побережье, разлохмаченное бурей; на поросшие вереском холмы, багровые от закатного света:

– Пойдём, милая.

И шагает в самое сердце портала. Тело её обретает прозрачность, растворяясь в новом мире. Вот и всё. Подошла очередь: один шаг, и...

Нет. Миссия завершена. Теперь можно, не каясь, подарить матери озлобленный взгляд. В спину. Чтобы не увидела.

Воздух вбирает влагу, и дышать становится сложнее. Портал разгорается. Кажется, что магические всполохи отбрасывают блики на песок, но это – лишь прелестная иллюзия. Он говорил так. Всё, что связано с магией, не подчинено законам физики.

Всё, что связано с чувствами, не подчинено законам разума.

Порыв ветра сбивает с ног и заставляет согнуться пополам. Дыхание останавливается на выдохе, а ноги делают шаг назад. Жалкие полметра, но другой мир уже не тянет.

Так и надо. Покровители всегда помогают, если просишь от всего сердца.

Взволнованный голос по ту сторону портала настойчиво зовёт. Ноты дрожат и дробятся на отзвуки, с трудом прорываясь сквозь пространство.

– Канта-а-а-ана...

Но разум проясняется. А тучи становятся гуще.

Удары дождевых плетей почти дух выбивают. Даже стоять тяжело. Там, куда ушла мать, всё иначе. Деревья безмятежны. Ветерок нежен. Листья будто из шёлка. Там – свежий аромат росы, смоляной сосновой коры, полевых цветов. Приятнее, чем тяжёлый смрад многолетнего пепла и бетонной пыли – так сама смерть пахнет!

Только последний отчего-то дороже...

Волшебный, родной мир дрожит в паре шагов. Он желает вобрать в себя, укрыть, защитить. Нужно лишь податься вперёд, чтобы оказаться в его объятиях. Чтобы потрогать липкие листья тополей, упасть на влажную от росы траву и вдохнуть сладкий воздух... И, может быть, изменить всё.

Одна секунда – одно движение!

Но отчего память напоминает о стальной птице над кварталами мёртвого города?

О запретном вчера, что нельзя помнить?

Оттого, что пора сделать шаг.

Шаг назад.

Сердитое шипение оглушает: фиолетовое пламя ползёт к центру портала. И знакомый мир сжимается до размеров яблока. Маленький взрыв – и граница схлопывается, оставляя лишь нить белого дыма...

Буря накрывает побережье. Ливень усиливается. Плотная пелена иссиня-серых туч затягивает добрую половину неба. Океан чёрен и густ.

Шаги в сторону города легки. Пусть песок комкается под ногами, а ураган сбивает дыхание. Пусть мокрая юбка хлопает за спиной, как парус. Против холода и невзгод есть хорошее средство: волшебный эликсир, что кипит в сердце. Даже когда тебе нет места ни в том мире, ни в этом.

А вдалеке, над сломанными шпилями, там, куда ещё не дотянулись тучи, кровоточит закат. И прощальные лучи рисуют радугу над надкушенным островком мёртвого города.

Плейлист

Theatre of Tragedy - Storm
Lacuna Coil - Infection
Хандриа - Euphoria
Forever Still - Miss Madness
Delain - Burned Bridges
Cyan Kicks - Feathers
Nemesea - Beyond Evil
Vacuum - Pride in my Religion
Delain - Tell me Mechanist
Forever Still - Awake the Fire

Глава 1. Диссоциация Нери 42

Диссоциация - тяжёлое нарушение психоструктуры человеческой особи, которое сопровождается изменением восприятия окружающего мира, мышления и эмоциональных реакций; дебютирует как правило в возрасте пре-имаго и, при отсутствии адекватной терапии, приводит к полной утрате особью социальной функции.

© **Марк 4305, Велория 48** “Нарушения психоструктуры у пре-имаго и имаго”.
Интерактивное пособие для стажирующихся субреа. Иммортель, 2337 год

1

Не вспоминай о том, что было вчера! О фиолетовых вспышках, сумасшедших иллюзиях и...

Осенний вечер заглянул в отсек, и образы померкли в памяти. Так лучше. Намного лучше.

Усталость выходит на финишную прямую тогда, когда дело почти завершено. Нери потёр веки, прогоняя дремоту. Строчки конспектора раздвоились, напоминая, что сон сегодняшней ночью – блажь. А жаль. Непременно пригрезилось бы что-то приятное. Гораздо привлекательнее, чем серая реальность, что изо дня в день маячит перед глазами.

Отсек, разделённый пополам, походил на тюремную камеру... Об уединении можно было только мечтать. Однако ни выбора, ни выхода не было. Два года назад мать, дабы расплатиться с кредитом, продала шелтер в центре, выбрав менее просторный на окраине. Её не смутили ни дурная слава северо-западного спального района, ни постоянный грохот монорельса: дёшево — и ладно. Нери ни о чём не спросили – он и промолчал. Чтобы сохранить крупницы материнской любви и понимания лучше было не открывать рот. Вообще.

Глаза блуждали в чередё строчек, но тщетно. Невозможно сосредоточиться, когда сон вот-вот одолеет. И когда память то и дело напоминает о вчера... А если сопят по ту сторону перегородки – тем более.

Иллюминатор хлопнул, покорившись ветру. У этой осени нрав нелёгок... Нери потянулся к клавише блокировки. Глаза встретили насыщенно-синий сумрак. Прямо над башней-посадкой завис задумчивый лик полной луны. Чуть поодаль, почти касаясь крыш, плыл зелёный глаз Фаты. Когда он был ребёнком, мать говорила, что отец работает исследователем на Фате. Но доводы были настолько наивны, что годам к шести Нери осознал два факта. Папа не на Фате. Папа не вернётся.

Хватит лирики, отвлекаться нельзя! Половина одиннадцатого уже. Если дело пойдёт так дальше, завтра ждёт очень низкий балл. Вот Гандива-то обрадуется! Мировая история допереломного периода – это не физика твёрдых тел и не высшая математика, где Нери постоянно фартит. Здесь нужна бетонная филейная часть, работоспособность и зубрёжка. Гандива так умеет. Нери – нет.

Если б мама сжалилась и забрала Венену к себе, можно было бы включить музыку и разбудить разум энергобустером. Можно было бы... Только мать не подавала голос четвёртый день. Вздумалось же Нери – зелёному малышу – учить взрослую женскую особь, как расходовать платёжные единицы и покрывать выросшие втрое задолженности по кредитам! Тыла для отступления не было. Вариантов – тоже. Нери не мог договориться ни с мамой, ни с сестрой, ни с собственной физиологией.

Оставив конспект, Нери осторожно заглянул за перегородку.

Венена растянулась под навесным столом, задрала ноги. Взлохмаченные волосы разметались по полу, пустые глаза таранились в потолок. Она обмотала ногу полосатым шарфом и размахивала ею, наблюдая, как цветные кисти рисуют дуги и окружности.

– Венена, – Нери погладил сестру по голове, – ты не хочешь спать?

– Очешь спать... – механически повторила та. – Очешь спать, спать...

Диалог с сестрой был бесполезен. С рождения Венена не реагировала на окружающий мир. Мать полагала, что странности Венены – истинное повреждение в результате тяжёлых родов. Будь вина случая и реаниматоров обоснована, государство выплачивало бы Венене компенсацию. Но не всегда всё идёт так, как хотелось бы.

Нери тоже пострадал при рождении, но гораздо меньше.

– Может, переодену тебя и спать ляжешь?

Венена замотала головой. На этот раз достучаться удалось. Надолго ли?

– Мне к семинару готовиться надо, – вздохнул Нери, пытаясь подавить раздражение. – Ты понимаешь?

– Адо ты понимаешь, адо ты понимаешь...

– Ч-ч-чёрт!

Кровь подступила к лицу, и во рту заиграл металлический привкус. Нери швырнул конспектор в кресло и стиснул зубы, чтобы не завывать волком. Венена в ответ приснула, и Нери почувствовал себя карасём, которого обжаривают на сковороде. Без чешуи, с содранной кожей.

– Лучше бы твоя поломка проявилась у меня! – закричал он. – Никаких тебе забот! Я тоже хотел бы висеть у родственников на шее и мешать им жить!

– Мешать им жить, мешать им жить, – Венена продолжала размахивать ногами. – Жить, жить, жить...

Ладони сами собой сжались в кулаки. «Возьми себя в руки, идиота кусок!» – вопил внутренний голос. Всё, что накопилось, требовало выхода. Срочного.

Нери оттолкнул отказавшийся на пути стул, вышел и ударил по динамичной перегородке, что перегородила вход в отсек, выпуская пар.

Уф! Так-то лучше. Без потерь. Почти.

В детстве Нери, наслушавшись о внутренней связи близнецов, воображал, что может читать мысли сестры. Часами смотрел в её безучастные глаза, не осознавая глубину катастрофы, и старался угадать каждое её желание. Его переполняла гордость, когда Венена выпивала стакан воды, что он приносил, или мурлыкала, радуясь подложенной под спину подушке. Воспоминания о детстве заставили глаза слезиться. Когда всё стало иначе?

Нери закусил губу. Пройдя на ватных ногах пару шагов, отодвинул перегородку отсека матери и заглянул в темноту. Может, снизойдёт до него и заберёт Венену к себе?

Мать лежала лицом к стене, с головой накрывшись одеялом. Уличные огни из иллюминатора отбрасывали блики на кипенно-белую ткань наволочки.

– Ма-а-ам, – позвал Нери тихо, – ты спишь?

Отвечило напыщенное молчание. Но поверхностное дыхание матери выдавало её бодрствование. Впрочем, большего Нери не ждал.

Временами, когда Нери ловил потухший взгляд матери, он чувствовал, что она обвиняет его в случившемся с Вененой. Он-то появился на свет первым и закричал сразу. Лишние три часа, что отсиживалась в утробе его сестрёнка-двойняшка, стали роковыми. Для них троих.

Независимые эксперты решили, что повреждения у Венены нет. Списали всё на присутствие дефектного гена. Нет препаратов, чтобы подавить его экспрессию – это необратимая поломка. Вина семьи, образа жизни и генофонда доказана. Пожизненное клеймо для генеалогической ветви. Нери едва достиг возраста межполовой интеграции, но уже знал: удача на личном фронте его не ждёт. Грязные редко заводят семьи и размножаются. Нери может закончить третий этап образования с наивысшим баллом, стать успешным в любой области, но этого не

сможет изменить никто. Даже если обладать всеми благами мира, отметка в биологическом паспорте и маленькая татуировка между лопаток будут напоминать о положении в иерархии биологических особей.

Намеренно лязгнув блокиратором, Нери задвинул перегородку и метнулся в кухонную секцию. Запустил кофе-машину. Вдохнул пряный коричневый аромат.

Глоток крепкого напитка пламенем пролился в горло. Не включая свет, Нери прильнул к панорамному визификатору. Темнота улиц наполнялась огнями, световыми линиями, отблесками вывесок. Под ногами пронёсся, сияя расписанными боками, реактивный добробус, оставив тающий люминесцентный след. Тротуары пустовали: лишь влюблённая парочка коротала время на аэроскамейке под окном. Видно, байки о призраках разогнали людей по домам.

Отпив ещё кофе, Нери достал коммуникатор. Он блуждал по дремучему лесу событий, имён, забытых географических названий; терял протоптанные тропы и снова находил их. Факты и домыслы историков смешивались в жуткую кашу, временная линия трещала разрывами. Какие там страны входили в Евросоюз? Кто был последним президентом США? Повезёт же будущим поколениям с постпереломной историей и географией: ныне есть лишь Импортель с не самой сложной системой районов. И всё.

Веки набирали тяжесть. Проводить вторую ночь напролёт, бодрствуя – это вам не ядерные ракеты запускать...

Ночь за стенами шелтера завладела городом и начала гасить иллюминаторы блоков и башен. Движение остановилось: лишь одинокие добробусы скрипели тормозами, подвозя к жилым системам последних работяг.

«Не вспоминай о том, что было вчера».

Промозглый ветер звенел в голых кронах, распугивая птиц. Он тащил охапки прелых листьев, с яростью швыряя рыжие комья в стены. Ему не было никакого дела до того, что за одной из них спит за обеденным столом, подложив руку под голову, Нери 42.

2

Коммуникатор разразился ехидным монологом: *«Не думай спать, Нери 42!»*. Нери встрепенулся, как ошпаренный, и едва не опрокинул чашку. Кофе на дне давно остыл и потерял аромат. Как просто дать волю слабостям и отключиться прямо за чтением!

Визификатор затянула непроглядная тьма. Часа полтора профилонил! Вот и расплата: путанный бардак в голове. И свинцовые мышцы.

Плевать на историю! Чёрт с ним, с низким баллом; пусть Гандива лопнет от злорадства. Баллы — не самое важное в жизненном цикле. Тело и мозг настойчиво просили отдыха.

Перестать себя накручивать, вернуться в отсек и лечь. Венена, наверное, спит. Вот задача будет, если она уснула прямо на полу: придётся тащить её на диван. Вздумалось же сестрице вымахать почти до габаритов брата!

Узкая полоска света выбивалась из-под перегородки его отсека. По полу бежали радиальные лучи. Венена не могла дать голосовую команду, чтобы свет вырубился. Нери с усилием отодвинул перегородку, готовясь увидеть распластавшееся на полу тело сестры...

Но вместо этого повторилось вчера.

Страшное вчера, что казалось происком воображения.

Вчера, о котором боялся вспоминать.

Фиолетовое сияние ударило по глазам, и Нери заслонило лицо ладонями. Секунд через десять он осторожно раздвинул пальцы... Сон как рукой сняло.

Вчера это были просто вспышки. А сегодня вместо отсека был бесконечный зал белого камня с колоннами по периферии. Стены белого мрамора пестрели вставками фресок. С арочного потолка свешивались люстры, только вот вместо холодного диодного огня они сияли открытым пламенем.

Нос зачесался от навязчивого запаха библиотечной пыли. Захотелось чихнуть.

Нери попятился, нырнув в прохладную темноту. Испуг вонзил когти в самое сердце. Быть такого не может! Отвесив себе мощную пощёчину, он зажмурился. Надеялся очнуться от помешательства, но на чёрном фоне лишь заискрился рой ярко-голубых точек.

Но ничего не поменялось: в отсеке творилась необъяснимая ахинея. Белый зал по-прежнему манил мерцанием, приглашая ступить за черту раздела и погрузиться в совершенную иллюзию.

Наверное, так и диссоциируют.

Нери застонал и попятился.

Только теперь он был не один.

Шагах в шести впереди возникла высокая фигура рыжеволосой девушки. Она стояла спиной, чуть склонившись набок. По плечам струились одежды светло-кремового цвета, собираясь драпировкой на талии.

Нери проглотил воздух и кашлянул.

Девушка обернулась и вскрикнула. Ей ответило эхо. Нери опешил. Ноги обмякли, угрожая уронить. Лицо таинственной гостьи было ему знакомо.

– Венена? – Нери чувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

– Тс-с... – девушка приложила указательный палец к губам. «Тс-с-с-с...» – пронеслись жутковатые отголоски эха над плечом.

– Венена?! – повторил Нери. Ужас душил, гася неродившиеся крики.

Ночная гостья отступила. И прежде, чем пространство между ними смазлось, побежала прочь. Воздух разорвал громкий хлопок, и темноту озарила короткая вспышка.

Когда белые пятна растаяли, всё вернулось на круги своя. Не было больше величественных колонн и мраморных стен. Был лишь родной отсек на прежнем месте.

Боясь провалиться в небытие, Нери переступил порог.

Венена мирно лежала на диване, свернувшись калачиком. Прямо в джинсах. Нери приблизился к сестре на цыпочках и набросил на её плечи тёплое одеяло.

– Ты спишь? – прошептал он дрожащим голосом.

Два зелёных глаза смерили Нери прицельным, осмысленным взглядом.

– Холмов всего девять, – произнесла Венена, чеканя каждое слово.

– К-какие холмы, Венена?! – Нери вздрогнул. Сестра никогда заводила диалог, разве что кивала или мотала головой, когда у неё было настроение. – Что за сны тебе снятся?

– Папа не на Фате, – глаза Венены пристально смотрели на Нери. – Папа не вернётся.

Сердце, ёкнув, улетело вниз. Рациональных объяснений увиденному и услышанному не было. Разве что...

Диссоциация!

– Но как?! – воскликнул Нери. – Как ты читаешь мои мысли?! Почему ты...

Мерное, глубокое сопение заставило его замолчать. Венена спала, как ни в чём не бывало, плотно смежив глаза.

Нери зажал ладонями рот. Было ли то, что он видел, реальностью? Или это – очередная иллюзия, порождённая воспалённым воображением?

Он приоткрыл иллюминатор, впустив в отсек дыхание ночного ветра. Глубоко вдохнул запах прелых листьев и уснувших шоссе. Сердце отбивало бешеный ритм, выдавая сто двадцать в минуту. Это диссоциация. Точно! Яркий дебют. Теперь ему – в лечебницу для особей с нарушениями психоструктуры... Тошнота забурлила внутри, и Нери задержал дыхание. Убежать бы подальше от этого места, навек слиться с другими мирами, начать новую жизнь...

Но бежать некуда.

– Тебе никогда не удастся спрятаться от самого себя, Нери 42, – прошептал он, теребя кончики длинных волос.

Он заблудился в мёртвом лесу на незнакомой земле. Картины будущего, что казались чёткими и детализированными, теряли ясность и плыли потоками акварели.

Слишком много вопросов. И слишком мало ответов.

3

Обзорный экран с презентацией погас, превратившись в чёрный прямоугольник. Конспекторы потухли. Перегородки лекционного зала распахнулись и с тихим гудением разъехались по сторонам.

Студенты сорвались с мест и потоком устремились к выходу. Поравнявшись с кафедрой, каждый прощался кивком головы с пожилым профессором и спешил к регистратору. Кому нужны отработки в неучебное время и моратории? После того, как аудитория опустеет, списки присутствующих отправят в деканат и подвергнут проверке.

Нери ненавидел большие перемены – нескончаемые отрезки времени, когда студенты разбегаются по факультету, вереща, будто голодные голуби. Одни сбиваются кучками в залах и холлах, заговорщицки хохоча. Другие дрейфуют до ближайших торговых центров, дабы познакомиться в толпе и поглазеть на новинки модной индустрии и гаджеты...

Он был из тех, кто в перерывах стоит у стены, просто ожидая занятия. Из тех, кто ждёт, время от времени поглядывая на дисплей. Одинокий и уязвимый в своём одиночестве. Для него не было ничего хуже, чем поймать на себе чужой любопытный взгляд. Но все особи курса и так знали, что он – одиночка, и от этого было ещё более неприятно.

Отогнув манжет, Нери приготовился к регистрации. Очередь шла быстро: каждому хотелось поскорее покинуть зал и ощутить дух свободы.

– Нери 42, – знакомый голос Профессора разбавил гомон. Нери попытался натянуть улыбку и сдержанно кивнул.

– Хорошего Вам дня, Профессор Юлий 4369, – пробормотал первое, что пришло в голову, и потупил взор. Получилось неуклюже и лизоблюдно. Да, думалось сегодня туговато. Но Нери справился: несмотря на тяжёлую ночь, он выжал максимум по группе – 96 баллов из сотни. Впрочем, ничего удивительного.

– У Вас светлая голова, – заметил Профессор. – Редко можно встретить особь, чей процессор работает на все сто и не зависает при этом. Такие, как Вы, дают надежду на достойное будущее нынешних пре-имаго.

– Вы льстите мне, – произнёс Нери, и кончики его ушей стали горячими.

Два шага до выхода. Перед самым регистратором кто-то ловко, но беззлобно отодвинул Нери, пройдя процедуру без очереди. Широкая спина, обтянутая ярко-синей водолазкой, мелькнула перед глазами и утонула в мерцающем свете холла. Шале 487 снова решил выделиться. Кто ещё может вести себя столь вызывающе?

Нери провёл внутренней стороной запястья над индикатором регистратора. По руке прошёлся импульс и остановился в районе ключицы.

«Нери 42, отделение пространственных трансформаций, курс 3» – выдал монитор. Нери легко коснулся клавиши «Верно», и монитор вновь вошёл в ждущий режим.

Предстояло решить, где и как провести следующий час.

Можно отправиться домой и вдоволь налопаться мамиными харчами. Пора попытаться наладить отношения, в конце концов. Две несчастные остановки монорельса украдут лишь пять минут времени.

Но...

Ничто не сможет заставить его вернуться домой раньше. Наоборот, он искал лишний повод, чтобы задержаться. Дома слишком страшно. Там каждая секунда напоминает о том, что галлюцинации могут вернуться.

Проблема решилась сама собой. Голод отключил сознательную часть мозга и направил Нери в западный сектор, в сторону факультетской столовой.

Стеклянные перемишки расступились, открывая взору просторное помещение с витринами от потолка до самого пола. Пахнуло смесью аппетитных специй, соевым мясом и пареным топинамбуром.

Столовая была переполнена. Варочные автоматы работали в полную мощь. Кондиционеры и вытяжка громко гудели, разбавляя гомон голосов.

Нери отсчитал три ступеньки и занял единственный свободный стол в центре зала. Провёл запястьем над индикатором в центре стола. Боль снова напомнила о себе, троекратно усилившись. Индикатор, издав мерзкое пищание, загорелся красным, а ящик стола выдвинулся.

Нери вытащил из ящика тарелку и блестящие столовые приборы и побежал в хвост толпы, сгрудившейся у варочных аппаратов. Занял очередь за невысокой белобрысой девчонкой, которую, как ему показалось, он уже где-то видел. С долей раздражения думал о том, что снова придётся активировать чип.

Девчонка лишь хитро посмотрела на него, и сощурилась, заставив отвернуться. Но она и не думала отводить взгляд.

– Что, на мне цветы растут? – ей голос был высоким и чуть гнусавым.

– Ты первая начала, – буркнул Нери.

– Нужен ты мне больно... – раздалось в ответ.

Нери фыркнул и отступил.

Странное предчувствие снова напомнило о себе. Что-то связывало его с этой девчонкой, но он никак не мог понять, что. Он впивался взглядом в её спину, пытаясь увидеть сквозь ткань кофточки клеймо грязных, пока очередь медленно двигалась вперёд. Девушка елозила и дёргалась, как бабочка, насаженная на иглу. Словно ощущала его взгляд...

– Эй, не мельтеши перед глазами! – не сдержался Нери. – Голова гудит.

– Тебе-то что, – фыркнула юная особа, всплеснув руками. – Я же не по голове тебя бью.

Что-то вывалилось у неё из-под мышки и грохнулось на пол. Повинуясь дурацкой инстинктивной привычке, Нери наклонился...

Пф-ф-ф, что это? Череп?

Декоративные глазницы из облегчённого пластика недружелюбно щерились. Челюсти скалились в зловещей ухмылке, демонстрируя тридцать два блестящих зуба. Габаритами шедевр едва ли превышал размер крупного яблока.

– А ну, щипцы прибери! – носок женского ботинка бесцеремонно отпихнул руку Нери.

Ошалев от хамства, Нери поднял глаза. Шилозадая пре-имаго тут как тут. Что-то показалось странным в её взгляде. Неудивительно: разве может быть всё в порядке с психоструктурой у особи, ведущей себя так?

– Да я... – только и успел пробормотать он.

Девчонка наклонилась и подняла сувенир. И подарила Нери такой взгляд, что стало не по себе:

– Не лезь в следующий раз туда, куда не просят!

Нери нахмурился. Самое время поставить нахалку на место.

– К такой, как ты, уж точно не полезу, – сдавленно произнёс он.

Девчонка дерзко усмехнулась и направилась к автомату. Несколько раз прикоснулась к сенсорному монитору, создавая голографическое изображение. Большой соевый эскалоп с сыром, салатом из моркови и тройным пареным топинамбуром на гарнир. И как только всё это поместится в такой худосочной шмакодявке?

Рука ныла, отвлекая от ненужных мыслей. Нери был даже рад этому... Но глаза не желали выпускать миниатюрную фигурку. Слишком задела. Расковыряла, как булавка. Вот девушка

подносит тарелку к ячейке выдачи. Вот проводит запястьем над индикатором, регулирующим отпуск блюд. И...

Автомат басовито загудел. Красный индикатор зловеще замигал.

Нери фыркнул. Либо у девчонки мораторий на какой-то из продуктов, либо уже просадила все электронные талоны, начисленные в начале месяца. Впрочем, второе маловероятно: на календаре восемнадцатое ноября. Если учесть, что университет обеспечивает учащихся двухразовым горячим питанием на все учебные дни, то версия с мораторием более правдоподобна. Ведь сожрать столько за полмесяца нереально!

Хотя... Если это чудо в перьях ежедневно лопают по тройной порции, почему нет?

Девушка повторила попытку. Ответом ей снова стал грубый гул и мерцание красного индикатора.

Незнакомка, выругавшись, поддела автомат носком ботинка. Шнурки на её массивных миникаперских ботильонах были разного цвета. Да и сама она походила на дочь матёрого миникапера. Её олдскульный шмот вышел из моды лет десять назад!

Может, у этой барышни тоже диссоциация?

Исключено. Пре-имаго с грубыми полонками и дефектами психоструктуры вот уже лет сорок как не допускаются до получения образования третьего этапа...

От одной мысли похолодело за грудиной. Если всё раскроется, дорога к хорошей профессии и благополучию будет навек закрыта.

– Миа, долго ты ещё будешь укрощать эту штуковину? – раздался возмущённый голос из хвоста очереди. – Не одна ты здесь хочешь есть.

– погоди! – отозвалась девчонка, в очередной раз пытаясь активировать чип.

Автомат снова отозвался рассерженным гулом. Кормить бедную голодную девочку он не собирался.

– Не видите что ли, не работает он, – Миа ещё раз пнула металлический агрегат. Автомат затрещал в ответ. – Смотрите сами!

– Хватит отыгрываться на автомате! – закричал худенький паренёк. – Если у тебя мораторий, никто в этом не виноват! Нужно лучше изучать свои дорожные карты!

– Какой мораторий? – отозвался заискивающий женский голосок. – Жрать надо меньше, только и всего.

Очередь загудела, подобно улью разъярённых пчёл, в который тычет палкой малолетний глупец. Но Миа сдаваться не собиралась. Девчонка самоотверженно ждала, когда аппарат соизволит выдать еду, но вновь и вновь он лишь сердито гудел ей в ответ. Аппарат и Миа говорили на разных языках.

– Потихе, – леденяще спокойный голос заглушил остальные. Конечно же, Гандива 2, неизменный староста потока, и тут влез. – Уважайте, пожалуйста, других. Еды хватит на всех.

Нери не любил Гандиву с его лоснящимся, красным лицом и двойными стандартами, но сейчас был ему благодарен. И даже восхищён. Мало кто из студентов мог держать железной хваткой весь поток. А он — одним словом.

Но в этот раз внушение Гандивы сработало плохо. Лёгкая мишень перед глазами – отличная причина, чтобы забыть нормы общения. Гул рос, голоса вопиющих переполняли возмущение. Какофония звуков сотрясала воздух, и Нери не решался повернуть голову и посмотреть, что происходит. Он по-прежнему держал в поле зрения автомат и девчонку, уже не столь самоуверенную.

Сзади падали, звонко ударяясь о пол, столовые приборы, трескались полимерные стаканы. Доска нарушителей на факультете, определённо, пополнится завтра десятком, а то и двумя, знакомых имён. Предугадывать последствия своих действий и уметь обдумывать каждый шаг – истинное искусство, наслаждаться которым может не каждый.

Чтобы дать выход эмоциям, Нери принялся отбивать ритм носком ботинка, считая удары.

Десять, двадцать, сорок два...

– А ну, тише, – повторил Гандива бесстрастным тоном. – Я два раза не повторяю.

– А не заткнуться бы вам?! – Миа бросила в толпу едкий взгляд.

– Да, – услышал Нери издали свой голос: монотонный и спокойный. – Не заткнуться бы вам?!

Студенты удивлённо перешёптывались. Толпа жаждала хлеба и зрелищ. Нери 42 в бешенстве – редкое, но опасное явление и богатая пища для сплетен!

Ноги понесли Нери к автомату: туда, где стояла, потупившись, девчонка. Он даже успел подумать на ходу о своём моратории на топинамбур. Пальцы коснулись сенсорного монитора, убирая с голограммы сыр. Подумав, Нери заменил пареный топинамбур на отварные злаковые изделия и активировал чип. Автомат, фыркнув, выплюнул в тарелку эскалоп, щедро сдобренный фигурными полосками тёртой моркови, и дымящийся клубок мультизлаковых спагетти.

Нери под едкие аплодисменты протянул тарелку девчонке.

– Возьми и не задерживай очередь... Мина... – он старался говорить мягко.

– Сам ты Мина! Я не просила тебя! – девчонка возмущённо топнула ногой.

– Можешь не благодарить, – выпалил Нери. – Не забудь и череп свой покормить. С ложечки.

Тень обиды застыла под глазами Мии, но всё же она взяла трапезу. Вместо благодарности Нери получил взгляд исподлобья.

Нери нажал кнопку повтора. Правая рука на мгновение онемела. На тарелку Нери упал такой же набор продуктов.

Он обошёл толпу и направился к зарезервированному столу. Опустился на стул, стараясь утихомирить эмоциональный шквал внутри. Аппетит в мгновение ока исчез, оставив пульсирующие отголоски спазмов под рёбрами.

Какая, блин, еда, если ты диссоциируешь?!

Сколько это может продолжаться?!

Поворочав вилкой клубки макарон и пару раз ткнув мясистый кусок соевого фарша, Нери отодвинул тарелку. В памяти всплыл зал с отделкой из белого мрамора, испуганное лицо сестры – той, другой Венены... Разум штамповал всё новые вопросы; логические нити запутывались в клубки, перетягиваясь морскими узлами. Потерянные тропы невозможно найти в одиночку. Привычка полагаться лишь на себя только мешала. Тем более что находился он на неизведанной территории...

Только с одним человеком можно обсудить всё! Но сохранит ли он тайну?

Выбора не было. Если пережёвывать диссоциацию в одиночку, можно уехать в изолятор к вечеру.

Нери выудил из рюкзака мультикоммуникатор, отключил видеоканал и набрал знакомый код.

Последний раз он разговаривал с отчимом две недели назад. Да и тогда звонок был входящим: Лихач поздравлял Нери и Венену с Днём Рождения. Сам Нери звонил Лихачу и того раньше...

– Я слушаю! – прорезался насмешливый голос сквозь гомон.

– Лихач! – обрадовался Нери и чуть не расплескал кофе.

– Тюфяк! Ну, давай рассказывай, что на этот раз. Снова мать кредитов набрала? Передай ей, чтобы...

– Нет-нет, с мамой всё в порядке, – Нери поспешил перейти к делу. Лихач общался в своей прямолинейно-откровенной манере. Это раздражало, но и странным образом восхищало. Ну что ж, по крайней мере, Лихач был честен. – Есть разговор. Личный. Сможем встретиться сегодня?

– Погоди, Тюфяк. О таких вещах так сразу не говорят с бухты-барахты.

– Ты даже не представляешь, насколько всё серьёзно!
– Тише, тише. Успокойся для начала... – прогундосил Лихач. – Похоже, ты чем-то расстроен.

– Можно и так сказать. Произошло кое-что страшное, Лихач. Страшное и... не совсем правильное.

– Понял. Жду тебя в пять вечера в «Козодое». Знаешь, надеюсь, как добраться?

– Чёрная линия монорельса, станция «Синеречь», первый уровень башни-посадки, – протянул Нери. «Козодой», конечно, был не самым лучшим местом для душевных бесед, но значение имело лишь то, что Лихач согласился. – Спасибо тебе.

– Давай, Тюфяк! Не раскисай там!

Короткие гудки хладнокровно оповестили, что сеанс связи закончен.

Нери потянулся. Поднёс чашку к губам: наконец-то кофе обрёл вкус.

Вопросов оставалось множество.

Но, по крайней мере, больше ничего странного не произошло.

Пока не произошло.

Нери так глубоко ушёл в себя, что не замечал, как его сверлит глазами девушка, сидящая через стол. Миниатюрная пре-имаго с веснушчатым носом, единственным собеседником которой во время обеда был пластиковый череп.

4

Вагончик монорельса пронёсся над пиками труб, пересёк ленту загрязнённой речушки и с присвистом затормозил на крыше башни-посадки. Двери разъехались, впуская в салон осенний ветер.

Нери выбрался на платформу. Тридцатью уровнями ниже, за стеной перил, распластался город. Прямоугольные кварталы и жилые системы вереницей убежали за горизонт. Капсулы, снующие по перемычкам дорог, с высоты казались жалкими точками; малые жилые боксы – чипами. Осенний ветерок, что внизу ласкал дружелюбными прикосновениями, здесь набрал мощь урагана. Налетевший порыв окатил холодом с головы до пят, забрался под ветровку, пробирая до костей. Зябко поёжившись, Нери сомкнул под подбородком молнию воротника.

А что, если Лихач вообще не придёт, забыв об уговоре?

Борясь со страхом, Нери спустился к лифтовой шахте. На первом уровне толпа проглотила его, как бушующее море. Странно, но среди людей впервые стало легче.

Бар занимал весь восточный сектор уровня. Здесь не было ни кричащих вывесок, ни ярких огней: древняя дубовая дверь с маленькой золотистой табличкой, да и только. Поёжившись от неуверенности, Нери нажал педаль, и дверь отворилась. В нос ударил пряный аромат жареного лука. Что ж, по крайней мере, не смрадный дух алкоголя.

Посетителей в этот час было мало, и Нери поблагодарил судьбу. Входить в злачный при-тон, обладая внешностью типичного интеллектуала – это перебор.

Нери несмело оглянулся: пучок длинных волос змеёй скользнул по лопаткам. Лихач, конечно же, опаздывает. Что ж, придётся самому занимать стол. Не так уж и сложно... Он с готовностью отогнул манжету, и уже готов был сделать привычное движение над мигающей красной точкой в центре свободного стола, когда знакомый голос окликнул его:

– Эй, Тюфяк, куда смотришь?! Чем думаешь-то?! Уже двадцать минут тебя жду!

В дальнем углу бара, затенённом перегородкой, сиял, подобно полной луне на полотне ночного неба, самодовольный лик отчима. Лихач потягивал из пузатой кружки пенный напиток. Две верхние пуговицы его пёстрой рубашки были растянуты, на подбородке пробивалась чёрная, как смоль, щетина. Отчим вздёрнул руку над столом и помахал Нери.

– Давно не виделись, Лихач, – Нери присел на край скамьи и бросил рюкзак рядом.

Лихач рассмеялся в ответ:

– Ну, давай, рассказывай! Судя по твоей кислой мине, дела у тебя никак. Уголки губ сами собой поползли вниз:

– Никак – это хорошо. А сейчас всё хуже некуда.

– Ну, по крайней мере, одна хорошая новость у меня для тебя есть, – Лихач, лучезарно улыбнувшись, потрепал его по плечу. – Пиво тут подают отменное. Угостишься?

Нери помотал головой. Расстегнул ветровку и, сбросив её, сложил на рюкзаке. Он уже начал сомневаться в том, что идея была хороша.

– Ну что ты краснеешь, парень? Не люблю я твои загадки, – Лихач отодвинул кружку. – Не стесняйся, рассказывай. С девчонкой ничего не получилось, да?

Татуировка промеж лопаток заняла, прожигая кожу огненным клеймом.

– Какие девчонки?! – показалось, что деревянная лавка утыкана иглами. – Ты что, забыл?! Я – грязный.

Лихач, насупившись, придвинул кружку к себе и щедро отхлебнул.

– Тоже мне приговор, – проговорил он с долей раздражения. – Мне это никогда не мешало. Как себя поставишь, так и жизнь проживёшь, запомни!

– Может, и не приговор, но препятствие, – Нери отвёл взгляд.

Официантка в дикарском платье из экокожи бабочкой скользнула мимо стола и поставила перед ними поднос с чаем и горячими пирожками. Неразборчиво пожелав приятного аппетита, она исчезла так же незаметно, как и появилась. Лишь аромат цветочных духов завис в воздухе.

Пустой желудок – не помощник. Особенно если ты собрался говорить о диссоциации. Наградив себя за смелость, Нери взял пирожок.

– Лихач, – начал он робко, – возможно, тебе неприятно будет об этом говорить, но... Я просто уточнить хотел...

Слова застряли в горле. Его коробило от слова «просто». Оно придавало речи оттенок оправдания.

Лихач оторвался от пива и приподнял бровь: то ли удивлённо, то ли насмешливо.

– Тебя ведь лечили от диссоциации много лет назад? – пролепетал Нери, стараясь не выдавать волнения.

Брови сошлись над переносицей Лихача, разделив лоб двумя продольными морщинками. Напыщенно-самодовольное выражение мигом исчезло с его лица.

– Да, лечили, – подтвердил он сквозь зубы. – Три месяца взаперти держали, мерзавцы. Только вот диссоциации у меня никакой не было, ясно тебе?

Нери пожал плечом. Не было, так не было. Характерная черта диссоциировавших – отсутствие самокритики. Теперь пришло время сказать главное.

– Я тоже диссоцирую, Лихач, – выдавил Нери. – Сомнений нет. Вчера... и позавчера я видел то, чего не мог видеть. И мне нужна твоя помощь, как никогда раньше.

Лихач изменился в лице. Ярость отступила, разгладив морщины, глаза расширились. Привстав со скамьи, он наклонился над Нери. Крепко, но безболезненно сжал ладонями его плечи. И Нери утонул в пивном смраде.

– Что бы там ни было, говори, – произнёс Лихач.

Бежевый зернистый потолок накренился над головой. Горло сдавило удушье.

– Фиолетовые вспышки. Как пламя, – пробормотал Нери, запинаясь на каждом слове. – Мраморный зал, светильники, горящие открытым огнём. Фрески. И... девушка.

Он не захотел говорить, что та, кого он видел, как две капли воды походила на Венену. Или не смог сказать.

Гримасы на лице Лихача стремительно сменяли друг друга. Прежнее удивление переросло в маску настоящего ужаса. Он поймал взгляд Нери, его дыхание внезапно стало тяжёлым и сбивчивым.

– Она не касалась тебя? – рявкнул Лихач с надрывом, почти навалившись на Нери.

Посетители бара, слышав боевой клич, перевели на них любопытные взгляды. Не иначе, как ожидали застать разборки между пассиями эфемерной женской особи.

– Нет, – Нери, сдерживая подступившую тошноту, нашёл силы привстать и усадить Лихача на место. – Не нужно такой экспрессии, прошу. Мы, всё-таки, в общественном месте. Я уже вырос из возраста, когда наказывают кулаками и ремнём.

– Забудь, парень! – Лихач махнул рукой. – Забудь об этом, навсегда забудь! Считай то, что ты видел, страшным сном! Это не повторится больше, и это...

Нери успел прикрыть рот отчима рукой.

– Пожалуйста, Лихач, – проговорил он удручённо, – говори потише, прошу.

– Это не диссоциация, – выдавил Лихач. – Ты вправду это видел. Просто прими это и забудь.

Нери разломил пирожок пополам. Пышное тесто расслоилось, обнаруживая начинку из перемолотого соевого мяса и моркови. Но есть уже не хотелось.

– Почему ты так уверен в этом?

– Я не уверен, – ответил тот, – я знаю. Просто знаю. Не задавай больше вопросов, будь любезен. Просто доверься мне: это – не диссоциация, и это больше не вернётся.

Нери молчал, кроша пирожок на стол. Он надеялся найти ответы на вопросы. Но теперь вопросов стало ещё больше.

– Ты сталкивался с этим же? – пробормотал он, на всякий случай, соблюдая дистанцию.

– Я не могу говорить об этом! – Лихач ударил кулаком по столу. Капельки пива в кружке взметнулись вверх. – Усвой уже. Ты не говоришь со мной о мнимой диссоциации, я не говорю с тобой о женских особях.

– Ну ладно, прости, – Нери устался в тарелку. Пышные крошки на белом пластике походили на снег. – Ты тоже пойми меня, я перепугался не на шутку, и теперь хочу найти объяснение...

– Вот мой совет тебе, мальчик, – Лихач сжал губы. – Не пытайся это объяснить. Пожалеешь. Очень сильно пожалеешь. Не копай глубже – ты и так теперь знаешь слишком многое. Я не могу сказать больше. Да, это было: просто живи с этим. Просто живи и считай, что объяснения этому нет.

– Значит, ты знаешь... – сердце Нери бешено заколотилось.

Лихач оттянул воротник рубашки. В его глазах плескалась усталость.

– Знаю, но... Не утомляй меня, Тюфяк, – сухо произнёс он.

Нери устался в голографический проектор над барной стойкой. Городские новости. Монотонный голос диктора бесстрастно оповещал о новых случаях заражения водяным бешенством. Яркие голограммы сменяли друг друга: перед глазами мелькали лица реаниматоров, койки лечебниц, трубки капельниц...

Свет стал мягче: бар переходил в вечерний режим. Уже знакомый, почти осязаемый цветочный аромат накрыл их. Перед ними снова возникла официантка.

– Что-нибудь ещё? – пролепетала она.

– Нет, – машинально ответил Нери.

– Да, детка, – раскатистым басом прогорланил Лихач, опустив руку на плечо Нери. – Номер один, пожалуйста.

Пальцы официантки дрогнули, чуть не уронив фиксатор заказа.

– Напоминаю Вам, что... – промямлила она с неуверенностью.

– Детка, ты – обслуживающий персонал, я – клиент, – перебил Лихач. – Я плачу тебе за работу, очень хорошо плачу. Пожалуйста, принеси то, что я требую, и не затягивай.

Девушка покорно опустила глаза. Казалось, что по её щекам сейчас побегут слёзы. Нери стало жаль её: нелепую, неуклюжую и скованную.

– Как там мать с сестрой? – Лихач неловко попытался перевести разговор на другую тему.

– Как всегда. Ничего нового. Маму ничем не расшевелишь, Венена ходит под себя. Обе на моей шее. Ненавижу обеих, далась мне такая жизнь...

Озлобленную речь прервал шлепок подзатыльника. Кожаный ремешок, стягивающий тяжёлые волосы Нери, лопнул. Каштановые змейки легли на плечи, полетели на лицо. Нери стиснул зубы, чтобы не зарычать от обиды: так его ещё никто не унижал. Лишь злобно покопился на отчима. А Лихач, как ни в чём не бывало, потягивал остатки пива.

– Будь ты моим сыном, Тюфяк, в стену бы вмял за такие слова, – произнёс он так, будто не имел к происходящему ни малейшего отношения.

– Но ты мне не отец...

– К счастью. Сдался мне такой неблагодарный сыночка.

– Да поживи хоть день моей жизнью, а?! – процедил Нери. Глаза застилала ярость. – Это тяжело, очень тяжело, когда особи, родные генетически, воспринимают тебя только как ресурс!

– Я прожил с твоей матерью семь лет, Тюфяк! – произнёс Лихач в ответ. – Кому, если не мне, знать, что ты фигню городишь?!

– Ты не видел и половины! – пальцы вцепились в край лавки. – Когда ощущаешь всё на себе, день за днём, год за годом, делаешь другие выводы!

– Утомонись, парень, – Лихачу по-прежнему не было дела до тонких душевных стенок Нери. – Если мне придётся самому ставить тебя на место, ты не выдержишь.

Нери кипел. Пряди волос застелили поле зрения. Кончики пальцев онемели от напряжения.

– Зря я тебе доверился, – прошептал он. Частые удары сердца отдавались в висках. – Если бы я только знал, что ты...

– Ваш заказ, – девичий голос прервал тихий монолог Нери. Официантка поставила в центр стола стеклянную бутылочку с прозрачным содержимым и пару крошечных рюмочек и, развернувшись, зашагала прочь.

Лихач с готовностью потёр ладони. Сомкнув пальцы на горлышке бутылочки, неторопливо отвинтил крышку. Бесцветная, прозрачная, как вода, жидкость хрустальным потоком наполнила рюмки.

– Кстати, о доверии, – проговорил он, протягивая Нери рюмку, – сделай одолжение, выпей-ка.

Нери осторожно понюхал жидкость. Специфический, едкий запах заглушил мысли.

– Ну уж нет. Что за гадость ты мне суёшь?

– Поверь, это из лучших побуждений, – Лихач был серьёзен. – Не отравлю, не бойся. Ты сейчас на пределе, я вижу. Тебе нужно расслабиться и забыться, чтобы не повторить мой путь. Знаешь, каким страшным он был?

Нери, откинув со лба прядь волос, покосился на отчима. Сначала подзатыльники раздаёт, а теперь приворотным зельем опоить пытается. Не к добру это.

– Ну? – выпалил он.

Лихач поставил рюмку на стол и беззастенчиво подтолкнул её к Нери.

– Мне даже имя пришлось сменить, – голос Лихача был твёрд. – Глупый, я думал, что это раз и навсегда перечеркнёт мои кошмары. Не помогло. А теперь я вижу, что ты повторяешь мои ошибки. Твой накал скоро превысит критический уровень.

Нери прикрыл глаза. Мутноватый свет, исчерченный плывущими нитями сигаретного дыма, казалось, доставал до сетчатки даже сквозь завесу век.

Лихач прав. На этот раз определённо прав.

– И я не хочу, чтобы ты стал таким же, как я, – продолжал Лихач. – Не хочу, чтобы ты обменял ум, эмоции и свой богатый потенциал на кошмары. Потому что, хоть мы и не родня по генам, Нери, ты для меня – сын. Выпей.

За свои восемнадцать лет Нери ни разу не притронулся к алкоголю: даже на совершеннолетие. Под Новый Год мама непременно доставала бутылку шампанского, и в праздничную ночь, начиная с его четырнадцати, всегда наливала ему возрастную норму. Но один только кислый, тошнотворный запах игристого зелья вызывал отвращение.

Может быть, пришло время проверить, в чём соль? Узнать, почему этот запретный плод сводил в могилы миллионы особей до Великого Перелома?

Резкий запах ощущался теперь менее отчётливо. Нери прикоснулся пальцами к холодному стеклу рюмки. С сомнением во взгляде повертел её в руках, наблюдая, как серебристые блики режутся в толще жидкости. Осторожно поднёс ободок ко рту...

Неприятный холодок скользнул по губам. Открытое пламя обожгло горло. Бежевый потолок накренился: опасно, будто готовясь дать трещину. Клубы дыма, силуэты, столы и стены слились перед глазами в единое трепещущее месиво. Блики света растянулись в яркие, дрожащие линии.

– Ну и гадость, – пробормотал Нери, борясь с отвращением.

Приятное тепло медленно разлилось по телу. Будто во сне Нери ощутил, как крепкая ладонь Лихача ложится на плечо. И снова Лихач оказался прав. Проблемы отступали, освобождая место беззаботной радости и безумию.

– Пожалуй, хватит с тебя, – донёсся сквозь плотную стену тумана голос отчима. – Слабачок ты. Детская доза, а уже перебрал.

Нери расхохотался. События предыдущей ночи убегали на задворки памяти, теряясь меж детских воспоминаний и отвергнутых моментов прошлого. Травы забвения прорастали сквозь сдобренную ими почву. Фиолетовые вспышки теперь казались игрой полууснувшего рассудка, силуэт Венеры – обычной гипнагогией.

Всё вставало на свои места. А, может быть, наоборот – становилось безрассудным элементом хаоса.

– Пожалуй, надо проводить тебя, – заключил Лихач, помогая Нери надеть и застегнуть ветровку. – Поднимайся, парень!

5

Нери вышел из вагона на знакомую крышу. Ноябрьская прохлада, напитанная запахом сухой древесины, заскользила по щекам. Озноб заставил сильнее стиснуть зубы.

Тёмно-синий ночной воздух бодрил и успокаивал. В ночи слышалось завывание ноябрьского ветра. Под ногами рассыпались миллионы дрожащих огней, растянулись нитями паутины световые полосы. По кольцу разезда, опоясывающему спальный район, Нери понял, что не ошибся станцией: он дома.

Лихач вышел следом: теперь суровый и непоколебимый.

– Дальше пойдёшь один, – проговорил он. – И ты знаешь, почему. Я сделал всё, что мог. Свой шелтер найдёшь?

– Уж как-нибудь... – пробурчал Нери. Вместе со здравым смыслом возвращались волнение и страх. Завтра утром он установит личный рекорд: трое суток без сна.

– Номер шелтера помнишь?

– Двести пятнадцать. Ты за дурачка меня держишь?

– На всякий случай, – Лихач похлопал Нери по плечу. – Всё-таки, тут особи пропадают. С матерью не ругайся. И ещё: если это повторится – звони. В любой час.

Внизу шумели перекрёстки. Там дороги чужих судеб пересекались, скручивались витками спирали, а затем вновь расходились нитями бесконечной паутины. Над башнями вздымался купол неба, весь в россыпи лучистых звёзд. Здесь, вдалеке от индустриальных кварталов, звёзды – неотъемлемый элемент ночных пейзажей.

– Ты всё знаешь, – пробормотал Нери, – и прячешь то, что может спасти меня.

– Не намного больше, чем ты, – Лихач ободряюще улыбнулся. – Просто пойми и прими: ты не можешь копать дальше. Это опасно. А у меня – пакт о неразглашении.

Нери лишь звонко рассмеялся. Хмель ещё не до конца выветрился из крови. Ветер унёс его смех, оставив в память лишь колкие отзвуки эха. По-прежнему натянуто улыбаясь, Нери поспешил прочь, к лестницам.

– Я не шучу, Нери! – бросил вслед Лихач.

Нери не мог заставить себя обернуться.

Возможно, отчим прав и на этот раз.

В любом случае, копать пока некуда: ржавая лопата нашла на бетонный монолит.

Прозрачный лифт стрелой уносил Нери вниз сквозь уровни. Пытаясь избавиться от навязчивых мыслей, он зачарованно смотрел, как уплывают в синий бархат небес созвездия. Звёзды походили на тонкие пробоины в днище огромного корабля; вода струилась сквозь них пучками света, как предвестник небытия. Долго ли ещё?

Внизу мерцали кварталы. Эта часть улицы в столь поздний час пустовала. Лишь арки капсульных мостов рычали двигателями.

Нери поймал взглядом чёрные иллюминаторы шелтера. Мама и Венена уже спят. Оно и лучше!

Пожалуй, стоит просто вычеркнуть из жизни события двух предыдущих дней. Вакуум послушно заполнил голову, уничтожив сомнения в зачатке.

Глава 2. Когда птицы падают

3.12. *Непосвящённой полагается считать любую девочку, девушку или женщину, чей кровный отец:*

3.12.1 *Ушёл к Покровителям до её рождения по любым причинам;*

3.12.2 *Сбежал или прячется на момент Великого Посвящения;*

3.12.3 *Сослан в Пропасть до рождения дочери;*

3.12.4 *Принял самостоятельное решение отказаться от Ритуала Великого Посвящения на седьмой день жизни дочери;*

3.12.5 *Неизвестен или не установлен.*

3.12.6 *При одновременном рождении двух и более девочек отец имеет право на Ритуал Великого Посвящения лишь для одной из них, по своему выбору. Остальные дочери из двойни, тройни или четверни остаются непосвящёнными.*

© Устой. Глава 3 “Ритуал Великого Посвящения”.

1

Тридцать третий день третьего сезона, годовой цикл 309

Девятый Холм засыпал в дымке облаков вместе с нахохленными воробьями, что затихли в кронах деревьев. Ветерок целовал листья и гнал по каменистым дорожкам зёрнышки песка.

Скрип золочёных дверей, усеянных каплями огранённых рубинов, прорвал тишину Священной Аллеи. Поправив подол оранжевого платья, расшитый сердоликовыми бусинами, Анацеа ступила на лестницу. Пропахшие дымом и благовониями волосы хранили память о Великом Посвящении.

Кантана жалась к ней так крепко, что, казалось, они стали единым целым. Малышка впервые увидела Великое Посвящение, и плечи под чёрной тканью накидки мелко дрожали, а глаза блестели от слёз.

– Мама, – проговорила Кантана с ужасом, – что они сделали с Сианом?!

Анацеа натянуто улыбнулась:

– Сиан теперь – Покровитель. Покровитель деторождения, которому будет служить Сиазе. Она будет всю жизнь носить пурпурные одежды: ведь пурпур – цвет зарождающейся жизни. Цвет любви, которая приводит к союзу мужчины и женщины, рождению детей...

У подножия Храма, на серебристых скамейках, собралась целая группа людей. Женщины в разноцветных платьях, мужчины в белых одеждах, дети. Они дожидались своего Часа Посвящения. Одна из женщин, молодая и испуганная, прижимала к себе младенца и яростно кричала что-то в засыпающее, пробитое гвоздями звёзд, небо.

Молитвы это были или проклятия?

Кантана поникла. Слеза скользнула по её щеке.

– Даже у Сиазе теперь есть, кому служить, – пробормотала она. Звук её голоса потерялся в шелесте листьев. – А у меня – нет. Какого цвета были бы мои платья, если бы...

– Седьмой день твоей жизни был днём прославления Покровителей Хаоса, – проговорила Анацеа отрешённо. Кантана снова лезет, куда не нужно, но не ответить ей нельзя. – Фиолетовый.

Глаза Кантаны возбуждённо заблестели:

– Ух ты! Мой любимый цвет.

Анацеа отвела глаза и прижала дочь к себе. Кантана осталась непосвящённой, но в этом не было её вины. Вопросы младшей дочери с течением времени становились всё более про-

зрачными: они всё чаще напоминали Анацеа о том, что она не желала воскрешать в памяти. И забывать не желала тоже...

Последние ступеньки остались позади. Анацеа и Кантана вышли на вымощенную камнем площадь. Солнце опускалось к горизонту, наливаясь алым. Шаловливый ветер щенком бросился под ноги.

Дети носились кругами, пытаясь догнать друг друга: звонкие голоса эхом терялись в яблоневых кронах Священного Сада.

– Мама, мама! – женский голос догнал Анацеа. – Вы решили уйти без нас?

Анацеа обернулась, разметав по плечам волосы. Взгляд поймал фигуру старшей дочери – Вайраны. Она крепко прижимала к себе маленького сына. Чуть поодаль тихо шли муж Вайраны – Арапонт и сын Анацеа – Элатар. Оба угнетённо смотрели в землю и шептали что-то едва открывающимися губами.

Несмотря на то, что внешнее спокойствие удалось сохранить, сердце сжали тиски ужаса. Скоро, очень скоро Великое Посвящение заберёт Элатара. Через несколько лет он начнёт подыскивать жену и непременно влюбится в одну из девушек Девятого Холма. А потом она обязательно родит дочку... Анацеа поймала себя на мысли, что была бы рада, если бы у Элатара родился сын: такой же потешный коренастый мальчишка с медовыми локонами волос.

– Что случилось? – Анацеа вздёрнула подбородок.

– Зейдана плачет у тела мужа! – с презрением выкрикнула Вайрана.

Анацеа, приложив палец к губам, с укором посмотрела на старшую дочь. Вайране Покровители даровали двух сыновей, поэтому Акт Великого Посвящения радовал её, подобно тому, как весёлое представление забавляет ребёнка.

– Помолчи, – сквозь зубы выговорила Анацеа.

Ей самой приходилось плакать дважды, и она как никто другой знала, что переживает сейчас Зейдана. В памяти возникли реки крови на жертвенном Алтаре, бесстрастное лицо жреца-вершителя, мужская голова на каменном помосте... Маленький феникс встрепенулся внутри, расправив огненные крылья: Анацеа захотелось вернуться в Храм к Зейдане, чтобы обнять её, утешить, снова вдохнуть в неё жизнь... Но она не могла так поступить. Правила Посвящения диктовали иное. Через десять минут Вершители уберут тело Сиана в могильник. Зейдану с малышкой отведут в специально подготовленную комнату, где они будут пребывать под надзором жриц, пока не высохнут слёзы первой боли. А в Жертвенном зале настанет новый Час Великого Посвящения, но уже для других.

Зейдана станет сильной и непоколебимой, как мать. Посвящение научит её этому, превратит беспечное мягкосердечие в истинное благородство. Только трудности закаляют волю. Только боль утраты может помочь осознать истинную ценность чувства и открыть новые грани жизни.

– Не улыбайся, дочь, – с укором продолжила Анацеа. – Первый раз очень сложно понять глубинный смысл великого Акта. Зейдана ещё очень молода. Мне тоже едва сравнялось восемнадцать циклов в день твоего Посвящения.

Ступени поскрипывали в сгущающейся темноте. Они отсчитывали шаги идущих на Посвящение, заставляя сердце Анацеа колотиться чаще. Сдавленный выдох вырвался из горла, и она прижала Кантану к себе крепче. Анацеа неоднократно созерцала Акт Великого Посвящения. Да что там – ей приходилось самой стоять со своими дочерьми в пелёнках у жертвенного Алтаря, рыдая так, что слёзы застилали взор...

А теперь это коснулось и Зейданы. На седьмой день жизни её дочери Сиазе, как и полагается. Крошка никогда не вспомнит лица отца, как и большинство женщин Девятого Холма. Ибо отправиться к Покровителям во имя Посвящения своей дочери – его почётный долг.

Не вспомнит. Если, конечно, лёгочная отпустит Сиазе. Эта зараза вечно пристаёт к недоношенным младенцам. Жрецы на этот раз не были однозначны и не могли сказать ничего определённого.

Из-за растопыренных крон выплыло яблоко полной луны. Ветки деревьев разрезали его на крошечные лоскутки. Казалось, что прозрачный щербатый лик налит кислым виноградным вином.

Босые ступни коснулись травы, сбрызнутой вечерней росой. Тело пробрал неприятный холодок. Руки обхватили тельце Кантаны. Плечи девочки по-прежнему мелко трепетали.

– Неужели мой муж тоже уйдёт к Покровителям? – задумчиво пробормотала Кантана, подняв вишни чёрных глаз.

Анацеа тревожно покосилась на верхушки яблонь. На синих лоскутках неба одна за другой высыпали звёзды.

Как объяснить Кантане, что у неё никогда не будет ни мужа, ни детей?

В памяти Анацеа всплыло скуластое лицо покойной старшей сестры. Ноацеа, как и Кантана, была непосвящённой. Она никогда не показывала недовольства участью и ходила только с гордо поднятой головой. Её сила духа могла бы стать эталоном для любой женщины Девятого Холма, а смирение вызывало истинное восхищение. Юная Анацеа и старший брат Винченцо считали сестру твёрдой и непоколебимой, как скала. До тех пор, пока однажды, глубоким вечером, не услышали доносящиеся из комнаты Ноацеа сдавленные рыдания.

– Вырасти сначала, – губы Анацеа едва шевельнулись, создавая для дочери подобие улыбки.

– А я возьму и не отдам своего мужа на Посвящение! – капризно прогундосила Кантана. – Вот не отдам и всё! А если за ним придут – перебью всех кулаками!

Трава холодила босые ступни. Мелкие зелёные яблоки, что спешно покинули родные ветки, отражали лучи лунного света. Казалось, что Покровители рассыпали по газону сада сотни серебряных монет.

Анацеа расправила юбку, присела на корточки и крепко прижала девочку к себе, спрятав лицо у дочери на плече. Шёлковые пряди волос Кантаны, пахнувшие свежестью и летними цветами, коснулись её щёк.

– Мама, ты что? – Кантана робко попыталась высвободиться из объятий, но Анацеа держала её крепкой хваткой. – Мам...

Не произнося ни слова, Анацеа коснулась сухими губами щеки дочери и отвернулась.

Анацеа не могла допустить, чтобы Кантана увидела, как она плачет.

2

Семьдесят шестой день четвёртого сезона, годовой цикл 327

Солнечный свет завладел миром...

Пронизывающие и такие горячие для конца четвёртого сезона лучи клубились в воздухе, делая его похожим на парное молоко. Пёстрые блики плясали по стенам; по столам, что выстроились подле кафедры. Кантана сморщила нос. Плечи под накидкой покрылись каплями пота: того и гляди, загорятся ярким пламенем! Высшая мера Инквизиции, не иначе! Она не без зависти оглядела слушающих. Почти все сбросили накидки, и лишь непосвящённая Тилен сидела напротив, укутавшись в глухой чёрный палантин.

Говаривали, что до Возмездия Покровителей четвёртый сезон бывал холоден и дождлив. Что в лесах в его начале плодоносили грибницы, а деревья сбрасывали листву уже к середине. Кто знает, кто знает...

Размяв плечи, Кантана вернулась к записям. Вспомнить, о чём только что вели речь, оказалось невозможно. Монотонный голос Наставницы навевал дремоту. Казалось, что её слова начисто лишены смысла.

Как же хочется растянуться прямо за столом!

Луч лениво скользнул по ладони. Лиловые блики матового оконного стекла волочились за ним, обхватывая запястье. Солнце дарило ей настоящие аметисты! Кантана прикрыла веки, отгородившись от мира. Если бы всё сложилось иначе, она носила бы яркие фиолетовые одежды. Она имела бы право снять накидку, обнажив плечи. И непременно расшила бы подол платья аметистами цвета вечерней дымки... Но у Покровителей были другие планы: они даровали ей угрюмый цвет вороного крыла, бесправие и горькие чёрные агаты.

Наставница вещала о роли женщины и мужчины в обществе, о сакральности Акта Великого Посвящения. Как бы лекции ни начинались, чему бы ни были они посвящены – истории или окружающей природе – заканчивались они всегда одним и тем же. Наставнице важно было донести до них информацию. Ровесницы Кантаны находятся в преддверии замужества, и многим скоро впервые придётся увидеть Акт Великого Посвящения. Некоторые из слушающих, правда, уже присутствовали на Посвящениях; но стоит ли объяснять, что всё будет совсем иначе, когда они произведут на свет дочерей? Ведь у Алтаря окажется не дядя, не брат, не муж сестры, а тот, кто стал для тебя смыслом жизни.

Губы Кантаны изогнулись. Её-то это не коснётся ни коим боком! Хоть какой-то плюс.

Сасси повесила жёлтую накидку на спинку стула. Расправив острые плечи, она кинула на Кантану победоносный взгляд. Её рот вяло шевельнулся, но Кантане не нужно было овладевать искусством чтения по губам, чтобы понять посыл. «Знай своё место» – вот всё, на что способен острый ум Сасси Альтеррони.

Кантана гордо показала обидчице язык и, ища поддержки, взглянула на Тилен. Та покусывала губу, едва сдерживая смех. Бисеринки пота рассыпались по покрасневшему от жары лбу, лицо походило на разваренную картофелину. Кантана вряд ли выглядела более привлекательно, но деваться было некуда.

Запах раскалённой книжной пыли обрёл насыщенность; к нему примешивался аромат прелой древесины и мела. Воздух стал горячим, сухим и тяжёлым: каждый вдох давался невероятным усилием. Вот когда скучаешь по проливному дождю, бушующим ураганам и звонким грозам!

Наставнице следовало бы закончить нравоучения и отпустить их, но она увлеклась рассказом настолько, что напрочь забыла о времени. Даже красавица Сасси, обычно с воодушевлением слушающая Наставницу и то и дело поддакивающая ей, уныло косилась в пол, накручивая на палец светло-русый локон.

– Женщина непосвящённая не представлена Покровителям, и именно поэтому они не могут поддерживать её магический потенциал, – подытожила Наставница, уставившись на Кантану. Она всегда смотрела на неё или на Тилен, когда говорила о непосвящённых, – При отсутствии поддержки Покровителей имеется высокая вероятность установления связи с деструктивными силами. Поэтому любая попытка непосвящённой женщины применять магию пресекается в зачатке и наказывается четвертованием и пожизненной ссылкой.

Кантана снова взглянула на Тилен, стараясь придать лицу насмешливо-высокомерное выражение. Тилен подмигнула: уж она-то знала, что означает эта гримаса.

– На этом наша беседа закончена, – проговорила Наставница, складывая бумаги в кожаную папку. – Жду ваших вопросов.

Кантана нерешительно почесала затылок а затем подняла руку, разогнав облачко мелких пылинок. Сасси почти испепелила её взглядом.

– Скажите, Наставница, почему Покровители не поддерживают наш с Тилен магический потенциал, но всё равно с нами связываются?

Тишина на несколько секунд воцарилась в аудитории. Что-то недоброе произойдёт сейчас: Кантана поняла это по надменному блеску в глазах Наставницы.

– Госпожа Бессамори, не провоцируйте меня, – голос Наставницы, разорвавший тишь, был холоден и спокоен, – Вам тяжело среди избранных, но скромность и смирение даруют Вам счастье.

Сасси визгливо хихикнула. Хохот подхватил кто-то на задних рядах. Молния пробежала меж лопаток, спускаясь к пояснице. Ах, как Кантана мечтала отправить нахалку на Мёртвый Континент, напрочь отрезав все возможности вернуться обратно!

– Я, вообще-то, прогноз на будущее не просила, – Кантана закатила глаза.

Морщинистое лицо Наставницы исказила недовольная гримаса. Она выглянула из-за кафедр, как стервятник, готовый в любой момент кинуться на добычу.

– Смирение и скромность, запомните это, госпожа Бессамори, – Наставница щёлкнула в воздухе сухими пальцами, породив ярко-голубую вспышку. – Я не хотела бы видеть Вас или Вашу подругу четвертованными: без рук и языка.

Кантана усмехнулась. Угрожает? Само собой, все они начинают запугивать, когда замечают инакомыслие! Кантана хорошо чувствовала расстановку сил, и точно знала, кто в случае конфликта одержит победу. Только вот доводить дело до этой стадии было невыгодно. Всё же, Наставница ещё три годовых цикла будет отравлять ей жизнь. Сохранить хорошие отношения сейчас – важный приоритет.

– Ясно, – выпалила Кантана. – Простите мне мою дерзость, Наставница.

– Я прощаю Вас, – Наставница ссутулила жилистую шею, как гусыня. – И я отвечу на Ваш вопрос. Представьте себе руку, что намеренно берёт молот. А что будет, если молота нет? Пустое движение. Конечная цель достигнута не будет, так как при отсутствии молота это невозможно. В Вашем случае всё точно так же. Не организм реагирует на сигнал Покровителей, а Покровители на сигнал организма. То, что Вы называете связью, для Вас – просто не имеющее значения явление. Вы путаете причину и следствие.

– Если нет молота, я возьму пилу! – ответила Кантана, не сумев побороть врождённый дух противоречия.

– Вы за старое, госпожа Бессамори? – Наставница скривилась.

Риторический вопрос не требовал ответа. Что ж, пусть Наставница считает так, как хочет считать: правду-то все знают. Кантана проводила взглядом удаляющуюся фигуру. У неё была тысяча и одна причина не доверять Наставнице.

Слушающие, наконец, оживились. Аудитория наполнилась девичьим смехом, шуршанием бумаг, гомоном голосов. Сасси поднялась с места, невзначай пихнув Кантану локтём, и набросила на плечи расшитую цитринами накидку. Усмешка играла на её губах, раскосые глаза полыхали. Кантана давно показала бы Сасси, где раки зимуют, если бы не их вынужденное родство: два годовых цикла назад кузену Кантаны приспичило жениться на кузине Сасси.

– Ох, Кантана, – пробормотала Сасси, продолжая закручивать локон вокруг указательного пальца, – жаль, что непосвящённых не допускают на спецзанятия. Нам одну забавную вещь вчера рассказали. Оказывается, уже семнадцать циклов по Девятому Холму бродит Длань Покровителей – девушка, обладающая особым видом магии. Она может уничтожить целый мир, если захочет, но может при необходимости и спасти его. Никто не может её обнаружить, но Верховная Жрица – Шандрис – чувствует её присутствие. Мне кажется, что я – Длань Покровителей, как ты считаешь?

Ох уж эта Сасси! Знает, паршивка, что Кантана не любит быть второй. Превосходство демонстрирует: неважно, что весьма сомнительное. Проходили, знаем.

– Кто-кто? Дрань? – Кантана растянула губы в усмешке. – А может быть дрань?

Сасси застыла на месте, как оплёванная. Губы её приоткрылись, обнаруживая два кроличьих зуба. Даже пышные складки юбки поникли вместе с нею.

– Я могла бы сейчас подключить магию, – с угрозой в голосе процедила Сасси. – Могла бы подпалить тебе юбку, или ножки. Но тебе ведь даже ответить нечем. Слабых не обижают, пустышка.

Метод Сасси – эмоциональный прессинг. Неизвестно, что получалось у неё лучше: воспламенять предметы или разжигать чужой гнев. В подобные моменты Кантане хотелось пойти на крайние меры. Но нельзя... Кантана посмотрела на Сасси, имитируя твёрдый и холодный взгляд матери. Это далось ей нелегко – внутри бушевал самый настоящий пожар.

– А зачем мне магия? – пожала плечом. – У меня и кулаки хороши.

И прежде, чем Сасси успела возразить, Кантана легонько толкнула её в живот. Волна гнева, что копилась внутри, вырвалась наружу вместе с ударом. Всё элементарно: закон отражения.

Сасси приоткрыла рот, как рыба, выброшенная на берег бурным течением. Согнулась пополам: жёлтая накидка блеснула цитриновыми искрами. Благородно-русые кудряшки, строптиво изогнувшись в воздухе, упали на худые плечи.

– Ах, – томно простонала она.

Напряжение витало в воздухе, накаляя атмосферу всё сильнее. Вокруг сгрудились другие слушающие. «Кантана Бессамори, что ты делаешь, ты же убьёшь её!» – отчаянно завопил кто-то. В этом визгливом призыве слышался неподдельный испуг.

Кантана усмехнулась. Вот притворщица! Жалость своих подружек вызвать пытается, не иначе. Она-то знала точно: Сасси не было больно. Лёгкий тычок ещё никого не калечил.

– Хватит, – на плечо Кантаны легла рука Тилен. Обернувшись, Кантана поймала печальный, как у сенбернара, взгляд. – Ты ведь знаешь, из-за чего она бесится. Оставь её, проигравших не бьют.

Конечно, Кантана прекрасно понимала. Насмехаться над непосвящёнными – моветон. Всё было куда прозаичнее и банальнее. Гая – родного брата Тилен, которого Сасси предусмотрительно выбрала себе в мужа – не интересовал никто, кроме Кантаны.

– Что ж, – Кантана вскинула бровь, – мне Гай не нужен, слышишь, Сасси? Не соперница я тебе вовсе. Отношения мне заводить нельзя, да и не в моём он вкусе. Но...

Чёрные тени силуэтов на мраморном полу всё сильнее растягивались, клонясь к дверям. Толпа слушающих согрелась отблесками довольных усмешек. Глупенькие – наверняка, воспринимают её речь, как белый флаг. Кантана покусывала губу: нужно было подобрать красно-речивое и меткое слово для финального удара.

– Но ты его не получишь! – подытожила она, злорадно ухмыляясь. – Потому что недостойно себя вела!

Тилен наконец-то засмеялась в голос. Но никто больше не захотел поддержать Кантану.

Сасси закипела. Лицо её перекосила гримаса недовольства. Если бы Кантана опустила взгляд ниже, она заметила бы красноватое сияние, исходящее от ладоней соперницы.

– Ты сама напросилась... – прошипела Сасси, вытянув руки.

Запах горячей ткани вывел Кантану из оцепенения. У ног танцевали огненные язычки. Подол платья тлел, испуская сероватые нити едкого дыма.

– Почтенные Покровители! – выругалась Кантана, в ярости топнув ногой. – Тоже мне инквизитор!

Она захлопала руками, сбивая пламя. Но рыжие языки исчезли столь же внезапно, как и появились, оставив в память о себе лишь небольшую закопченную выемку на подоле.

– Сасси, полно! – низкий голос прогремел над плечом. – Ты убить её решила?

Бримэ, конечно же это была Бримэ с её заклятием молчания. Кантана, ранее считающая плотнотелую жрицу столь же бессильной и бесполезной, как среднестатистическую непосвящённую, наконец-то поняла, насколько на самом деле важна и мощна её магия.

Сасси будто ударили ножом в спину. Она опешила. Сухие губы приоткрылись, выпуская наружу сиплый стон.

– Пойдём, – твёрдо сказала Бримэ, – не доведёт тебя это до добра.

– погоди, – Сасси тщетно пыталась возразить, – я должна показать, где её место!

– Я не позволю, – прокричала Бримэ, потянув подругу за руку. – Ты и так уже глупостей натворила.

Сасси надменно скривила губы; глаза её полыхали желанием возмездия. Вот только мстить пока было нечем: Бримэ отобрала тот самый молот, о котором говорила Наставница.

– Спасибо, Бримэ, – пробормотала Тилен. Её голос потерялся в бессильном стоне Сасси. – Здесь могла случиться катастрофа...

Кантана незаметно наступила подруге на ногу. Нельзя было делать даже тонких намёков на то, что должно остаться в тайне; а особенно в присутствии недоброжелателей. Тилен виновато ойкнула и прикрыла рот ладонью.

– Могла, – согласилась Бримэ. – Сасси – очень сильная стихийница. Покровители дали ей опасный дар. Осторожно, Кантана, осторожно...

Бримэ выволокла остолбеневшую Сасси из аудитории. Несколько девушек, наблюдающих за потасовкой, поспешили за подругами, размеренно цокая каблучками: самое интересное закончилось. Остальные давно разбрелись по домам: мало кому хотелось задерживаться в неудобной обстановке.

Оставшись в одиночестве, Кантана и Тилен заискивающе переглянулись.

– Осторожно, Кантана, осторожно! – отчеканила Кантана слова Бримэ смешным низким голосом. – Да они и половины не знают!

Тилен подняла на подругу печальные глаза:

– Зачем ты ударила её?

– Ну, во-первых, не ударила, – махнула рукой Кантана, – толкнула. Как я дерусь, она ещё не видела. А во-вторых, она... Она назвала себя Дланью!

Кантана скомкала исписанный лист бумаги и, прицелившись, запустила в каменную урну.

– Сегодня идём? – она покосилась на Тилен. – Я раздобыла новый метод, не терпится опробовать.

Тилен энергично помотала головой и упёрлась ладонями в столешницу.

– Кантана, – проговорила она неуверенно, – это всё опасно. Это – риск. Мы не должны...

– Ну вот ещё! Что за занудство, Тилен?! – Кантана дерзко вскинула голову.

– Я просто объективно оцениваю ситуацию. Я не хочу остаться четвертованной и жить в Пропasti.

– Бросить вызов всему миру – вот что мы должны сделать! – Кантана сердито сдвинула брови. Казалось, что пространство вокруг разрывают на клочки разряды молний. – Нас уже четвертовали, подруга! Облачили в чёрное, лишили семьи, детей. Магия – это последнее, что у нас осталось. И даже этим они запрещают пользоваться!

– Только не сегодня, – буркнула Тилен под нос. – Завтра, Кантана. Завтра.

– Я рада, что ты меня поддерживаешь, – на лице Кантаны заиграла удовлетворённая ухмылка.

Девушки схватили вещи и наперегонки ринулись к выходу, догоняя свои тени. Беломраморная аудитория, заполненная пыльным воздухом, опустела. Лишь солнечные зайчики, окрашенные в разные цвета стёклами витражей, продолжали носиться по кипенным стенам, как последние посланники уходящего тепла.

Поговаривали, что до Возмездия конец четвёртого сезона приносил ледяное дыхание упокоения. Что холодные ветра в эту пору отчаянно резвились в голых кронах деревьев, а воду рек по утрам схватывала тонкая короста льда. Говорили, что ближе к межсезонью непременно

выпадал снег, покрывая землю тонкой белоснежной периной. Для горожан эти слухи уже давно остались частью волшебных сказок, которые матери любят рассказывать детям перед сном.

Снега на Девятом Холме не видели уже более ста циклов.

3

Дубовая дверь скрипела, болтаясь на массивных петлях. Ветер, прогретый солнцем, врвался в проём с нахальством юнца: он тащил за собой пыль и пожухшие листья. Голые ветви отбрасывали кружевную тень на крыльцо, поросшее бархатистым мхом. Воздух хранил запах водоёма и свежей древесины.

Кантана выбралась из наставни, спугнув стайку жирных голубей. Прохлада коснулась лица после жара глухих коридоров, сорвав с губ улыбку. Ветер подхватил подол платья и протащил по крыльцу, испачкав в пыли.

Ноги отсчитали три ступени вниз. Ещё одна стайка голубей, шумно хлопая крыльями, взвилась в холодное небо прямо перед лицом. Неуклюжие чайки деловито сновали поодаль, выискивая в трещинах уцелевшие семечки и хлебные крошки.

Кантана ускорила шаг. Деревья с замшелой корой уплывали назад. Ненавистное здание наставни приближалось к горизонту, превращаясь в размытую линию.

Каблуки подняли феерию брызг, когда Кантана с разбегу перескочила через лужицу. Она по-ребячески засмеялась, глядя на летящие капли, что отливали всеми цветами радуги. Впереди были долгие часы свободы! И казалось, что за спиной разворачиваются настоящие крылья.

Птицы сшивали клочки облаков смелыми стежками и сеяли по ветру тревожный писк. Природа хорошо чувствует последние тёплые дни. Скоро, совсем скоро наступит холодное межсезонье. А затем власть примет первый сезон – время мертвенного спокойствия и беспробудных снов.

Преодолев сквер, Кантана вышла на рыночную площадь. Это была часть её обычного маршрута. Часы бойкой торговли подошли к концу, и теперь под навесами из грубой ткани царил пустота. Лишь две торговки ютились в конце ряда, собирая товар в плетёные корзины. Кантана пригляделась: одна из них, кажется, несколько циклов назад служила в гостинице её кузена.

– Добрый день! – Кантана помахала рукой. – Да помогут вам Покровители!

Одна из торговок – сморщенная женщина почтенных лет в синем бархатном платье – бросила Кантане румяное яблоко, искрящееся мёдом:

– Пребывайте в здравии, юная госпожа Бессамори!

Кантана поймала летящее яблоко и с аппетитом надкусила гладкую кожицу. Мякоть засияла белизной из надлома, кислотовато-сладкий сок окропил губы.

– Благодарю Вас! – прокричала она. Ветер подхватил фразу, утопив в шелесте опавших листьев и хрусте ломающихся веточек.

Фигура Кантаны, углубившись в пролесок, превратилась в чёрную тень и потерялась меж древесных стволов.

Когда шорох шагов стих, женщины, оставив товар, переглянулись.

– Жаль мне её, бедняжку, – пробормотала старушка в синем платье. – Каково это знать, что обречена на вечное одиночество и бессилие?

– И не говори-ка, – подытожила вторая женщина. Она выглядела моложе своей товарки, ярко-алые одеяния оттеняли бледность её кожи, – а ведь такая хорошенькая! Была бы завидной женой с её-то родством. Мать в Совете, дядя держал «Чёрную гвоздику», куда к Покровителям не отправился...

Неловкое молчание затрепетало в воздухе. Лишь шелест сухой травы да посвистывание птиц нарушали напряжённую тишину. Корзины у ног торговок зияли пустотой. Ветерок трепал

волосы женщин: ни одна не решалась подать голос, будто бы разговор затрагивал запретную тему.

Внезапный хлопающий звук разогнал неловкость. Из подлеска близ торговых рядов, с ускорением рассекая воздух, вырвался голубь. Энергично размахивая крыльями, он описал мёртвую петлю над площадью. Резко уйдя вниз, почти коснулся грудью земли, а затем снова начал набирать высоту, поднимаясь под острым углом. Птица пушечным ядром пролетела между женщинами, едва не задев крыльями их удивлённые лица, и столь же внезапно потерялась в лесной поросли за их спинами.

– Почтенные Покровители! – выпалила бледнокожая. – Вот это да!

– Подумаешь – птица какая-то, – с презрением прогундосила старушка, закрывая остатки яблок полосой льняной ткани.

Сдавленный, хриплый полувздых-полустон бледнолицой стал ей ответом.

Старушка подняла взгляд на товарку. Та стояла, оторопев. Рука бледнолицой, обтянутая кроваво-красным атласом, приподнялась, указывая строго вперёд.

– Разрушители! – завопила она истошно. Эхо с издёвкой отчеканило её слова, запутав их в ветвях деревьев. – Покарай меня Возмездие! Они здесь!

Старушка с опаской приподняла голову. Седые нити её бровей изогнулись над переносицей, лоб рассекли линии морщин. Тонкие, как палочки, руки беспомощными плетью повисли вдоль туловища...

Нечеловеческий вопль снова сотряс воздух.

Яркие, сочные яблоки градом рассыпались по траве...

В самом центре рыночной площади метало искры неизвестно откуда возникшее огненное кольцо. Только огонь отчего-то был фиолетовым, а не алым. В портале смутно проступали контуры зданий, однако мир совсем не походил на тот, что ежедневно привыкли видеть жители Девятого Холма.

Угловатые башни с круглыми и прямоугольными окнами подпирали небо, уходя под облака. Меж ними паутиной раскинулись нити дорог, по которым сновали туда-сюда удивительные округлые упряжки без тяги. Там – по ту сторону – небо походило, скорее, на грубый монолит, чем на отрез лазурного атласа.

Старушка сдавленно застонала. Хрупкие руки потянулись к груди:

– Разрушители... – прохрипела она, зачарованно глядя в центр кольца. – Почтенные Покровители! Они, они...

Налетел ветер, подняв к облакам столбы пыли. Тени на щебне заплясали, переплетаясь тонким кружевом. Бледнолицая что-то яростно забормотала себе под нос. Затем её рука взмыла вверх, породив яркую вспышку. Вылетев из ладони женщины, световая стрела ударила точно в кольцо. Разряд отразился от невидимой преграды и полетел обратно. Бледнолицая едва успела увернуться от собственного огня.

– Да чтоб тебя... – выругалась она. – Духи неупокоенные! Эх, беда!

– Смотри, смотри! – старушка снова показала на огненное кольцо.

В недрах дрожащей бездны раздался глухой гудок. Звук натужно вибрировал, терял ноты, будто бы прорываясь сквозь плотную преграду.

Из самого центра панорамы стремительно и гордо выплывал металлический червь неральных размеров. Серебристые бока дробили лучи потустороннего солнца. Раскосые глаза чудища кровожадным взглядом косились на торговков, предрекая их скорую кончину.

– Возмездие грядёт, Аэнэ, – старушка подняла руки над головой, расправила ладони и четырежды провела ими сверху вниз, вдоль туловища. – Духи не могут успокоиться. Видно, люди недостаточно чисты и не выносят уроков из прошлого.

Червь подползал всё ближе. Его чёрные глаза почти затягивали в себя. Массивное тело чудовища теперь заняло всю панораму, загородив головной частью скопления башен. Шум

нарастал: несмотря на то, что он доносился будто бы сквозь толстую прослойку ваты, в нём отчётливо прослушивался жутковатый свист и металлический лязг.

Аэнэ повторила за старушкой ритуальное движение и застыла перед прилавком, как вкопанная. Голодный взгляд червя заставлял кровь смерзаться. Спасения ждать было неоткуда: ещё пара секунд, и их тела окажутся погребёнными под массивным телом чудища.

– Прощай, Аэнэ, – старушка смело подняла лицо к глазам кровожадного монстра, голос её был твёрд и спокоен. – Прощай.

В ту же секунду короткий хлопок разорвал воздух. Языки пламени погасли. Магическое кольцо сжалось и сошло в одной точке.

Таинственный монстр бесследно исчез. На месте огненного круга проявились деревья. Теперь лишь спутанные нити белого дыма, уходящие в небо, напоминали о произошедшем.

Аэнэ грохнулась на гору корзин. Старушка заботливо протянула ей руку, помогая подняться.

– Что это было? – пробормотала Аэнэ, едва двигая обескровленными губами.

Старушка лишь скупно пожала плечом в ответ.

Сухой треск ломающихся веток снова заставил торговков завопить. Несколько обломанных сучков, расписанных разноцветной плесенью, упали в траву. Обуянные паникой, женщины крепко прижались друг к другу.

Вслед за обломками в траву шлёпнулось что-то большое и мягкое.

Аэнэ осторожно раздвинула траву носком туфли. Вымученный выдох с клокочущим свистом вырвался из её горла. Она отползла назад, пачкая платье разводами пыли.

В траве, раскинув сизые крылья, лежал мёртвый голубь.

4

Каменистая дорожка извивалась меж пучков сухой травы. Кустики арники сиротливо дрожали у обочины: ураганы четвёртого сезона сорвали с них последние листья, и теперь вверх торчали лишь голые ветки. Лёгкий ветерок стелился по земле, поднимая облачка сухой пыли.

Витые изгороди домов отбрасывали кружевные тени. Ноги несли Кантану вглубь квартала: туда, где голубой лоскут неба сходил с дорожкой. Острые углы крыш выплывали из-за деревьев, сверкая чешуёй черепицы, и тут же уносились назад.

Родной дом было заметно за километр: он, как маяк, манил торчащей в небо серой башенкой. Стрелочка-флюгер гуляла по кругу, покоряясь забавам ветерка. Пожухший плющ поднимался по стенам до самой крыши.

Ещё издали Кантана заметила на крыльце сестру. Зейдана опиралась на кованые перила, будто ожидая кого-то. Недоброе предчувствие поднялось в груди: наверное, кто-то в округе тяжело болен. Зейдана служила в жреческом активе, и за ней частенько посылали даже с другой окраины Девятого Холма.

Как в подтверждение догадки, Кантана заметила серебристый чемоданчик у ног сестры. Зейдана брала его с собой на родовспоможение. Значит, Девятый Холм сегодня поприветствует нового жителя. И, если это будет девочка, простится с одним из мужчин семь дней спустя...

Заметив сестру, Зейдана подняла ладонь, обтянутую светло-голубой перчаткой. Её круглое лицо, обычно улыбочное и сияющее, на этот раз было сосредоточенно-напряжённым; в задумчивом взгляде янтарных глаз читалась тревога.

– Моё почтение, сестра, – поздоровалась Кантана, открывая калитку.

Ответа не последовало.

Кантана осторожным шагом приблизилась. Напряжение нарастало с каждой секундой. Тишина становилась невыносимой.

– Зейдана? – робко позвала она. – Что-то произошло?

– Дериадэ родила, – монотонно проговорила Зейдана, игнорируя приветствие. – Два часа назад... Девочку...

Ноги Кантаны потеряли опору. Мир перевернулся, подобно мячу, подброшенному в воздух: земля сошлась с небом, солнце рассыпалось на пылинки...

То, чего больше всего боялась семья Бессамори, стало реальностью.

– Родила?! Но ведь срок ещё не подошёл! Ей носить ещё половину сезона!

– Так бывает, – Зейдана сжала губы. – И это опасно. Ребёнок очень мал и слаб.

– Но если это девочка, – Кантана захлебнулась в догадках, – значит... Через семь дней Посвящение заберёт Элатора?!

Зейдана молча кивнула, подтверждая догадки. В глазах её сверкали слёзы.

– Брат мой! – простонала Кантана на надрыве. – Почтенные Покровители, за что?!

– Мы будем сильными, сестра, – Зейдана положила руки на плечи Кантаны и попыталась натянуть свою обычную улыбку. – Мы должны радоваться этому событию, помнишь?

– А если девочка не выживет?! Что станет с Дериадэ?! – выплонула Кантана.

Невыносимая волна жара поднялась к горлу: говорить это при сестре не следовало. Однако во взгляде Зейданы не появилось укора или злобы. Лишь уголки губ слабо дрогнули. Едва уловимо...

– Я ведь всё ещё жива, верно? – пробормотала Зейдана растерянно. – Глубокие раны не затягиваются, но время стирает память. Время – лучший лекарь, Кантана.

Кантана виновато опустила взгляд. Румянец ошпарил щёки.

– Прости меня, сестра, – прошептала она, – не понимала, что говорю...

– Думай прежде, – Зейдана с горестью склонила голову.

Громко хлопнув дверью, Кантана переступила порог и погрузилась в пространство огромной гостиной. Приятный запах воска и затушенных фитилей наполнял воздух. Свечи здесь гасили редко: плющ, обвивший стены, плотно занавешивал окна.

Полумрак принял её в объятия. Орнамент обоев улыбнулся вензелями завитков. Велюровые кресла протянули точёные ручки красного дерева, приглашая принять покой.

Рояль в затенённом углу скалился рядом пожелтевших клавиш. Кантана провела ладонью по крышке, стирая пыль. Пальцы коснулись клавиш: звук аккорда задрожал, взмыл под потолок и резко оборвался.

Новость не шла из головы. Ещё вчера Кантана гордо рассказывала Тилен о старшем единокровном брате. Рассказывала, даже не подозревая, что через восемь дней Элатар уйдёт к Покровителям. Сильная, коренастая фигура брата возникла перед глазами. Элатар шёл навстречу, сдержанно улыбаясь; лукавые янтарные глаза излучали тепло.

Таким он ей и запомнится.

Порыв ветра, летящий из сада, распахнул окно. Линии света растянулись по шерстяному ковру. Солнечные блики застыли на ступенях лестницы, бегущей на второй этаж.

Кантана ещё раз погладила клавиши. Интересно, каково сейчас Элатару? Каково это: знать, сколько часов и дней тебе осталось жить?

Каково это: знать, как именно ты уйдёшь?

Большие часы над роялем предательски тикали, отсчитывая секунды до неизбежного.

Как же хотелось забыть ужасную весть! Вычеркнуть из памяти раз и навсегда и проснуться наутро с пустой головой.

Но ещё больше хотелось распахнуть дверь и выпрыгнуть в голую пустоту четвёртого сезона. И убежать прочь. Без остановок, не оглядываясь назад, оборвав все нити...

Кулаки размашисто ударили по клавишам. Полно!

Рояль отозвался пронзительным завыванием диссонанса.

Кантана заплакала вместе с ним.

5

– Так значит, через шесть дней твоего брата отправят к Покровителям? – Тилен закусила полную губу.

Кантана нехотя кивнула:

– Представляешь! Ну кто, кто всё это придумал?!

Они пересекали поле, поросшее дикой календулой: две чёрные фигуры на сером холсте неба. Огненные звёздочки цветков загорались среди пожухших трав. Пронизывающий ветер, дующий с севера, нёс запах сырости и дыхание океана. Угрюмое межсезонье стояло на пороге, протягивая костлявые пальцы в поднебесье.

– Ничего не поделаешь, – вымолвила Тилен, пытаясь поймать на лету подол чёрного платья. – Вам придётся подчиниться и смириться. Так прописано в Положениях.

– Мало ли, что там прописано, – процедила Кантана. – Твоя мать же не блюдёт Положения? Иначе она давно уже отдала бы тебя Совету.

– А твоя блюдёт что ли? – Тилен приподняла бровь. – Или ты думаешь, что она всегда говорит правду? Может, её третий муж сбежал, когда узнал об измене? По твоей внешности уж никак не скажешь, что твой отец – блондин. Элатар – светлокож и светловолос, а ты в кого такая уродилась?

– Моя мать – в Совете, – проворчала Кантана. Она не могла терпеть, когда тема разговора затрагивала вопрос её появления на свет, хотя понимала, что не всё с этим чисто. Достаточно было увидеть в зеркало необычно смуглую кожу, чёрные вишни глаз и смоляные волосы. – Там – только Избранные.

– Свежо придание! – фыркнула Тилен. – Матушка говорила, что старейшина Шандрис в свои лучшие годовые циклы нецеломудренно меняла мужчин, как подштанники! А Гайяра...

– Кто такая Гайяра? – не поняла Кантана.

– Гайяра? – пожалала плечом Тилен. – Не знаю. Я вообще спонтанно это сказала. Рассудок помутился.

Какое-то время они шли молча, разгоняя развевающимися платьями сухую пыль. Длинноногие грачи бесстрашно сновали мимо, выискивая меж травяных стеблей птичьего лакомства. Глаза их походили на смоляные бусины.

– У тебя бывает так, что магия выходит из-под контроля? – неожиданно пробормотала Кантана.

– Нет, – ответила Тилен, – но такое случается у тех, кто плохо обучен. Мама говорила, что вокруг посвящённых девочек, которые не обучаются в Наставнях, порой происходят страшные вещи.

– У меня всё чаще, – призналась Кантана. – В основном, тогда, когда налаживается кровная связь. Я боюсь, что мама узнает.

– Да уж, – Тилен шмыгнула носом, – твоя мать – не моя. Она точно не сделает скидку на родство и четвертует тебя собственными руками.

Кантана тяжело вздохнула, подняв глаза в серую мешковину неба. Стаи птиц в вышине тщётно рвались к югу, собравшись в дружные косяки. Их вёл за собой птичий инстинкт самосохранения. Однако, он жестоко обманывал их: после Возмездия живых земель к югу от Девятого Холма не осталось – об этом знали даже дети.

– И что ты намерена делать дальше? – снова подала голос Тилен.

– Не знаю, – пожалала плечом Кантана. – Зейдана посоветовала колдовать до изнеможения, пока никто не видит. Чтобы выжать все силы. Но это не всегда помогает.

Иссохшее поле, пестрящее оранжевыми цветками, осталось за спиной. Тропа преломилась под прямым углом и побежала по краю обрыва, утопая в пучках вереска. Опасная линия тянулась вдоль побережья, достигая горизонта. Край надлома огораживала металлическая сетка. Ниже, растянувшись на долгие километры, лежала Пропасть – место обитания ссыльных.

Непонятное, сердитое шипение прорезалось сквозь свист ветра. Плечи Кантаны дрогнули: то ли от холода, то ли от испуга.

– Вот, снова, – буркнула она, не поворачиваясь.

Шипение нарастало, переходя в возмущённое фырчание. Тилен обернулась, борясь с порывами ветра. Над землёй, шагах в тридцати позади, болтался дрожащий фиолетовый сгусток, по размеру не больше яблока. Белёсые искры осыпались вокруг.

– Протуберанец, – пробормотала она. – Ничего страшного. Сейчас уйдёт.

– Я устала, – пролепетала Кантана, – устала бояться. Я, возможно, могла бы чего-то достичь в жизни, если бы не саван, в который меня облачили...

Она с ненавистью встряхнула подол платья. Огранённые бусины агатов сердито звякнули. Следом воздух сотрясли громкие хлопки, похожие на выстрелы духового ружья. Пространство справа взорвалось мириадой искр.

– Ничего себе, – фыркнула Тилен. – Если будешь так шутить, тебе прямая дорога в Пропасть!

Кантана подняла глаза на подругу:

– Я ничего для этого не делаю, Тилен!

Свист ветра проглотил её надрывный крик. Перепуганные грачи, спешно покинув землю, устремились ввысь.

Кантана остановилась, беспомощно опустив руки. Ужас ядовитой змеей ползал под кожей.

– Надоело! – рывкнула она сквозь зубы.

Тилен сосредоточенно посмотрела ей в лицо и выпалила, стараясь перекричать ураган:

– Может быть, ты что-то от меня скрываешь, Кантана?

– Да что я могу от тебя скрывать? – пожал плечом Кантана. – Мы ведь обязались помогать друг другу.

Тилен нахально ухватила Кантану за подбородок, приподняв её лицо. Отчаянный порыв ветра наотмашь ударил по щеке.

– Ты точно та, кем являешься?

Кантана медленно, но настойчиво пресекала жест подруги.

– Уроки этикета прошли мимо, да, Тилен? – она сощурилась. – Кем, ну кем я могу быть, кроме как Кантаной Бессамори?

– Ты знаешь ответ, – сурово отрезала Тилен.

– Да объясни уже, что у тебя за помешательство? – выкрикнула Кантана. – Я понятия не имею, что ты имеешь в виду!

Тилен энергично встряхнула головой и опустила взор. Ветер заставлял её волосы плясать вокруг затылка; лучи солнца скупо подсвечивали их тонкие кончики, создавая подобие нимба.

– Забудь, – пробурчала она отрешённо. – Считаю, что я просто тебе завидую.

Тилен вырвалась вперёд и побежала по тропе, обгоняя клубы пыли.

Кантана одиноко стояла под потоками океанского воздуха. Холод межсезонья пробирал до самых костей, заставляя съёживаться. Кожа покрылась шершавыми точками мурашек.

Самое время развернуться и поспешить домой, разыграв глубокую обиду. Самое время наказать Тилен за то, что лезет не в своё дело, и заставить плясать под свою дудку. Но привести план в исполнение было не так просто.

Кошмар был рядом. То, что Кантана считала детской игрой и баловством, неуклонно набирало силы, выходило из-под контроля. И для того, чтобы обуздать это проклятье, нужна была помощь верного соратника.

Кому ещё она могла довериться?

Презируя саму себя, Кантана ринулась вслед, наперерез воздушным копьям. Истощённые стебли трав ломались под ногами. Сердце захлёбывалось, угрожая выпрыгнуть из груди.

Одна лишь мысль вертелась в голове, превращаясь в навязчивую идею...
«Ты точно та, кем являешься?»

Глава 3. Шестая причина

7.8.13 Публичная провинность - осознанное действие или бездействие человеческой особи, не согласующееся с установленными нормами общественной морали или идущее вразрез ей.

7.8.13.1 Публичные провинности не только деструктивно влияют на взгляды и здоровье самого провинившегося, но и могут способствовать развитию и пропаганде антиобщественных идей...

...7.8.13.27 Каждая публичная провинность особи, независимо от степени, должна наказываться санкциями во избежание распространения деструктивных и общественно опасных моделей поведения.

© Свод законов Иммортеля. Глава 7.

1

Край платформы вздрагивал под носком ботинка. Глухие ритмичные толчки – чёткие, как барабанная дробь. Монорельс отпустил в никуда очередной поезд. Седьмой, кажется...

Перегнувшись через загородку, Миа 4813 смотрела вниз – туда, где нити улиц резали полотно города на квадраты. Тридцатью уровнями ниже ноябрьский вечер вступал в свои права. Сонные ладони ветров гладили чьи-то плечи, развевали полы плащей. Многоуровневые жилые системы зажигали иллюминаторы. Деревья тянули голые лапы ветвей в небо, пытаясь удержать улетающих птиц...

Крыши притягивали Мию не красотой городских пейзажей. Здесь, на высоте тридцати уровней, в объятиях дикого ветра, она особо остро чувствовала тонкую грань, отделяющую жизнь от небытия.

Гусеница состава промчалась мимо, выплюнув облако дыма. Ноябрь окатил колючей прохладой, и кожа покрылась мурашками. Зябко скорчившись, Миа откинула волосы назад и запахнула пальто.

Мимо пролетела стая голубей, взорвав воздух хлопаньем крыльев.

Крепко вцепившись в металлическую решётку, Миа наклонилась ниже и вдохнула аромат городской бездны. Из-за покатога края платформы выплыл бетонный забор. Он тянулся вдоль улицы понурой линией, огораживая внушительный участок. Боксы, укрытые за ним, были весьма разномастны: от сиротливых коробов-бараков до сияющих куполами крыш стеклянных дворцов.

Мельница... Закрытая испытательная лаборатория, ассоциированная с тюрьмой для обезличенных. Там преступники, приговорённые к высшей мере, получали возможность расплатиться с обществом за причинённый вред. В стеклянных дворцах, за бетонной оградой в три этажа, ведущие учёные и реаниматоры города вершили судьбы тех, кто после исполнения приговора не имел имени и личной истории. Самое жуткое и самое опасное место в городе лучше всего просматривалось именно отсюда: с платформы монорельса «Синеречь».

«Ты только ради этого сюда припёрлась? – отчеканил ехидный голос в голове. – Повисеть вниз головой над Мельницей?»

Миа вздрогнула. Кольнуло под ложечкой. Когда же этому придёт конец?! Попятившись, она скинула с плеча рюкзачок и достала из него полимерный череп. Зияя пустыми глазницами, он улыбался ей во все тридцать два искусственных зуба.

Миа капризно закусила губу и погладила череп по лбу.

– Хватит смеяться, Азазель, – произнесла она. – Только и можешь пугать меня... Ты ведь знаешь, что выхода не найти. Ещё и усугубляешь всё!

Да, это был настоящий тупик. Статичная безысходность длиною в семь месяцев. Изю дня в день ничего не менялось. Было так же больно, как и в самом начале её личного Великого Перелома.

«Почему же? – проговорил череп с усмешкой. – Выход есть всегда. Вниз, например».

Миа вдохнула холодный воздух и зажмурилась. Девочки её возраста кидаются с крыш из-за несчастной любви, анорексии и ссор с родителями. Глупые девочки... Но какими же незначительными были эти поводы в её глазах! Но людям всё равно: сделает шаг вниз – как пить дать, переврут всё, приравняв к таким же демонстративным истеричкам.

Люди лгут себе и другим; домысливают пробелы, заполняя их выдумками. Люди создают полотна совершенных иллюзий и занавешивают ими окна, чтобы не омрачать себе жизнь страшной правдой. Они говорят, что бесконечной ночи не бывает. Они говорят, что непроглядная тьма – верный предвестник рассвета. Они говорят, что время лечит...

Как же они глупы!

Лодыжки задрожали, только на этот раз платформа была пуста.

– Толкни! – парировала она. – Давай, прикажи мне: «А ну прыгай!» Заставь меня, умник. Подкинул, однако, решение, на которое у меня не хватает воли!

Пассажиры монорельса муравьями суетились позади. Их не интересовала странная девушка, говорящая с незримым собеседником.

Вдалеке послышался гудок поезда. Металлический скрип и дребезжание сотрясли прозрачную глубину осени. Гусеница состава вынырнула из-за горизонта и заскользила над улицей, отражая солнце. Воздух наполнился запахом топлива и накалённого металла.

«Рано, – отреагировал Азазель, – у тебя есть как минимум шесть причин остаться».

– Ни одной не вижу, – проговорила Миа. Звук её голоса утонул в громохании состава, заходящего на посадку. Платформа под ногами заходила ходуном.

«Давай помогу, – бесстрастно отозвался череп. – Твоя мать чуть не умерла, вынашивая тебя. Ты обязана ей жизнью. Один. Твой отец, который очень за тебя беспокоится. Два. Незаконченная стажировка – вот третья причина. Без сертификата ты – никто, а родители хотят видеть тебя хотя бы субреаниматором. Оправдай их надежды, будь умницей».

– Тоже мне причина... – Миа фыркнула. – У меня под лежаком полная корзина грязного белья – это, наверное, повод номер четыре?

«Желание отмщения. Вот твой номер четыре. – Азазель укоризненно смотрел на подругу мёртвыми дырами глазниц. – Хотя бы это ты не можешь отрицать, Миа 4813».

– Пятому давай, – Миа обиженно надула губы.

«Твоё состояние, – ответил Азазель, – Ты уверена, что сейчас адекватно оцениваешь действительность?»

Поезд пронёсся мимо и с присвистом затормозил на платформе. Двери вагонов с гудением разъехались по сторонам. Колкие пылинки полетели в лицо. Миа прикрыла глаза рукой и закашлялась.

– И в этом ты прав, друг, – пробормотала она разочарованно, – только вот аргументы у тебя из пальца высосанные. Сразу видно, что мозга нет. Вообще-то, пальцев нет тоже... Но спорим, что до шестой не додумаешься?

Взгляд пустых глазниц Азазеля отозвался лукавством. Полированные зубы блеснули чистой платиной.

«Шестая причина в том, что твоя цель рядом, – подытожил Азазель. – Обернись, Миа».

Миа покосилась на полимерного друга. Показалось, что усмешка выточенных челюстей стала особенно ехидной.

«Быстрее, глупая!» – скомандовал Азазель.

– Не обзывайся!

Беспокойство заставило сердце захлебнуться тахикардией. Миа задержала дыхание и резко развернулась. Городские кварталы смазались в дрожащую линию, жилые системы и башни поплыли по кругу.

Взгляд встретил толпу горожан, торопящихся на посадку. Пропустив поток выходящих, светлые особи погружались в вагоны, занимали места, вставали вдоль стен, держась за поручни...

Внезапно глаза выхватили в бушующем столпотворении знакомую фигуру. Миа застыла: мышцы налились воском. Или сталью.

– Это что, шутка? – сорвалось с губ. – Прочь, прочь, убогое видение!

Он словно был частью иной, параллельной реальности. Он существовал вне толпы, в своём измерении. Время для него, казалось, текло медленнее, чем для пассажиров на платформе. Его выдавали плавные, сонные движения и задумчивый взгляд, прожигающий пространство насквозь.

Миа сжала зубы. Уж кого-кого, а его она не желала видеть точно. Второй раз за день – это слишком. Позора в столовой хватило сполна. Надолго.

Остановившись метрах в десяти, объект проводил пассивным взглядом последних пассажиров. Ветер трепал его длинные волосы, стянутые в низкий хвост. Парень дёрнул молнию: воротник непромокаемой ветровки сошёл под гладко выбритым подбородком.

– Ну, Азазель! Ну, зараза! – Миа поспешно отвернула лицо, чтобы не встретиться глазами с юношей.

«Я не об этом, – отозвался Азазель. – У тебя есть должок – вот шестая причина».

Юноша, впрочем, был слишком увлечён собственными мыслями, чтобы озираться по сторонам. Он постоял минуту-другую на платформе, со скучающим видом изучая географию городских кварталов, а затем скрылся в шахте лифтовых лестниц.

Миа с облегчением выдохнула. Не заметил. Ветер выдохнул ей вслед.

Городские кварталы цвели пестротой крыш. Кучевые облака над головой, сливаясь, превращались в тучи. Воздух, потеряв едкую ноту горения, насытился запахом озона и прелых листьев.

Но глаза уже не замечали красок пейзажа. Крепкий, высокий силуэт вырисовывался в памяти... Ухоженные волосы, неторопливая походка. И плечи: робко ссутуленные, будто он стеснялся выделяться.

«Ты ведь хотела увидеть его, Миа 4813, – замурлыкал Азазель, – я-то тебя знаю, как облупленную!»

– Сейчас кое-кто полетит вниз! – рявкнула Миа.

«Решилась всё-таки?» – голос в голове проникся нотками иронии.

– Я не шучу, ты, дебилный кусок пластика!

Азазель послушно затих. Лукавая полимерная улыбка превратилась в сухой оскал. Возразить ему было нечего: он находился заведомо в проигрышном положении.

Миа закрыла глаза, подставив щеки потокам прохладного воздуха. Нашёл, пустоголовый, чем задеть! Все его слова – не более чем глупая игра больного воображения. Но...

Всё же, в одном Азазель был прав. Она хоте...

...у неё есть должок, и она его вернёт!

2

Утро заглянуло в иллюминатор. Нери зажмурился: глаза пронзила боль, отрикошетив в затылок. Последствия хмельных возлияний оказались несладки.

Чёрт с ней, с головой... Главное, что его не тошнит. Уже не тошнит.

Или пока не тошнит?

Нери тщетно пытался стянуть волосы в хвост, стоя перед цифровым зеркалом. Таким угрюмым, слабым и бледным он видел себя впервые. Тело будто прессовали бетонными плитами всю ночь напролёт.

Из глубины огромного дисплея на него глядел незнакомый человек. Бледный, помятый, грустный и немощный. Нери критически осмотрел чужака и ухмыльнулся. Отражение скопировало его улыбку. Что ж, придётся принять как данность: это он, Нери 42.

Хорошо, что хватило сил доползти до душа после эпичной ночи. По крайней мере, цвет лица уже не отдавал зеленью. Но царящий в кухонном отсеке запах кофе и ванили всё ещё казался омерзительным.

Кожаный ремешок в который раз обхватил волосы у корней. Оставалось лишь затянуть его покрепче. Ну, давай же!

Нери напряг мускулы, пытаясь превозмочь слабость. Правая рука в который раз нещадно заняла, но дело на этом не закончилось. Пальцы ослабли, отпустив кончик ремешка. Кисть произвольно сжалась в кулак, а затем распрямила фаланги, вновь позволив мозгу установить контроль над мускулами.

Волосы дождём рассыпались по плечам. Страх подкатил к горлу приступом удушья. От своего недуга Нери мог ожидать чего угодно, но он ещё ни разу не выделял такие фокусы с его рабочей рукой.

– Ж-ж-ж-жесть! – выкрикнул он, проклиная сам себя.

Незнакомец в зеркале скривил мину в бессильной ярости.

– Жесть... – повторил Нери уже тише.

Шаркающий звук шагов стал ему ответом. Мать приблизилась со спины: её силуэт в солнечных лучах казался тёмным пятном. Она приподнялась на цыпочках, и Нери заметил блестящий предмет в её руке. Зубья густого гребня вонзились в кожу головы. Нери вяло повёл шеей. На большее не хватило сил.

– Не дёргайся, – прошептала мать.

Неслыханное добросердечие! Первая реплика за пять дней.

Пальцы матери, сухие и холодные, перебирали его тяжёлые волосы. Как ему не хватало этих рук в моменты, когда душа хотела выплакаться! Для Нери запоздалая забота была сродни подачке, но он стойко принимал её. И даже ощущал, как за грудиной, где-то в районе сердца, разливается парным молоком нежность.

Ремешок перехватил волосы: крепко и надёжно. Мать оценивающе посмотрела на результаты труда и натянула улыбку.

– Иногда я жалею, что ты уже не ребёнок, – хрипло проговорила она.

Нери недобро фыркнул. Когда ошибок уже не исправить, наступает время сожалений и покаяний. «А не жалеешь ли ты, что я вообще появился на свет», – хотел было сказать, но сдержался. Лишние скандалы ни к чему. Периоды перемирий становились всё более короткими и зыбкими, важно было поймать момент и удержать его.

Мать встала рядом и положила руку на плечо. Два цифровых силуэта задрожали под яростным обстрелом утреннего солнца. Две одинаковые пары глаз слезились.

– С чего это ты вдруг на меня внимание обратила, Лариса? – спросил Нери. Он всегда называл мать по имени, когда она приходила мириться первой.

– Я переживаю, Нери, – сдержанно выдавила мать. – Может быть, ты и не видишь, но это так. Вчера ты пришёл затемно и... Ты был пьян.

Вот это да: прямо Мёртвый континент открыла!

Взгляд застелила трепещущая пелена, и Нери, было, подумал, что его снова вырвет. Оттепель растопила грубую корку льда, и теперь старые обиды и разочарования начали подниматься со дна. Сдерживать слёзы становилось всё сложнее, и от этого делалось противно.

– Хочешь об этом поговорить?! – язвительно отозвался Нери, сбрасывая с плеча сухую материнскую ладонь. – Восемнадцать лет ты молчала, а сейчас пришло время читать нотации?! Так?!

Лариса обожгла сына умоляющим взглядом. Слеза соскользнула с её ресниц и побежала к подбородку.

– Нери, ты... – процедила она сбивчиво, – ты не знаешь, как я надеялась уберечь тебя от падения...

Досада свинцовой пулей вошла в грудь, вылетев промеж лопаток, точно в том месте, где кожу испачкало «клеймо грязных». Оставив мать позади, Нери широкими шагами поспешил в выходной отсек.

– Я знаю, что восемнадцать лет был для тебя пустым местом! – взревел он. – Я был лучшим во всём, я превосходил сам себя только ради того, чтобы заслужить хоть толику твоего внимания, но в ответ всегда получал фигу! А сейчас ты внезапно решила покаяться, думая, что это залатает все чёрные дыры?! Знай: одного слова, даже самого искреннего, недостаточно, чтобы обернуть время вспять! А чтобы раны прошлого залечить – тем более!

– Нери, – мать поспешила следом. Ладони её мелко дрожали. – Я работала на двух работах, чтобы ты и твоя сестра ни в чём не нуждались и были сыты. Я уставала, и мне было тяжело изображать образцовую мать.

– Изобразить?! – Нери уже не сдерживал слёзы. Солёные потоки бежали по щекам и шее, затекая под воротник рубашки. – Любовь, доверие, сочувствие – это не подделывается! Это не требует сил! Пусть эмоции – это только химия, но она нужна! Как железо, поступающее с пищей! Как кислород в воздухе, которым мы дышим! Как мои... таблетки...

Цвета вокруг стали яркими и насыщенными, контуры предметов смазались. Боль снова прострелила правую руку, подтверждая его слова. Нужно срочно записаться на приём к нейрореаниматору и поговорить о повышении дозы противосудорожных.

Нери спешно утрамбовывал ноги в ботинки. Пальцы путались в узлах шнурков. Как часто, глядя в пустые и отрешённые глаза матери, Нери хотелось закричать: «Я здесь! Я существую! Посмотри же на меня! Посмотри!» Но однажды понял: он не нужен ей. Это открытие не опустошило, не ошарашило, не сбilo с пути. Оно просто сплело в тугой узел несколько логических нитей, о существовании которых он знал и ранее.

Оно просто стало неотъемлемым элементом реальности, как чашка кофе поутру. Как общий с сестрой отсек, разделённый пополам...

Как родовая травма.

Головокружение накрыло штормовым приливом. Нери распрямился и откинулся на стену: поле зрения превратилось в калейдоскоп, играющий мозаикой цветных осколков. Реальность стремительно отдалялась. Только бы удержать равновесие!

– Не создавай иллюзий, – прошептал он, подняв на мать заплаканные глаза. – Никогда, слышишь? Я давно принял то, что ты меня не любишь. Пусть будет так. Только не притворяйся больше заботливой и сопереживающей, хорошо?

Лариса опустила покрасневшие глаза. Тяжёлый вздох сорвался с её губ.

– Нери, если я когда-нибудь причинила тебе боль, прости меня...

– Мне не больно, – сдавленно произнёс Нери, опустив развёрнутую ладонь себе на грудь. – Мне холодно. Вот здесь.

Тошнота снова подкатила к горлу натужным спазмом. Кисловатый привкус во рту воскресил в памяти вчерашний вечер, добродушное, широкое лицо Лихача... Да где это видано, чтобы отчим пёкса о пасынке пуще родной матери?

Нери сглотнул, подавляя рвотные позывы. Набросил ветровку и поспешил к выходу. Каждый шаг порождал всплеск ноющей боли в затылке.

Створки дверной перегородки звонко сомкнулись. Звук пролетел по лестничной клетке метеором, ударяясь о стены. Нери был рад этой пустоте: слёзы навек останутся их с матерью маленькой тайной. Наконец-то можно мысленно обозвать себя тряпкой!

Он промокнул щёки салфеткой. Теперь лишь влажные пятна на воротнике рубашки напоминали о маленькой слабости.

Совість неожиданно подняла голову. Как бы он ни презирал мать, какую бы обиду ни хранил в душе, он должен был остаться с ней сейчас, а не убежать в никуда.

Стоило постучаться. Стоило вернуться обратно. Стоило обнять мать, извинившись за очередной скандал. Но он не мог переступить через себя...

Потому что от её слёз многолетний лёд превращался в воду.

3

Коридор пятого уровня факультета встретил химическим запахом реагентов, прохладой кондиционеров, стальной пустотой стен и предчувствием неизбежного... Не успел Нери покинуть кабину лифта, как возбуждённый гомон голосов окутал его. Девичий смех прорывался сквозь гул, и Нери прикрыл уши, чтобы хотя бы на мгновение почувствовать себя в безопасности.

А безопасность сейчас была превыше всего. Потому что смеялись сегодня в его честь. От этого хотелось раствориться в воздухе, рассосаться, обрести невидимость.

Вчерашний вечер, определённо, привёл его на Доску нарушителей. Не стоит даже сомневаться – он накуролесил на прямое попадание в топ. Второй раз за три года обучения. Только на этот раз повод был серьёзнее, чем невинный поцелуй.

Как в подтверждение догадки, Нери заметил толпу студентов, сгрудившуюся у Доски нарушителей. Юноши, едко злорадствуя, толкали друг друга; девушки кокетливо прикрывали рты. Озеро звонкого смеха искрилось нотками переливов.

Одинокая красная строчка зловеще мерцала на самом верху экрана, приковывая взгляды. Ниже тянулся добрый десяток жёлтых. Нери точно знал, чьё имя выведено сегодня красными буквами. Это он, Нери 42, станет сегодня добычей безжалостных стервятников; и они уже готовы кинуться на запах кровоточащей плоти. Он кожей чувствовал их голод.

Рациональнее было бы сейчас укрыться где-нибудь в подсобке. Чужие клевки равносильны гибели под пытками.

Нери поймал взглядом отражение на зеркальной стене: ужасающий незнакомец всё ещё шагал рядом и внушал отвращение своим присутствием. Хотелось прогнать его прочь: бледного, мятого и дрожащего! Но истина была обезоруживающей и горькой: убежать от себя невозможно. Оставалось лишь обречённо пожать плечами. Сегодня этот сутулый тип – его верный спутник.

Ноги упрямо несли в толпу, прямо в гнездо голодных до чужой беды. Какая-то бессознательная часть хотела убедиться в том, что роль всеобщего факультетского посмешища отведена действительно ему. Да и интересно посмотреть, сколько стипендиальных баллов сняли за нарушение и каковы наказующие моратории.

Прочь сомнения: вот и первый звоночек! Три смеющиеся девушки прижали Нери к стенке около сектора молекулярной биологии. Нудные члены студенческого актива. Сейчас начнутся нотации...

– А вот и Нери 42, один из лучших студентов третьего курса, – заискивающе пропела одна их девушек: крупная брюнетка с физиономией, как по циркулю. – Но так ли он хорош на самом деле?

Началось! Словарный запас утонул в вязкой жиже похмелья.

– Да уж, получше тебя, – процедил Нери растерянно, – по крайней мере, к людям не пристаю.

– Сейчас проверим, – продолжила толстушка. – Сейчас узнаем, способно ли твоё сердце к сочувствию, Нери.

– Тридцать собак и сорок четыре кошки в приюте для бездомных животных нуждаются в срочном дорогостоящем обследовании и лечении, – продолжила девушка с едкими розовыми волосами и уродливой родинкой над верхней губой. – Хозяева жестоко выкинули их, предали, человеческие особи одним своим существованием причиняли им боль. Видел бы ты, в каком состоянии они находятся! Их души стонут и плачут, сердца обливаются кровью! Мы с девочками курируем их, покупаем пищу, оплачиваем пребывание и ночлежки. Но финансовых единиц на всё катастрофически не хватает. И мы проводим акцию. Перечисли половину стипендиальных баллов в фонд помощи бездомным животным, сделай мир добрее! Уже четыреста пятнадцать студентов факультета участвуют в ней. Присоединяйся, не стыдись, Нери 42!

– К тому же, ты получаешь вдвое больше баллов, чем остальные, – хихикнула за спиной брюнетки сухенькая коротышка. – Тебе не жаль тратить стипендиальные баллы на алкоголь, но жаль отдать их тому, кто нуждается в них больше? Тебе не стыдно пройти мимо голодного котёнка, но стыдно поучаствовать в нашей акции?

Если это шутка или насмешка, то, по крайней мере, не так уж она и жестока. Нери гордо распрямил спину в готовности достойно ответить на атаку. Помятый спутник, чёрной тенью плетущийся следом, скопировал движение.

– Стыдно? – Нери приподнял бровь. – Я с удовольствием помог бы особям с поломками и повреждениями или больным детям. А вот прерывать цепь естественного отбора... Да, пожалуй, мне стыдно идти против самой природы! Вот вам дельный совет: направьте свой энтузиазм в более полезное русло. В учёбу, например.

Девушки сконфуженно переглянулись, будто обдумывая коварный план. Нери окутал тонкий цветочный аромат духов, смешанный с духом чужого грязного белья и пота. От жутковатого амбре под рёбрами снова заплясали чёртики с факелами.

– Бессердечный! – возмутилась брюнетка. Круглое лицо её запылало яростью. – Человек в состоянии помочь себе сам! Он злоупотребляет своим положением в иерархии живых существ, истребляя своих меньших братьев! Животные, в отличие от него, совершенно беззащитны и не способны на предательство и жестокость! Кто им поможет, если не мы?!

Нери приснул: вот она, псевдомораль! Здравствуйтесь, двойные стандарты. Нет, он не видел ничего дурного в благотворительности, но искренне презирал фанатизм и позерство.

Впрочем, почему бы не проверить, насколько эти женские особи искренни в намерениях?

– Грызуны мне больше по душе, – кивнул Нери, изо всех сил стараясь не рассмеяться. – Вот что я вам скажу: на субуровне студенческого общежития погибает несколько замечательных крысиных семей. У двухста крысят увеличена печень от постоянного контакта с ядом и химикатами, им срочно нужна субклеточная томография. Жестокий человек, имея коварный замысел, убил их мать, запустив в неё допереломным резиновым сапогом. Они потеряли доверие к людям, их плач слышен даже на верхних уровнях общежития, но в глубине души эти крысятки всё ещё верят в добро. Сырость подвала – верная смерть для них. Возьмите их хотя бы на передержку, добросердечные вы мои, тогда, так и быть, помогу.

Он протолкнулся вперёд, разорвав полукольцо оцепления, и ринулся к Доске нарушителей.

– Фу, – закричала ему вслед сухенькая, – тварь безжалостная! Живодёр! Подумать только: крыс на курацию взять предложил! Этих мерзейших паразитов!

– Жи-во-дёр! – заскандировали её подруги. – Жи-во-дёр!

Но Нери уже не слышал гневную тираду. Внимание приковала гудящая толпа студентов впереди.

Осиное гнездо... Придётся его разворошить! Он приблизился на опасное расстояние, и сегодня он был обмазан сладким джемом.

Нери остановился. Вдохнул едкий запах химикатов и мела. Ноги предательски задрожали. Ещё оставалось время передумать, развернуться и дать дёру. Он затравленно огляделся, ожидая нападок, но никто и глазом не повёл.

Стоп! Вот, кажется, и первая оса. Из толпы, по-спортивному пригибаясь к полу, выбежал парень в цветастой рубашке. Известная на факультете личность: третьекурсник Шале 487 по прозвищу Золотой Дракон. Заносчивый, богатый и легкомысленный, известный на факультете оратор. Речи Шале, правда, не всегда отличались логикой, но уж эмоциями изобиловали сполна!

Но сейчас Шале не был похож ни на пафосного альфа-самца, ни на золотого дракона. Он выглядел обескураженным и растрёпанным, как щенок из подворотни. Щёки его полыхали. Во взгляде круглых карих глаз сквозило возмущение.

И – да – Шале непробиваемым танком пёр точно на него.

Нери остановился, ожидая укуса.

Шале приблизился вплотную: карикатурно-крупный, мускулистый, подтянутый. С размаху опустил тяжёлые ладони на плечи Нери. От напыщенного взгляда покорило. Никак, драться собрался. Только вот ответить Нери вряд ли сможет...

– Шале, может... – попытался Нери решить несуществующее противоречие.

Но прежде, чем он успел закончить, с губ Шале сорвался отчаянный визгливый вопль:

– Нери 42, ну хоть ты меня спаси от них!

Нери непонимающе взглянул в испуганные глаза Шале.

– От кого? – пробормотал он. – Как бы тебе меня спасти не пришлось...

– Глупые шутки, Нери 42!!! Харе приbedняться!

Крепкие пальцы обхватили плечи, впиваясь в кожу. Шале при никогда ещё не вёл себя столь странно и вызывающе.

Нери устался на Доску нарушителей. Сердце ушло в пятки, выдав сто двадцать ударов. «Шале 487» – дерзко выкрикивали позорные красные буквы. «Внебрачная интеграция» – гласило пояснение во втором столбце. Вздох облегчения вырвался из груди: сегодня Шале принял на себя роль жертвы и стал его невольным спасителем.

Имя Нери, к удивлению, было лишь четвёртым в списке. Сто пятьдесят баллов санкций и месячный мораторий на десерты – не так уж и страшно.

– Низменные первичные инстинкты, значит, побороть не смог? – усмехнулся Нери. Страх отступил в мгновение ока. – Как же так, Дракон?

– И ты туда же?! – Шале всплеснул руками. – Нери, прошу тебя, не рассуждай о том, о чём понятия не имеешь. С этим невозможно бороться!

– Возможно, если голова правильно работает, – подмигнул Нери. – Подумать только! Горделивый Золотой Дракон пал жертвой первичного!

Смуглое лицо Шале, обрамлённое бакенбардами, исказила гримаса недовольства; глаза засверкали, испуская молнии.

– Ты не знаешь, о чём говоришь, Нери 42! – прокричал он, толкнув Нери. – Такие как ты, рассуждают о Мёртвом континенте, не отрывая задницы от лежака! Да тебе просто завидно: ты же не узнаешь никогда, что это такое! С тобой даже последняя дурнушка не свяжется, потому что ты – грязный! Грязный!

За семнадцать лет грязной жизни Нери ни разу не получал такого искреннего и откровенного оскорбления. Что ж, всё когда-нибудь происходит впервые.

Времена дискриминации по признаку генетической неполноценности минули лет пятьдесят назад, и теперь любая попытка унижения грязных жестоко каралась. Грязные уже давно могли жить полноценно, ни в чём себя не ограничивая: проходить все ступени образования, занимать высокие посты, при желании – даже заводить семьи и воспроизводить такое же грязное потомство. В литературе и текстах песен запрещалось использование слова «грязный»; а в

каждом фильме хотя бы один положительный герой обязан был как бы непреднамеренно продемонстрировать зловещую татуировку меж лопаток...

Однако многие грязных по-прежнему сторонились и не воспринимали всерьёз. Слишком уж долг был период дискриминации. Презрение к генетически неполноценным намертво закрепилось в коллективном сознании, как запах сырости и крысиного помёта на субуровне старого жилого блока.

– Не боишься, Шале?! – рявкнул Нери. Раздражение и злоба пошли горлом. – При свидетелях, всё-таки!

Но Шале, казалось, не слышал его.

– Грязнуля будет указывать мне, как я должен жить и с кем я должен интегрировать?! – взвопил он, с девичьей истерикой заломив руки. – Твоё дело, Нери 42, менять подгузники сестрице и не лезть в ту жизнь, которой ты никогда не сможешь вкусить!

Впрочем, Шале не желал продолжать спор. Показав Нери мускулистый зад, обтянутый модными лосинами, он поспешил прочь. Возмущённые вопли ещё долго доносились до ушей, но и они в конце концов затихли.

Конфликт был исчерпан. Обида кипятком плескалась где-то внизу живота, но Нери старался держаться. Эмоции можно подавить, но нельзя позволять им подавлять тебя. Ничего ведь не изменилось от слов этой истерички, всё осталось как прежде. Как прежде...

– Нери, ты правда грязный? – чьи-то руки заискивающе вплелись в волосы. – Грязные меня возбуждают...

Нери выстрелил косым взглядом из-за плеча: осторожно, чтобы не выдать раздражение. За спиной накручивала его же волосы на палец высокая блондинка. Две пуговицы на её бело-снежной блузке были расстёгнуты, вырез подчёркивал очертания крупной груди.

– А ты меня – нет, – ответил он, освобождая волосы из чужой хватки.

Блондинка наморщила нос, будто спасаясь от неприятного запаха.

– Ты что, поверил? – хохотнула она. – Да чтоб я с грязным связалась?!

– Руки помыть не забудь, – фыркнул Нери в ответ.

Нери двинулся к лифтам. По пути он прикидывал, что хуже: оказаться на Доске нарушителей в топе или прослыть грязным на весь факультет. Он с удовольствием забрал бы слова назад, если бы это повернуло вспять его судьбу и сохранило информацию о его генотипе под замком... Но, к сожалению, слово – не воробей. Ни он, ни Шале не смогли бы изменить то, что свершилось.

Самое мудрое, что Нери мог сделать – принять ситуацию такой, какая она есть. Нужно вести себя непринуждённо и спокойно, тогда никто не примет слова Шале всерьёз.

Непринуждённо и спокойно.

4

– Можно я присяду? – знакомый, богато окрашенный эмоциями, голос прогремел над ухом Нери, выводя его из оцепенения.

– А? – Нери приоткрыл глаза и повернул голову, осматриваясь. Перед глазами предстал лекционный зал с гладкими светлыми стенами, панорамными визификаторами и рядами столов. Обзорный экран у кафедры зиял чернотой. Перегородки были всё ещё разблокированы: значит, до конца перемены ещё есть время.

– Можно я присяду? – повторил голос раздражённо.

Нери поймал взглядом знакомую фигуру. Интересно, что пафосный альфа-самец забыл рядом с грязным?

– Шале? – проговорил он сонно.

– Нет, вырубись твой процессор, Господин Президент! – язвительно прокаркал тот. – Конечно, это я. Пустишь рядышком?

Нери, изобразив глубокое презрение, отодвинулся на середину скамьи.

– Не перепачкайся, – процедил он сквозь зубы, – грязь хорошо заметна на золоте.

Шале сконфуженно скривил рот. Усики над его верхней губой изогнулись. Он присел на край скамьи, положив рядом красную лакированную сумку, вытащил конспектор последней модели в мягком кожаном чехле и приконнектил к входному порту стола.

Похоже, он решил обосноваться тут надолго!

– Я и хотел об этом поговорить, – произнёс Шале, мигом потеряв уверенность и пафос. – То есть, не совсем об этом... Я сильно погорячился сегодня утром.

Нери отвернулся и принялся созерцать панораму города. Его переполняло отвратительное ощущение, будто бы о его душу, как о половую тряпку, вытерли ноги. Шале предсказуем, как прочитанная книга: испугался, что он, как последний подлец, побежит жаловаться в деканат!

Как же хотелось Нери оказаться там, снаружи, в плену городских улиц. Как хорошо, наверное, быть потерянными фонарным столбом среди башен и гудящих арок воздушных туннелей. Или планировать голубем под навесом сизых туч.

– Кто бы сомневался, – Нери спрятал глаза.

– Сможешь это... забыть? – Шале с трудом подбирал слова. – Я еле отсидел две пары, всё думал об этом и покоя себе не находил...

Нери фыркнул. Подумать только, какие сюрпризы преподносит жизнь! Неужели Золотой Дракон жалеет, что обрыгал пламенем грязного пре-имаго? Было неловко, но не из-за того, что разговор затрагивал болезненную тему генетического несовершенства и дискриминации грязных. Шале шёл на сближение. Это пугало и настораживало: пускать этого человека в душу не хотелось.

Нужно было сказать что-то, чтобы Шале отлез.

– Забыть – нет, – отчеканил Нери, – но жаловаться не побегу, успокойся. Хотелось мне с этими актами возиться...

Гул голосов нарастал в геометрической прогрессии. В проходе сновали туда-сюда студенты. Кто-то запустил в Шале смятой упаковкой из-под агарового мармелада. Тот брезгливо сбросил слюдяной комок на пол, не поддаваясь на плоские провокации. Амбициозный себе-седник, оказывается, умел прекрасно держать себя в руках.

Однако лицо Шале по-прежнему выражало недоумение. Слова Нери, казалось, не принесли ему ни облегчения, ни успокоения.

– Вот чёрт! – пробормотал Золотой Дракон.

Лампы на потолке замерцали. Визификаторы потемнели. Звенящий сигнал оповестил, что до начала лекции осталось две минуты. Гомон затих: лишь нотки робкого шёпота изредка прорывались сквозь тишину.

– С чего это ты так обо мне печёшься? – фыркнул Нери.

Шале сдавленно молчал, покусывая нижнюю губу. Капельки пота проступили на лбу, смуглая кожа залоснилась.

– Твоё поведение должно иметь под собой причину, – повторил Нери настойчиво. – Просто скажи, что тебе от меня нужно?

– Раскаяние – вот причина! – Шале всплеснул руками. – Мне стыдно, Нери! Я ведь всегда уважал тебя и восхищался твоим интеллектом! А сегодня, после того, как ты меня подколот, что-то в голове переклинило...

– Давайте потише! – пролетел над залом строгий голос, прервав пламенную речь Шале, – не одни вы тут!

В первом ряду мелькнуло покрасневшееся лицо Гандивы 2, похожее на перезрелый помидор. Его аккуратно подстриженные медные волосы горели над острыми скулами, взгляд осуждающе пилил Нери.

Нери лишь ухмыльнулся в ответ. То, что он когда-то называл Гандиву другом, сейчас казалось удивительным. Отношения между ними давно сошли на нет: то ли из-за бесконечного духа соперничества, то ли из-за того, что Гандива всегда стремился перевоспитать и переделать Нери. Нери об этом не жалел. Этот тиран с комплексом Наполеона может и дальше прикидываться властелином мира, но он никогда не пригнёт к колену Нери 42: слабого, но гордого.

– Эмоции – это не аргумент, – произнёс Нери сдавленно. Тяжёлый взгляд Гандивы по-прежнему стоял перед глазами, как предвестник беды.

– Я не знаю, как с тобой разговаривать! – Шале по-девичьи надулся, отвернувшись. Налакированная длинная чёлка загородила самодовольный взгляд.

Звук его голоса утонул в протяжном гудении перегоронок. Прорез сомкнулся до тонкой линии, а затем исчез вовсе. Профессор степенными шагами прошёл к кафедре и включил обзорный экран. Разноцветные круги заплясали по чёрному полю.

Нери потянулся за ручкой конспектора. Пальцы жадно обхватили прохладный металл. Знакомая боль возродилась фениксом, отчаянно обожгла кожу выше плеча, побежала вниз по нерву. Кулак разомкнулся, встретив её напор. Ручка грохнулась на стол, отразив электрический свет ламп.

– Вот дерьмо! – шёпотом выругался Нери. Ужас пробежал кипящими пузырьками по сосудам, оглушив. Пальцы не слушались. На столе лежала безжизненная рука манекена.

– Этого только не хватало!

Нери изо всех сил старался совладать с собой. Во рту появился знакомый, едкий привкус металла. Мозг упорно отсылал пакеты команд по нервам, призывая кисть сжаться в кулак. Кончики пальцев надрывно дёрнулись, царапая полированную поверхность. Результат был неудовлетворительным, но он был.

– Что-то случилось? – заискивающе зашептал Шале над ухом.

– С чего ты взял? – фыркнул Нери, не отрывая глаз от конспектора.

Мозг не оставлял настойчивых попыток расшевелить руку. На этот раз пальцы почти сомкнулись. Откладывать визит к нейрореаниматору нельзя. Сегодня, как только занятия закончатся, Нери побежит в клинику, сверкая пятками!

– Ты выглядишь расстроенным и обескураженным, – пробормотал Шале растерянно.

Нери сжался в комочек, стараясь оградить себя от навязчивого желания Шале читать его эмоции. Но, он не мог обманывать сам себя дальше и отрицать, что тронут внезапной заботой.

Монотонный голос лектора двоился над залом, но Нери уже не стремился поймать основную тему. Мысли находились далеко и отливали отнюдь не радужным сиянием. Нери сложил руки и опустил на них голову, словно собираясь вздремнуть. Теперь торец стола надёжно скрывал его от лектора. Пожалуй, это единственный способ не подставить себя: сегодня фиксировать умные мысли за Профессором он точно не сможет. Хватит презентации.

– Прости меня, Шале, – проговорил Нери, не ожидая от себя. – Я был неправ, когда начал над тобой издеваться. Как ты сам ни скажешь: в голове переключилось. Что-то пошло не так. Я почувствовал себя одним из этих стервятников...

Он обвёл осторожным взглядом аудиторию.

– Я не сел бы сюда, если бы злился, – Шале сдвинул брови. – Неизбежна судьба того, кто попал в топ нарушителей. Я принял это ещё вчера ночью. Это был мой выбор, я его хорошо осознавал. Но до последнего на что-то надеялся.

– Завтра у них появится новая мишень, и они забудут о тебе, – кивнул в ответ Нери. Он улыбнулся. Сделать шаг навстречу оказалось не так уж и сложно.

Шале поймал улыбку и подмигнул в ответ:

– Можешь снова обвинить меня в отсутствии здравого смысла, но знай: я ни о чём не жалею. И, если бы время обернулось вспять, я поступил бы так же.

– Хороша твоя Принцесса, Золотой Дракон?

– Ты даже не представляешь, как! – губы Шале тронула улыбка, сделав его лицо открытым и красивым. – Я всегда выбираю самое лучшее!

Повисло неловкое молчание. Лишь тирада лектора неслась над головами. Пыльный воздух трепетал и содрогался.

– Это хорошо, – в конце концов сказал Нери. – К вам теперь пристанут надолго и точно попытаются поженить... Будь к этому готов.

– Да знаю я, – сморщился Шале. – Я-то, считай, выкрутился без потерь. Но не представляю, каково ей сейчас...

Он открыл сумку и извлёк бумажный пакет. Пошуршав вошёной бумагой, достал протеиновый пончик с шоколадным кремом.

Тошнота снова ударила Нери под дых, во рту появился неприятный кислый привкус.

– Будешь? – Шале протянул пакет.

– Перед смертью не надышишься? – усмехнулся Нери, покачав головой. – Нет, спасибо.

– Что-то вроде того, – кивнул Шале, прокусывая хрустящую корочку. Крем шоколадными разводами отпечатался на его верхней губе. – А что, грязные не едят пончики?

Нери приснул. Теперь слово «грязный» из уст Шале прозвучало даже забавно. Стоило ли обижаться?

– Мораторий на жареное, – пояснил Нери, – с пятнадцати лет. Сладж-синдром.

– Ясно, – коротко отреагировал Шале, – ты, смотри, не самый счастливый человек.

Ага. Со сладж-синдромом можно договориться, а вот с родовой травмой – не всегда. Нери снова попытался сжать кисть. На этот раз она подчинилась. Полировка стола скрипнула под пальцами, костяшки упёрлись в щёку. Страшные вещи всегда происходят в самый неподходящий момент. Следующее занятие – зачёт по самообороне, и если рука подведёт, можно будет распрощаться со стипендией.

– Откуда ты узнал, что я грязный? – поинтересовался Нери. – И о моей сестре?

– Многие догадываются, – развёл руками Шале. – Я лишь слышал сплетни от других. Кто-то из ребят заметил, что ты всегда распускаешь волосы перед тем, как переодеться к самообороне. И надеваешь рубашки с застёжкой, чтобы воротник не поднял шевелюру. А ещё у тебя освобождение от бассейна.

– Я освобождён из-за того, что плавать не умею, – возразил Нери.

Нери не лгал: он действительно принадлежал к тем немногим, кто в воде кирпичом идёт ко дну. Но у него была и ещё одна правда. Своя. Доказать преподавателю, что он не умеет плавать, не составило бы труда. Нери мог даже пройти освидетельствование у психореаниматора, документально подтвердить свою фобию и получить освобождение. Но ещё на первом занятии Нери заметил контуры стрелы, направленной вниз, на спине преподавателя и понял, что договориться с ним будет несложно. Грязные хорошо понимали друг друга.

– Татуировки у тебя никто не видел, – подтвердил Шале, хрустя пончиком. Он согнулся вдвое, почти уйдя под стол. – Ты молодец, хорошо маскировался.

– Это несправедливо, Шале, – протянул Нери, вдыхая навязчивый запах ванили и мальтозной пудры, – несправедливо, что нас считают отбросами. Несправедливо, что нас заклеили, как скот. Встречать по рангу – удел глупцов.

– Не будь занудой, – Шале наградил его задумчивым взглядом. – Это не конец света.

– Ш-ш-ш-ш-ш-ш! – над рядами пронёсся сердитый возглас. – Я ничего из-за вас не слышу!

Нери приподнял голову над столом. Холодные голубые глаза Гандивы по-прежнему целились точно в лоб.

Профессор стукнул кулаком по кафедре, сердито что-то пробурчав.

– Вот язва! – прошептал Шале с досадой. – Смотри, он что-то задумал!

Гандива поднялся с места и уверенной походкой двинулся к лектору. Его чисто вымытые волосы отливали медью в лучах ламп. Подойдя к Профессору, он салфеткой отвёл акустический усилитель в сторону и принялся что-то объяснять, сдержанно жестикулируя. Профессор лишь качал головой в ответ. Пару раз он резким жестом показывал Гандиве на его место, призывая вернуться за стол, но тот и не думал останавливаться.

– Стучит, скотина, – Нери сжал губы.

– За перегородку выкинут – в иллюминатор залезет, – Шале кивнул, подтверждая догадки.

Ярость и отчаяние обжигали грудь, частый пульс отдавался в висках. Молодец, Гандива, держи пончик! Сколько же терпения нужно, чтобы дождаться момента, когда Нери проколется! Какой отвагой надо обладать, чтобы надавать по слабому месту чужими руками. И неважно, что в подковёрных интригах Гандива 2 не силён. Главное, что, как ни крути, в данной ситуации он прав, и никто его за это не осудит.

После очередного настойчивого жеста Профессора, Гандива поспешил на место. Лицо его пылало, взгляд был холодным и безжалостным.

Нери скривился, на всякий случай, набрав в грудь воздуха. Сейчас грянет взрыв!

– Нери 42! – Профессор снова развернул усилитель к себе, – о чём только что шла речь?

Нери разогнул колени, приподнявшись над столом:

– Второй постулат Бора, Профессор.

– Сформулируйте! – приказал лектор.

– Правило частот, – выпалил Нери. – Излучение света происходит при переходе атома из стационарного состояния с большей энергией в стационарное состояние с меньшей энергией...

Шале поперхнулся то ли от смеха, то ли от удивления.

– Покажите Ваш конспект, – перебил Профессор.

– Но... – воскликнул Нери, опешив, – я же ответил...

Добрая сотня глаз сверлила Нери. Хищники почуяли добычу, их уже будоражил запах свежей крови. И вожак стаи восседал в первом ряду: горделиво, с прямой спиной. Как и обычно, безмятежный, но сосредоточенный. Готовый к броску в любую секунду.

– Покажите, – повторил Профессор. – Спуститесь к кафедре, снизойдите до моего уровня, Нери 42.

Ядовитые смешки пронеслись над залом. С трудом перебравшись через торчащие коленки Шале, Нери двинулся к Профессору. Остановился напротив кафедры и протянул конспект с пустым электронным листом.

– Пожалуйста.

Профессор требовательно, но беззлобно посмотрел на Нери. Морщины нитями паутины разбежались из уголков его глаз.

– Да-а-а, – процедил Профессор с долей издёвки, – и это Нери 42. Один из лучших. Я надеюсь, у Вас есть, что сказать в оправдание?

– Есть, – Нери с вызовом посмотрел на Профессора. Кровь в его сосудах кипела.

– Так встаньте лицом к аудитории и скажите! Смелее!

Нери обернулся. Сотни взоров превратили его в живую мишень. Сотня отравленных пуль готова была поразить в самое сердце, не оставив ни шанса на выживание.

«Гандива, ты – моральный урод! – вертелась в голове Нери истошная речь: настоящий крик души. – Ты – мерзкая трусливая крыса! Ты идёшь по головам слабых! Ты вылизываешь тарелки сильных, завоёвывая их расположение! Но все знают, почему ты здесь и кто стоит за тобой. Все победы, которых ты достиг – дело чужих рук. На самом же деле ты – пустое место, и ты сам это знаешь. Ты ограничен и недалёк. Ты гроша ломаного не стоишь!»

Рот Нери приоткрылся в готовности выдать пламенное признание. Придавленный аффектом, он сделал шумный вдох и захлебнулся воздухом. И хрипло откашлялся.

– Держите себя в руках, Нери 42, – услышал он шёпот Профессора за спиной. – Не лезьте в эту грязь.

– Я... – пробормотал Нери, отдышавшись.

Сдавленные смешки полились с задних рядов. Нери пристыжено опустил голову. Кретин, да и только! Мог бы — надавал бы Гандиве по пятое число!

– У Вас есть что сказать? – повторил профессор.

– Н-нет... – Нери попытался выдавить сдержанную улыбку. – Нет!

– Хорошо. Нет, просто замечательно, что Вы воспринимаете всё на слух и умудряетесь делать несколько дел одновременно. Можете вернуться на своё место, – выдавил Профессор.

Нери двинулся в четвёртый ряд. Голос Профессора снова загремел за спиной. Лекция, как ни в чём не бывало, продолжалась. Студенты с любопытством перешёптывались, когда он проходил мимо, но реплики не долетали до ушей. Все шумы заглушил напряжённый звон в голове.

– Вот и меня опозорили, – разочарованно проговорил Нери, бухаясь рядом с Шале. – Я уж думал, что пронесло...

– Ты что, – протянул Шале в ответ, – он сейчас совсем не тебя идиотом выставил...

Нери вздрогнул. Странные слова, которые произнёс Профессор для него одного, воскресли в памяти. Он представил, как выкрикивает пламенную речь, посвящённую Гандиве, у всех на виду, и его пробрала дрожь. Поступить, как недалёкая истеричка, идя на поводу у своих эмоций – что может быть безрассуднее? Он не пережил бы такого позора и, наверное, предпочёл бы броситься в лестничный пролёт...

Или под монорельс. Чтобы быстро и качественно.

Мечь – это блюдо, которое подают холодным. Пожалуй, полутора часов лекции по квантовой физике будет достаточно, чтобы остыть.

– Дай-ка пончик, – прошептал Нери.

Воздух насытился запахом ванили и шоколадного крема.

Нери точно знал, что он должен делать.

5

– Ты думаешь, он так просто это оставит? – выпалил Нери. Раскаяние уже действовало на нервы. Пожалуй, нужно было подождать пару дней прежде, чем мстить. – Я не смогу драться с ним.

– Взбодрись, – Шале стянул рубашку. – Я прикрою если что. У меня тоже руки чешутся.

Раздевалка для юношей пахла сыростью, спортивным инвентарём и одеколоном. Оштукатуренные стены хранили в глубине трещин отпечатки баталий. Ряд шкафчиков выстроился у дальней стены. Точно напротив, под потолком болталась устаревшая конструкция голографического проектора, разбавляя обыденность бурчанием диктора.

Нери с недоверием посмотрел на Шале. Тот, как ни в чём не бывало, продевал мускулистые бицепсы сквозь рукава спортивной футболки. Неожиданно обретённый товарищ за два часа дружбы уже успел стать его сообщником.

Хлопчатобумажная ткань обтянула широкие лопатки... Полутора часами ранее эта спина прикрывала Нери, пока тот мазал конспектор и рюкзак Гандивы шоколадным кремом. Грозному старосте пришлось отлучиться по малой нужде в начале перемены. Видимо, дело не терпело настолько, что Гандива счёл допустимым оставить вещи без присмотра. Не воспользоваться счастливой случайностью Нери не мог.

Квадратная физиономия диктора плыла над раздевалкой, шевеля губами. Сюжеты, облачённые в форму голограмм, сменяли друг друга, но каждый новый походил на предыдущий. В городе не осталось новостей, кроме как о водяном бешенстве.

– Первые признаки болезни – немотивированная усталость, фебрильная лихорадка, гиперемия кожных покровов, мышечная слабость, – информировал главный городской реанима-

тор. – Возможны, но необязательны психоэмоциональные нарушения. Например, придирчивость, различные бредовые идеи.

– Наш товарищ-то, кажется, болен этой дрянью, – Шале подмигнул. – Может, сдадим его в лечебницу?

– Шутки шутками, – подал голос Нери. – И всё равно я боюсь, что он нажа...

Его фразу прервал натянутый скрип перегородок. Отдалённый грохот стрельбы ворвался в раздевалку: предыдущая десятка юношей уже сдавала зачёт. В раздевалку ввалились, переговариваясь, пятеро парней с потока. Нери поспешно закрыл рот.

– Нери, я бы сторонился его на твоём месте, – гоготнул один из парней, бесцеремонно тыча пальцем в Шале. – Кто знает, с кем ему сегодня развлечься захочется.

Зловредное хихиканье раскачало воздух.

– Ой, да заткнись уже, я девушек предпочитаю, – парировал Шале, томно закатив глаза. – Тебе моё общество точно не светит!

Нери поднял руки к волосам, чтобы по привычке распушить их, закрыв «клеймо». Сердце колотилось, как огромный тамтам. Он уже жалел о содеянном и страшился возмездия. Один лишь факт радовал: согласно нумерации по числовым коэффициентам, Гандива сдавал зачёт во второй десятке. Они с Шале шли в четвёртой. Значит, Староста всемогущий уже покинул факультет и отправился в свой крутой шелтер на личном миникапе. Естественно, с круглой сотней. Иначе и быть не могло...

Пальцы нащупали полоску ремешка. Плечо снова запыхало. Подумав, Нери опустил руки, как ни в чём не бывало. Теперь нечего бояться: все и так уже знают о том, что он – клеймённый.

К удивлению, никто из ребят не подал голоса, пока он натягивал футболку. Лишь Шале тихонько спросил:

– А это очень мерзко, да?

– Что мерзко? – переспросил Нери.

– Когда тебе обновляют татуировку, – проговорил Шале не без смущения. – Это ведь каждые три года делают, до самого совершеннолетия.

Нери поймал взглядом молнию трещины на стене и закусил губу. Наверное, именно так чувствует себя женщина, которую регулярно избивает муж, на приёме у психореаниматора. Нет, ему никогда не было больно на процедуре обновления. Дело в другом. Обновление – это унижительно. Будто дурная компания поймала в подворотне и, упиваясь превосходством сил, превращает тебя в ссаную тряпку.

– Они очень хорошо обезболивают, – наконец произнёс Нери. – Только потом несколько дней с биоплёнкой ходить тяжеловато.

Перегородки снова разомкнулись, впустив в раздевалку поток прохладного воздуха. Кто-то беззвучно зашёл. Голоса внезапно стихли. Потом чей-то робкий говор осмелился его нарушить:

– А ты р-разве н-не отмучился уже?

– Было срочное дело, – до боли знакомый голос. – Буду сдавать с вами.

Только не это!

Дыхание перехватило. Стараясь не подавать испуга, Нери бросил осторожный взгляд через плечо.

Да, это был он, несравненный Гандива 2. Лучший из лучших. Коренастая, сильная фигура топталась у противоположной стены, меняя белые ботинки на кеды. Тоже идеально белые. Гандива уже успел переодеться в спортивную майку и широкие тренировочные штаны. Тоже, кстати, белые — непрактично для кого угодно, но не для сиятельного Гандивы 2. Жирный шоколадный крем, наверное, был слишком хорошо заметен на белом шёлке его рубашки.

Странно, что тень, которую он отбрасывает, чёрного цвета. Как и у всех.

Гандива держался с изумительным спокойствием. Пальцы не дрожали, колени не подкашивались, дыхание было ровным и глубоким, движения – медленными и сосредоточенными. Ни одна эмоция не искажала его каменной мины. А они вообще у него есть?

Шале пихнул Нери локтём в бок:

– Не пались!

Нери напряжённо засопел. Дабы отвлечься от навязчивых мыслей, принялся вслушиваться в холодный голос диктора.

– Далее заболевание входит в фазу разгара, – врезалось в уши высокомерное бормотание: главный реаниматор продолжал санпросветработу. – Именно в этот период человеческая особь становится заразной для окружающих. Температура тела после периода мнимого благополучия резко повышается. Нарастает эмоциональная лабильность. На теле больной особи появляются язвы с серозным отделяемым, предположительно, содержащим возбудитель болезни. Развиваются двигательные нарушения: повышается мышечный тонус, возникают тонические и клонические судороги.

– Говорят, от этой ерундовины погибло уже человек пятьсот, – Шале постучал Нери по плечу. – Только власти молчат, дабы панику не нагнетать. Что думаешь?

– В городе давно объявили бы карантин, – пробормотал Нери, закрывая шкафчик с вещами. – Помнишь эту суету с жезловирусом? Помнишь рыбий грипп в 2340-м? Три летальных исхода, а уже чрезвычайное положение включили.

– Согласно последним данным, – продолжал диктор, – эпидемия вызвана утечкой тайно разработанного вируса из подводной биологической лаборатории близ берегов северной окраины Иммортеля. Утечка вируса остановлена, ведётся следствие. Ситуацию осложняет то, что больные особи могут заражать других...

– Кто знает, что в мыслях у Господина Президента? – Шале пожал плечами. – Может, он и сам в это не верит.

– Приготовиться на выход, – заверещал динамик, вмонтированный в стену. – Виссарион 4, Нери 42, Акси 4235, Илья 448989, Лилиан 45, Андрон 459, Лачино 470, Илья 47873, Шале 487, Сатурн 49 и Гандива 2.

Парни, закончив приготовления, столпились у дверей раздевалки плотной шеренгой.

– Ни пуха ни пера, – неловко пробормотал Нери.

– К чёрту, – махнул рукой Шале и самоуверенно улыбнулся.

Толпа окружила Нери. Он почувствовал себя селёдкой, зажатой в бочке с маринадом, меж обезглавленных тел сородичей. Отступить было некуда: впереди маячила безрадостная перспектива позора. Оставалось лишь надеяться на то, что рука не подведёт.

6

Шлёпающий звук пронзил воздух тренировочного зала. Из дула бластера вырвался ядовито-зелёный луч. Манекен в двадцати метрах впереди и не покачнулся. Инертное перекрытие позади муляжа с шипением поглотило кислотную вспышку.

Лачино промазал в третий раз. Никто и не ожидал от близорукого хиляка большего. Электронное табло выдало результат: двадцать один балл из ста возможных. Для сдачи зачёта нужно было набрать хотя бы пятьдесят.

Пальцы Нери зашлись мелкой дрожью, когда взгляд поймал разочарованную физиономию Лачино за двойными громоздкими цифровыми очками. Хотя результат первых двух испытаний и позволял рассчитывать на максимальный балл, ощущение, что рука снова может откачаться слушаться, не оставляло. Чувство было навязчивым, давящим и почти осязаемым. Нери глубоко вдохнул в попытке остановить приступ паники и откинул голову назад.

– Хватит трястись уже! – Шале пихнул его. – Бесишь! После того, как ты с первого удара уложил манекен на лопатки, ты ещё чего-то боишься? Пока ты – лучший, и ты это прекрасно знаешь!

Нери наморщил лоб и поправил:

– Я и Гандива.

– Он нереально ступил на ситуационке. Лачино и то лучше справился, если по мне.

Нери зажмурился, пытаясь побороть негодование. Шале глаголил истину: Гандива не смог защитить себя при моделировании обрушения бытовой конструкции. Но тренер оперативно сменил ему задание: наезд миникапа – что может быть легче? Нери досталось спонтанное возгорание вагона монорельсового состава, и он умудрился не только честно отбегать своё в языках голографического пламени, но и спасти большую часть манекенов.

– Но у него – сотня за ситуационку, тем не менее, – возразил Нери. – Как всегда. Как и у меня.

Шале сложил руки на груди и кинул взгляд в сторону старосты. Чувствовалось, что ситуация раздражает его не меньше, чем Нери. А уж продемонстрировать недовольство с талантом заправского актёра он умел.

– Вот именно, что как всегда, – щёки Шале вспыхнули. – А правду всё равно видно. Она, как шило – в кармане не утаишь. Если даже и умудришься это сделать, то воткнётся сам понимаешь куда. Тебе бы такую же поддержку, Нери 42.

Гандива готовился принять эстафету в стрельбе. Голубые льдинки глаз лучшего из лучших осматривали спусковой механизм бластера. Пальцы с коротко остриженными ногтями сжимали антисептическую салфетку.

Нери зевнул.

– Борьба с учебным произволом равносильна сражению с ветряными мельницами, – лениво проворчал он.

– Эй! – Шале хлопнул Нери по плечу. – Не раскисай! Помнишь, что ты сказал мне? Встречать по регалиям – удел глупцов?

– По рангу, – поправил Нери.

– Какая, к чёрту, разница? – усмехнулся Шале. – Ты сейчас десятку сделаешь с первого раза! Вот увидишь!

Нери взмахнул рукой, чуть не задев щетинистый подбородок Шале. По разгорячённой физиономии Золотого Дракона было заметно, что не очень-то он верит в сказанное.

Между тем, Гандива принял бластер и обтёр спусковой механизм салфеткой. Положив конструкцию на крепкое плечо, он прицелился и нажал спусковой крючок. Жёлто-зелёная вспышка озарила зал, молния луча с присвистом рассекла воздух. Манекен вдалеке дёрнулся: лазерный луч пробил мишень, укреплённую на его груди, почти по центру.

– Хоть в этом он преуспел, – отметил Нери, потирая подбородок. – Теперь мне будет не так обидно.

Вторая попытка – и точнёхонько в десятку. Едва заметная ухмылка скользнула по плотно сжатым губам. «Сотня» уже была у него в кармане, независимо от результата третьего выстрела. И он знал это ещё до того, как зачёт начался.

Как и всегда.

– Ну, я пошёл, – хмыкнул Шале, направляясь к тренеру.

Мускулистые руки Шале с готовностью обхватили бластер. Он выглядел так самоуверенно, словно был рождён с этой неуклюжей бандурой в руках. Волноваться за него не пришлось: Шале, не особо стараясь, пробил «десятку» с первой попытки. Не завали он ситуационное задание с падающим лифтом, наверняка взял бы максимум, как Гандива. Но беспристрастное и объективное табло выдало Шале лишь семьдесят девять баллов из ста.

– Следующий, – скомандовал тренер.

На ватных ногах Нери потрусил к опорной точке вдоль ограждения.

– Нери 42, – пробормотал срывающимся голосом. – Группа 303.

Тренер с одобрением кивнул, записав в ведомости его имя. Шале, растянув по лицу довольную ухмылку, протянул бластер.

– Задай-ка жару, Нери! – подмигнул он.

Нери выдал вымученную улыбку и протянул руки, чтобы принять оружие.

– Вторую давай, – Шале мотнул головой. Что-то в гримасе Золотого Дракона наводило на пугающую догадку.

– Что? – переспросил Нери на всякий случай.

– Ну вторую... Руку! – усмехнулся Шале. – Я знаю, что ты крут, но стрелять одной левой – это слишком даже для тебя.

Нери опустил глаза и вскрикнул.

Всё было даже хуже, чем он мог себе представить. Приказам воли подчинилась лишь одна рука. Левая. Организм даже не счёл нужным предупредить об опасности покалыванием и болью!

– Что с Вами, Нери 42?! – тренер недовольно приподнял брови. – Оружия никогда не видели?

– Я могу сдать стрельбу в другой день? – выпалил Нери. – Прошу Вас. Моя рука не в порядке сейчас...

Шале присвистнул.

– Что ты ей делал-то? – хохотнул он.

Нери оскалился. Золотой дракон замахал ладонями и поспешно отступил.

– Что значит «не в порядке»? – строго переспросил тренер.

– Ну... – пробормотал Нери неуверенно. – Я ведь показывал Вам заключение нейрореаниматора в начале года. Так я могу подождать несколько дней и прийти на пересдачу?

– Нет, – тренер бесстрастно помотал головой. – Не можете.

По правой руке вниз, от самого плеча, побежали колючие волны мурашек. Ещё несколько минут, и он снова придёт в норму. Только кто даст гарантию, что это больше не повторится?

– Но почему? – пробормотал он с непониманием. – Я ведь хочу выжать максимум, а не абы как.

– Нери 42, в экстремальной ситуации никто не учтёт, какой у тебя потенциал. Никого не интересует, где у тебя чешется, а где – болит, – оскалился тренер. – Представь, что на тебя бегут инопланетные агрессоры, а при тебе – лишь этот бластер. Им всё равно, в порядке ли сейчас твои рука, голова и задница. Ты должен защитить себя и близких любой ценой. Твои амбиции не нужны: проглоти их или засунь сам знаешь куда. Не можешь стрелять с правой – целясь с левой. Отказала левая – бей с ноги. Переломали ноги – кусайся. Выбили зубы – ляг поперёк дороги, чтоб они об тебя споткнулись! Всё понял?!

– Понял, – Нери раздосадовано опустил голову. Хуже и быть не может!

– Тогда стреляй, – приказал тренер.

Нери попытался согнуть правую руку. Предплечье вздрогнуло и повисло безжизненной плетью. Кое-как перехватив бластер левой, он водрузил его на плечо. Не такой уж он и тяжёлый: это не допотопное оружие двадцатого века. Краем уха Нери уловил отдаляющиеся шаги. Шале, наконец, оставил его наедине с бластером.

Нери прицелился. Красная точка наводки задрожала в самом центре мишени.

– Очень неплохо, – прокомментировал тренер. – А теперь стреляй!

Прикрыв глаза, Нери нажал на спусковой крючок. Тот едва поддался натиску слабых пальцев. Дуло по инерции дёрнулось. Ядовитая вспышка обожгла взор.

Мимо.

– Слабовато, – отметил тренер. Нери фыркнул: он и так знал, что масло масляное.

Красная точка снова задрожала, выписывая круги на мишени. Рука слабела. Плечо онемело от давления, почти потеряв чувствительность. Левая рука правши не приспособлена к подобным нагрузкам.

Хлопающий звук выстрела. Вспышка ударила по глазам, затопив поле зрения пятнами синяков. Манекен, накренившись, закачался. Лазерный луч зацепил край мишени. Через долю секунды третий выстрел закачал манекен ещё сильнее. Он родился внезапно и спонтанно: уставшие пальцы скрючило судорогой. Однако, луч и на этот раз каким-то странным образом прошёл через мишень. Пусть не по центру, но всё же.

– Сдал, – коротко подытожил тренер. – Свободен.

– Сдал? – удивлённо переспросил Нери.

– Пятьдесят три из ста, – тренер показал на табло со зловещими цифрами.

Нери зажмурился, не желая лицезреть свидетельство своего позора. Вот уж точно: хуже быть не может! Лучше на пересдачу, как Лачино, чем позорная отметка в ведомости!

Опустив голову, Нери направился в раздевалку. Он ненавидел тренера, который не пожелал войти в положение. Он ненавидел Гандиву, для которого открыты все пути. Он ненавидел свою левую лобную долю, медленно, но верно превращающую его в развалюху.

Но больше всего на свете он ненавидел себя.

Свист факультетского репродуктора, пролетевший над залом, ошпарил с ног до головы:

– Нери 42, срочно зайдите в деканат! – отчеканил электронный голос. – Нери 42, срочно зайдите в деканат!

Сдавленный стон сорвался с губ. Деканат – священное место. Туда вызывают или за серьёзные провинности, или за большие заслуги. И в последнем Нери сомневался

Задрав лицо, Нери посмотрел на чёрный глаз репродуктора под потолком, будто бы он мог дать ответы. Если бы в этот момент Нери обернулся, его поразил бы ледяной стрелой торжествующий взгляд Гандивы.

7

– Нери 42, пройдите в приёмную! – гнусаво прогорланил информатор.

Нери обернулся на пустующий коридор, затопленный солнцем. Он действительно не понимал, что ведёт его: страх, злоба или непонятное торжество.

Будь что будет! Нери расправил плечи, стараясь выглядеть гордо. Непросто заставить собеседника воспринимать тебя всерьёз, когда на тебе выдавшие виды джинсы, нещадно истёртые на коленках, и дешёвая спортивная толстовка с говорящим числом 42 поперёк груди. Нери так торопился на раздачу слонов, что не счёл нужным переодеться.

За баррикадой массивных перегородок Нери встретила секретарша.

– В приёмную номер три, – промямлили губы русалки.

Залпы в голове стихли, уступив место холодноватому бризу. Неужели удача?

– Дея? – переспросил он, не веря собственному счастью.

Секретарша кивнула.

Нери выдохнул. Дея 26 – самая молодая, спокойная и рассудительная из трёх деканов факультета. Лучше уж выслушать её нудные нотации, чем попасть под горячую руку Тильды 7. А уж если судьба толкнёт на ковёр к Аарону 865 – пиши пропало. Без жёстких санкций от привередливого старика ещё никто не уходил!

Прошаркав подошвами, Нери направился в третий отсек. И с ужасом осознал, что забыл позвонить.

– И-и-извините! – промямлил он.

– Всё в порядке, Нери 42, – ответил монотонный голос, – проходите.

Лёгкая дымка сандалового аромата накрыла Нери с головой. Он застыл столбом, потирая глаза. Прозрачный пол сиял до такой степени, что глаза начинали слезиться. В центре отсека

возвышался древний резной стол. Дея 26 расположилась за ним, погрузив крупное тело в анатомическое кресло.

– Приветствуй Вас, Дея 26, – пробормотал Нери. – Кажется, я уже понял, почему я здесь.

– Думаю, Вы правильно поняли, – Дея указала на кресло напротив, приглашая Нери присесть. – На Вас подана жалоба.

Последняя надежда улетучилась, вырвав из груди жалобный выдох. Полки, уставленные безделушками и наградами, закружились перед глазами. Картина, наконец, прояснилась; скрытые карты перевернулись рубашкой вниз. Вот почему Гандива опоздал на зачёт: он дотошно заполнял жалобные акты!

– И додумался до этого, конечно же, несравненный староста, – констатировал Нери. – Не самое умное решение палить из бластера по клопам, но другого от него я и не ожидал. Не буду отрицать: я немножко его испачкал. Но он был виноват сам.

По губам Деи пробежала улыбка.

– Я не стала бы язвить на Вашем месте, – она сложила руки. Во всех движениях Деи, несмотря на внушительные габариты, сквозила гибкая грация. – Порча чужого имущества – серьёзное обвинение, приводящее к административной ответственности четвёртого уровня.

Нери почувствовал, что Дея, несмотря на сказанное, расположена к нему и неосознанно держит его сторону. Его, а не Гандивы! Вот только чистоплюй на этот раз зашёл слишком далеко. Сможет ли она помочь?

– Какая порча?! Это была шутка, не более. Шоколадный крем прекрасно отмывается с гладкой поверхности! Шёлк превосходно отстирывается! Мы же не в двадцатом веке... Двадцать минут в центрифуге — и...

Дея поправила воротничок блузки. Было заметно, что она с трудом подбирает слова.

– Гандива 2 утверждает, что его конспектор пришёл в негодность.

– Не может такого быть! Да даже если так – виноват он сам! Он подставил меня, и я не мог просто так это оставить!

– Нери, он прав, – Дея улыбнулась. – Он – староста потока, и выполнял свою работу. Его задача – следить за качеством вашего обучения. Делать замечания и докладывать лектору о невыполнении учебного плана – прямая обязанность старосты. И... это так по-детски, не по-человечески. Всегда всё можно решить словами.

Нери на мгновение воскресил в себе здравомыслие. Нужно молчать и соглашаться, иначе можно подставить себя так, что вовек не отмоешься. Да, он знал это. Только вот бессознательное порой сильнее правил приличия.

– А Вы не находите, что стучать – подло?! – Нери с вызовом посмотрел на декана. – Грязно, непорядочно и не по-человечески?

– Это другой вопрос, – вздохнула Дея, – я даже скажу больше, Нери. В Вашем возрасте и на Вашем месте я поступила бы ещё хуже. Но, тем не менее, принципы у каждого свои. У Гандивы они с законом не расходятся. У Вас... Вы сами понимаете. Надеюсь, что только в этот раз.

Прохладный ноябрьский ветерок просунул руку сквозь приоткрытый иллюминатор, раскачивая жалюзи. Он нёс с собой запах городских дорог и сухой пыли. Вдалеке басовито гудели оживлённые трассы, порождая чувство тоски и безысходности.

– И какое наказание меня ждёт? – усмехнулся Нери с откровенной издёвкой.

– Всё, к счастью, можно решить мирным путём, – проговорила Дея. – На следующей комиссии по разбору нарушений Вы публично извинитесь перед Гандивой 2. На этом всё закончится. Никаких санкций.

Дыхание спёрло, и волна спазмов атаковала пустой желудок. Такого варианта развития событий он не предусмотрел.

– Ну уж нет! – выкрикнул Нери, задыхаясь от ярости. – Можете лишить меня всего, но извиняться перед ним я не буду! Я готов понести административное наказание четвёртого уровня! Я ничуть не раскаиваюсь в совершённом, и считаю, что поступил по совести!

– Подумайте, Нери 42, – Дея посмотрела на Нери почти умоляюще, – не мне Вам объяснять, на что способен Гандива 2.

Нери не слышал её слова. Адская смесь из возмущения, отчаяния и бессилия ослепила и оглушила его, отрезав от мира.

– Да плевал я! – вскричал он. – Никогда ему меня не унижить!

– Нери, Нери... – пробормотала Дея с долей удивления. Ладонь придвинула стакан минеральной воды. Солнечные лучи мелко дрожали на поверхности. – Вы вправе поступить так, как сочтёте нужным. Я лишь даю совет, потому что не хочу, чтобы этот проступок сказался на Вашей учебной истории. Из-за этого у Вас могут возникнуть трудности при устройстве на работу.

Всполох заката ударил по глазам Нери, заставив захлопнуть веки.

– Я... – он захлебнулся, подавляя новую вспышку агрессии.

– Всё в порядке, Нери 42, – Дея сдержанно кивнула, – никто не собирается Вас линчевать. Каждый имеет право оступиться.

Нери неуверенно приподнял стакан. Кубики льда мелодично звякнули. Вспомнился весёлый вечер в компании отчима. Правда, сомнительного, резкого запаха на этот раз не было. Лишь пузырьки, подпрыгивая, резвились под носом. Колючий глоток освежил разум, затушив пыл раздражения.

Всего лишь минералка. Хотя, он не отказался бы сейчас и от «Номера один».

– Что теперь? – Нери бросил взгляд на город, распластавшийся в иллюминаторе. Улицы дразнили острыми шпилями башен.

– Для начала, объяснительная записка, – Дея показала на планшет, – на имя заявителя. Вы должны объяснить Гандиве 2 мотивы поступка и как-то себя оправдать.

Нери торжествующе сощурился. Красноречие – его конёк. Сейчас он повернёт события так, что члены комиссии по разбору нарушений ахнут. Как бы Гандиве в итоге оправдываться не пришлось.

– Я объясню, – Нери ухмыльнулся, взяв стилус. Кнопочка упруго щёлкнула под пальцем, обнажив блестящий стержень.

Дея промолчала в ответ.

Нери уставился на безупречно-белуб гладь планшета. Его разбирало желание надавать Гандиве по самолюбию. Стержень любовно коснулся белого поля, выводя на круглые буквы. Нери сосредоточенно прикусил губу, любясь результатом.

«Гандива, ты – урод! Ты лижешь сильным и топчешь слабым!» – кричали в никуда электронные разводы.

Не пойдёт: слишком эмоционально. Слишком искренне. Не пристало выставлять свои слабые места напоказ. После такой тирады велика вероятность прослыть перед комиссией недалёким скандалистом.

Нери удалил написанное и снова принялся выводить слова и фразы. Руки дрожали.

«Девятнадцатого ноября 2344 года, – старательно вывел он, – я, Нери 42, 04.11.2326 г.р., проживающий по ад...»

Стилус задрожал в ладони. Стержень вывел размашистую дугу, переходящую в крюк.

– Только не это! – проговорил Нери. – Не сейчас, умоляю!

– Что? – Дея наморщила лоб.

– Ничего...

Пот проступил на лбу. Стилус заплясал между пальцами, выводя неразборчивые каракули. Знакомое покалывание пробежало по коже. Мгновение – и правая рука безжизненно упала на стол. Стилус отлетел по инерции в угол приёмной.

– Что с Вашей рукой?! – вскричала Дея, вскочив со своего места.

– Ерунда, – образы перед глазами Нери начали двоиться, сливаться в непонятный круговорот, перемешиваясь в оранжевом пламени догорающего дня, – сейчас всё пройдёт... Можно я... Я...

Пол мелко завибрировал, заставив потерять опору. Нери беспомощно уставился в потолок. Сквозь пелену забвения он едва заметил, как к нему подлетела Дея. Губы её беззвучно шевелились, в глубине широко раскрытых глаз плескалась растерянность.

Поле зрения стремительно покрывалось пятнами.

Кажется, Дея отчаянно трясла его за плечо...

Глава 4. Перекрёсток миров

У непосвящённых женщин нет Покровителя, которому они обязаны служить. Их магический Поток закрыт до последних дней и не может использоваться.

Проявление магического дара у непосвящённых возможно лишь при установлении запретной связи с Разрушителями. При обнаружении этого явления оно должно быть немедленно и безвозвратно пресечено.

Использование непосвящённой женщиной магии карается четвертованием без права обжалования с последующей ссылкой в Пропасть.

© Положение 129 “О запретах для непосвящённых”.

1

Полёт по коридорам бесконечных лабиринтов перешёл в затянувшееся падение. Тьма мягкой капсулой сомкнулась вокруг. Единственное, что чувствовалось в мёртвом вакууме – как диафрагма ритмично сокращается, позволяя лёгким нагнетать в кровь кислород.

– Зажми жгут крепче, – донёсся сквозь дрожащий сумрак женский голос. – Вот так!

Темнота растворилась роем мух в пронзительно-белом. Веки приподнялись, позволив сфотографировать потолок. Оказывается, простая попытка открыть глаза может отнять столько энергии! Нери снова зажмурился и погрузил себя во тьму. Надо накопить силы для более впечатляющих результатов.

– Какие ужасные вены! – возмутился рядом другой голосок: высокий и визгливый. Он показался Нери знакомым. – Я не могу их поймать!

Нери вдохнул, пытаясь собрать воспоминания по частям. Память воскресила тренировочный зал, залпы стрельбы и жёлто-зелёные вспышки лазера. Дальше временную линию затягивала вязкая пустота. Нить событий восстанавливалась в коридоре лечебницы, пахнущем дезинфектантами. Последнее, что помнил Нери – как на его лицо надвигается прозрачный купол маски для наркоза.

И, кажется, за пару минут до этого его чип приложили к идентификатору, и он подписал информированное согласие.левой рукой.

Негусто. Недостающих паззлов слишком много.

– Учись, – ответил первый голос. – Ты ведь собираешься работать субреа. И не с такими дело иметь придётся.

В локтевой сгиб вонзилось что-то острое. Волна зудящей боли пробежала по нервам. Нери одолевало непреодолимое желание выдернуть руку у неизвестных мучителей и удрать. Но увы: сил не хватало даже на то, чтобы откашлять жужжащую в горле мокроту.

– Никак не попадаю, – заверещал голосок.

– Учись, милая, – пробормотала женщина.

Милая? Или... Как она сказала?

– Есть! – остриё снова вошло под кожу. – Бр-р-р-р... Сколько крови!

– Молодец. Вспорола вену, но попала. Минут через пять мальчик проснётся. Посидишь с ним, пока он не придёт в себя, проконтролируешь состояние и сообщишь мне. Если всё будет хорошо, отпустим его домой с рекомендациями. А потом можешь и сама отправляться, хватит с тебя на сегодня.

Нери сразу стало лучше. Он не умер, и даже не при смерти – это замечательная новость. При хорошем раскладе, даже удастся уйти отсюда своими ногами. Сегодня.

– Может, я лучше позову Лейлу из оперблока, чтобы посидела с ним? – буркнула девушка, что так старательно колола его руку. – Пожалуйста...

Нери попытался откашляться, но в груди родился лишь силпый стон. Он, по всей видимости, в приёмном отделении районной лечебницы. Значит, что-то серьёзное произошло с ним между зачётом по самообороне и наркозом. Вспомнить бы ещё, что!

«Нери 42, срочно зайдите в деканат!» – прокричала память, воскрешая волнение. События, затёртые вакуумом наркоза, проступили в темноте. Встревоженное лицо Деи, миникап парареаниматоров, приёмный покой, гигантская труба субтомографа. И приступ клаустрофобии, как эпилог этой маленькой приключенческой истории. И маска для наркоза, как точка. Теперь всё встало на свои места.

– Это – задание для тебя, Мина, – с укором проговорил голос номер один. – Обсуждению это не подлежит.

– Я не Мина! – под кожу влился яд чужого раздражения. – Я Миа! М-и-а, без этой дурацкой «н»! Почему так сложно это запомнить?!

Миа, значит. Где-то Нери уже слышал это имя. Впрочем, оно распространённое, не стоит занимать мысли ненужными рассуждениями. Главное сейчас...

Его отвлекло нарастающее саднение в горле. Кашлевой рефлекс, наконец, вытолкнул наружу клокочущий хрип. Все органы чувств одновременно пробудились, опьянив потоком ощущений. Глаза распахнулись, показав потолок.

– Проснулся? – над ним навис тёмный силуэт. Нери с трудом разглядел лицо пожилой имаго, обрамлённое белой реаниматорской косынкой. – Минут через пять сможешь встать и одеться.

Нери пошевелил ступнями. К обнажённой коже льнула хрустящая ткань медицинской простыни. В нос ударил горький аромат аптеки, а язык встал поперёк рта сухим комком.

– У меня – водяное бешенство? – он прикрыл глаза, защищаясь от яркого света.

– Он ещё и шутит! – усмехнулась реаниматор в ответ. – Значит, всё не так плохо.

– Мне бы попить, – простонал Нери, едва ворочая языком.

– Пока нельзя, – безжалостно ответила реаниматор. – Попробуй-ка лучше пошевелить правой рукой.

Нери приказал пальцам сомкнуться в кулак. Мышцы без лишних капризов повиновались. До чего приятно снова иметь в распоряжении рабочую руку!

– Всё так безнадёжно? – выдавил он.

– У нас есть для тебя и хорошая новость, и плохая, – реаниматор заботливо смочила его губы и тут же, переключив тон на более агрессивный, прокричала. – Миа! Ты куда убежала? Почему я должна делать твою работу? Я – реаниматор, а ты – субреа, в конце-то концов!

– Иду, уже иду, – недовольное шарканье шагов рассекло воздух. – Проснулся, значит?

Над кушеткой склонилась большеглазая девушка в кипенно-белом костюме субреаниматора. Её глаза взволнованно бегали, играя бликами. Две плотные, серебристые косы свесились над Нери, как лианы. Конечно, он знал её: такой безумный взгляд тяжело забыть.

– Ты – та девчонка из столовой? – вымолвил он.

– А ты – Нери 42, – прищурилась Миа, – приятно познакомиться.

– В столовой обстановка была более располагающей, не находишь? – пробормотал Нери. – Я, ты, соевые эскалопы и твой зубастый друг – что может быть романтичнее?

Теперь Нери мог осмотреться. Тесный отсек без иллюминаторов с белыми стенами и двухуровневым потолком озарял яркий свет. Кушетка, на которой он лежал, делила жалкие квадратные метры пространства со столом реаниматора и стеклянными полочками, нашпигованными пёстрыми коробками.

– Может, сразу замуж позовёшь? – Миа добродушно улыбнулась, прикусив полную нижнюю губу. Разноцветные радужки, обрамлённые лесом светлых ресниц, ехидно уставились на Нери. Так вот почему её взгляд показался странным! Левый глаз – тёмно-карий, правый – зелёный.

Нери смутился и тут же понял, что широко улыбается девчонке. Замуж, значит, хочет? Вероятно, Миа тоже грязная и купилась на его татуировку. Душу родственную почуяла.

– Нери, послушай меня, – снова вступила в разговор реаниматор. Голос её звучал взволнованно. – Пока новых пациентов нет, я должна сообщить тебе важную вещь. Ты, конечно, знаешь о своём заболевании. Мы провели субклеточную томографию и импульсную энцефалографию с провокацией, пока ты спал. К сожалению, результат не обнадеживает.

Нери вздрогнул: животный страх выпустил отравленные шипы. В висках гулко запульсировала кровь. Захотелось бежать прочь, не оглядываясь.

– Я это понял ещё утром, – пробормотал Нери, пытаясь сесть. Голова нещадно закружилась, порождая тошноту, и он снова откинулся на кушетку. – Каюсь: не был у нейрореаниматора с момента установки диагноза. Писал отказы со скандалами. Боялся.

Реаниматор недовольно повела головой.

– Зря ты так. Патологическая активность в очаге стала более интенсивной, – отчеканила реаниматор. – Чтобы ты лучше понял: это как внезапные перепады напряжения в электросистеме. И твоя нервная система слишком привыкла к препаратам, которые ты употребляешь. Я бы даже сказала, что болезнь зашла слишком далеко за три года терапии.

Кинжал досады вошёл Нери под рёбра и трижды там провернулся. Если разговор продолжится в той же манере, перепад напряжения случится с его выдержкой.

– Давайте лучше хорошую новость, – прошептал Нери сухими губами.

– Постишемический очаг анатомически стабилен, – пожал плечом женщина. – Если всё будет продолжаться в том же духе, мы сможем с полной уверенностью сказать, что самое страшное обошло тебя стороной.

– Пока?! – возмутился Нери. Он всё ещё пытался найти силы сесть. От сонливости не осталось и следа. – Что значит «пока»?!

– Нери, – Миа села на край кушетки. Осторожно коснулась обнажённого плеча. Коснулись, и тут же испуганно отдёрнулись, будто от раскалённого металла. – Будь спок. Здоровых особей на планете нет, и это – норма.

Реаниматор смерила Мию взглядом, полным осуждения.

– Современная медицина успешно работает с поражениями нервной системы и парциальными моторными припадками, – подтвердила она, кивнув. – Но твой случай интересен тем, что патологическая активность в левой лобной доле появилась значительно позже родовой травмы. Сейчас лечение не приносит ожидаемого результата. Судя по анамнезу, подходящий препарат подбирали очень долго, а сейчас и он перестаёт работать. Поэтому точный прогноз на будущее тебе никто не даёт.

От запаха медикаментов затошнило. Нери глубоко вдохнул, подавляя рвотный позыв.

– То есть, – он закусил губу, – я могу дожить до старости без особых проблем, но и с той же вероятностью могу лишиться правой руки через две недели?

– Ты – умный мальчик, – кивнула реаниматор. – Именно. Но ближайшие две недели для тебя будут хорошими.

Сердце ёкнуло и на мгновение остановилось. Страх, достигнув пика, парализовал. Осознание трагедии ещё не пришло, но догадки, которые открылись, уже показывали ситуацию с неприглядной стороны.

– Вряд ли, – произнёс Нери, сдерживая дрожь, – подобные известия не оставляют надежды.

Реаниматор опустила глаза и расправила складки на костюме. Удовольствия ей ситуация явно не доставляла.

– С согласия главного городского реаниматора, тебе был введён мощнейший индуктор ремиссии, – реаниматор снова подняла голову. – В ближайшие четырнадцать дней, или чуть дольше, проявления заболевания будут минимальными. Но учти: это благополучие мнимое.

Потом болезнь вернётся. Это окно даётся тебе и твоему нейрореаниматору, чтобы подобрать подходящий препарат. Возможно, понадобится вживление электрода с дистанционным управлением...

Нери резко сел, и от непереносимо-белого цвета зарябило в глазах.

– Только не это! Становиться наполовину роботом... – презрительно фыркнул он. – Эта операция ещё и стоит больше, чем всё имущество моей семьи!

Он махнул рукой, прервав гневную тираду. Диалог был бесполезен, да и он не был прав. Силы слишком быстро его покинули. Должно быть, последствия наркоза.

– И волосы сбреют до кучи, – не без удовольствия подхватила Миа. Она по-прежнему сидела на кушетке за спиной Нери, по-детски болтая ногами. – Ты разве не знал: все реаниматоры в сговоре с правительством. Даже самый молодой из них – коновал и убийца. Лучше уж ходить без руки, но не иметь с ними никаких дел.

Нери снисходительно улыбнулся девчонке, однако руки предательски задрожали.

– Я отказываюсь от наблюдения, – выдавил он с вызовом. – Разрешите мне подписать отказ.

– Нери, – реаниматор побледнела, – может...

Гудение раздвигающихся перегородок отсека прервало диалог на напряжённой ноте. В помещение всунулась черноволосая девичья голова.

– Реа Анастасия 7609, прибыла новая карета, – проверещала она. – Вас ждут в приёмном покое.

– Всего хорошего, Нери, – реаниматор виновато улыбнулась. – Я переслала рекомендации реаниматору территориальной службы, завтра он свяжется с тобой и твоей мамой и объяснит то, что я не успела. И запишет к нейрореаниматору на ближайшее время. Надеюсь, ты хорошо осознаёшь свои действия.

Реаниматор спешно удалилась. Нери не попрощался. Опустив голову, он рассматривал кончики пальцев. Сомнение и испуг разъедали изнутри. Впервые в жизни он не знал, куда идти дальше.

– Вот и славно! – проворчал он, когда шаги стихли.

– Ты, оказывается, нервный, – вздохнула Миа за спиной.

И здесь точку преткновения нашла, языкастая! Да какое она имеет право совать любопытный нос туда, где её не ждут?!

– Тебе легко рассуждать! – он, стиснув зубы, покосился на девчонку.

– Откуда ты знаешь, легко мне или сложно? – Миа спрыгнула с кушетки, заставив шаткую конструкцию задрожать. – Может, мне куда хуже, чем тебе?

– Заметно, – пробурчал Нери. – Уверен, что самая большая проблема в твоей жизни – нехватка талонов на обед.

Тяжёлая тень скользнула по лицу Мии, на миг изменив его до неузнаваемости. Нери готов был поклясться, что в глазах её сверкнула животная жажда крови, и уже готов был дать дёру, прикрывшись простынёй. Но через мгновение луч света озарил её матовую бледную кожу с россыпью веснушек, прогнав иллюзию.

– А в твоей, в таком случае – нехватка чувства юмора, – подытожила Миа.

– Что вьёшься вокруг? – продолжал Нери с долей осуждения. – Никогда не видела парня без одежды?

– Это моё задание, – усмехнулась Миа. – Наблюдать за тобой и твоим состоянием. Вдруг упадёшь?

Миа обошла кушетку и, остановившись напротив Нери, оскалилась ему в лицо. Тугие светлые косы взметнулись и резко упали, хлопнув её по плечам.

– Будь уверена, выстою, – выцедил Нери. – Где моя одежда?

– Там, – Миа показала на небольшой отсек, отрезанный дверью-купе из матового стекла.
– Все твои вещи в целостности и сохранности, включая верхнюю одежду.

Нери потянул белоснежный лоскут простыни на себя, пытаясь защититься от любопытных взглядов.

– Может, отвернёшься хотя бы? – буркнул он, благодаря судьбу за то, что его хотя бы не лишили нижнего белья.

Губы Мии растянулись в хитрой ухмылке. На пухлых щеках отпечатались ямочки.

– Я субреа, а не женщина, – коварно подмигнула она, – и по анатомии у меня 98 баллов.

– Но, тем не менее, я имею законное право на уединение, – Нери наморщил лоб.

– Тоже мне, барышня кисельная, – фыркнула Миа, демонстративно отворачиваясь к столу.

Пользуясь моментом, Нери спустил босые ноги с кушетки.

– Кисейная, – поправил он, стрелой рванув за дверь.

Неяркий свет озарил пространство раздевалки, отразился от кафельных стен и заплясал дрожащими линиями в глубине зеркала. Все вещи Нери – даже сменные – были заботливо упрятаны в цветные пластиковые чехлы и подвешены за плечики. Хорош сервис, ничего не скажешь! Нери стянул с вешалки толстовку. Хлопковая горловина опоясала шею. Глаза встретили в зеркале совершенно чужую физиономию: заспанную и всклокоченную, с растрёпанными волосами. Презрительно фыркнув, Нери извлёк из сумки расчёску.

– Эй, ты жив там? – за стеклянной преградой возник силуэт Мии. Судя по контурам, она уже успела переодеться. – Может, помочь?

– Нет, я умер, – проголосил Нери, заправляя пряди в низкий хвост. – Помогать поздно. А если серьёзно, шла бы ты домой. Я справлюсь и выход найду сам.

– Нери, – Миа царапнула стекло, – за мной должок, помнишь?

Должок? Какой такой должок? Действительно, электронный талон на свободный рацион – недешёвое удовольствие. Но разве он не может заплатить за девушку, оказавшуюся в трудной ситуации?

– Забудь, – отрезал Нери, глядя на обновлённое отражение. Наконец-то похож на нормальную человеческую особь.

– Это нечестно, – проямлила Миа. Тёмный силуэт недовольно подбоченился. – Мне не нужно чужого. Может, перекину на твой чип по коду...

– Нет! – отрезал Нери. Ещё не хватало, чтоб она узнала его цифровой код!

– Ну ладно. Тогда дойдём до трансфера? Тут недалеко, прямо за площадью. Как раз по пути к башне-посадке, если ты едешь монорельсом.

Нери подмигнул своему отражению и попытался натянуть улыбку. Выражение лица получилось усталым и вымученным.

– Я должен спешить, – попытался отмахнуться он. – Моя мать, наверное, места себе не находит.

Под ложечкой закололо уже на последних нотах фразы. Как же хотелось, чтобы эти слова были правдой!

– Мы связались с ней, – сообщила Миа. – Она в курсе, что ты вернёшься позже, чем обычно. Кстати, твоя мать действительно очень волновалась за тебя. Но почему-то заявила, что приехать за тобой не сможет. Странно.

– Конечно, не сможет, – Нери равнодушно пожал плечами. Ничего удивительного: Венену матери сегодня оставить не на кого. Да даже если бы сиделка не заболела и пришла, она вряд ли обеспокоилась бы его проблемами. – Я так и знал.

– Ну так, – голос Мии снова задрожал, – разрешишь вернуть тебе долг?

Нери замялся: отпираться дальше было сложно. Девчонка была назойливой, как будильник, но обижать её не хотелось.

Вернулось стойкое чувство, будто их что-то связывает. Но что?

– Если настаиваешь, – сдался Нери. – Только быстро.

– Я подожду тебя у центрального входа, – сообщила Миа. – Поторопись.

Нери бросил гневный взгляд в зеркало. Вот, значит, как! Он тут думает, как бы её не расстроить ненароком, а она ещё и имеет дерзость распорядиться его временем!

Силуэт растворился в центре светящегося квадрата, превратившись в серое пятно. Нери с облегчением услышал отдаляющиеся шаги. У него оставалось несколько минут для того, чтобы привести себя в порядок.

2

Растрескавшиеся ступени лестницы бежали вниз сквозь тьму. Жёлто-оранжевый луч дрожал и трепетал, едва озаряя ветхое помещение. В воздухе царил удушающий запах каменной пыли, плесени и крысиной мочи.

Неприятный треск прорезал тишину. С потолка посыпался град острых камушков. Шурша и цокая, они разлетелись по ступеням. Кантана поёжилась: каждый шаг таил перспективу свободного падения сквозь этажи.

– Здесь становится всё опаснее, – будто бы прочитав её мысли, констатировала Тилен. Горящая свеча задрожала в её ладони. – Эти стены того и гляди обрушатся.

– Оно и лучше, – Кантана приподняла бровь, – значит, никто к нам не сунется.

Тилен вздохнула. Чувствовалось, что ей не доставляет удовольствия этот разговор.

– А о том, что в один прекрасный день эти обломки похоронят тебя, ты подумала? – с укором проговорила она. – Возможно, даже сегодня...

– Может, да. А может, и нет, – улыбнулась Кантана, опуская ногу на следующую ступень.

– А, может, даже нас вместе. Хватит уже. О смерти я подумаю потом.

Что-то заворчалось в густой темноте. Послышался едва уловимый топот крошечных лап по камню. Голый хвост змейкой прополз по носку Кантаны, спрятав острый кончик в темноте.

– Бессамори, дальновидности тебе не занимать, – выговорила Тилен, сглотнув. – Не отделяешь зёрна от плевел. Тебя учить и учить...

Кантана шумно перевела дыхание. Замечания Тилен раздражали.

– Мне тоже есть, чему научить тебя, – она ехидно улыбнулась. – Не находишь?

Они перешагнули последнюю ступеньку, превратившуюся от сырости в грязную россыпь камней, и вышли на площадку между этажами. Глубокие радиальные трещины разрезали некогда белую облицовку. По стенам спускались до самого пола грязные нити паутины. Кое-где сквозь пласты цемента прорастала жёсткая щётка лишайника.

– Того и гляди обвалится, – Тилен ухмыльнулась.

– Что-то ты разнылась, – Кантана подошла к массивной двери, которую перегораживал деревянный брус засова, – случилось что? Или вести кровной связи?

Тилен, сжав губы, замотала головой.

– Я тоже имею право на плохое настроение, – выцедила она. – Сама-то как перепугалась, когда протуберанец вылез!

– Помоги мне лучше, – Кантана указала на импровизированный засов. – Одной мне не справиться.

Ухватившись за брус с обоих концов, девушки сняли его с металлических петель. Рассыревшие двери заскрежетали и разъехались в стороны. Из зазора потянулся запах книжной пыли и подгнивших досок. Кантана громко чихнула.

– Стражи снова были здесь, – констатировала она, откашлявшись.

– Откуда знаешь? – Тилен взволнованно посмотрела на подругу.

– Чужой запах, – пояснила Кантана. – Разве не чувствуешь? Сюда вторгнулся мужчина. И, кажется, это снова был Азаэль.

Тилен рассерженно фыркнула, одёрнув юбку:

– Он рядом, куда бы мы ни пошли! Как ещё в твоё грязное бельё не залез до сих пор?! Не находишь это странным?

– Нет, – Кантана кокетливо хихикнула, – парни всегда крутятся там, где красивые девушки. Это инстинкт.

– Самомнение у тебя в полном порядке.

Кантана и Тилен, подобрав юбки, перешагнули порог. Затхлое помещение расчерчивали полосами книжные стеллажи. С противоположной стены смотрели тёмные глаза окон. Возмездие навек погасило свет в них: теперь за преградой мутного стекла виднелись лишь глухие земляные завалы.

– Нужно зажечь побольше свечей, – проговорила Кантана, направляясь к покосившемуся стеллажу в центре зала. Паутина с комьями пыли свешивалась так низко, что почти касалась её волос, – чтобы крыс отпугнуть.

– Да уж, – проговорила Тилен, сосредоточенно почёсывая кончик носа. – Скорее, они нас отпугнут...

– Боишься?!

Кантана хохотнула и присела у стеллажа. Дубовые полки оскалились в лицо зубами вымокших книг. Рука нырнула меж томов и извлекла свёрток со свечами.

– Расставь их в центре зала по кругу, – Кантана торопливо складывала реквизиты в тайник, – сейчас начнём.

3

– Так значит, ты субреа? – Нери фыркнул. – А что тогда в нашей столовой делаешь каждый день?

Они спускались по эскалатору лечебницы к яблоневому саду, огороженному старомодным кованым забором. Осенний день сходил на нет, агонизируя залпами у горизонта. Небо приобрело глубокий фиолетовый отлив.

– Отец достаёт мне талоны на месяц, – Миа пожалла плечом и улыбнулась. – Ему несложно. Аарон регулярно чинит в его мастерской капсулу. Товарно-финансовые отношения как они есть.

– Твой отец – капсульный механик? – уточнил Нери просто для того, чтобы хоть что-нибудь спросить.

– Обижаешь, – фыркнула Миа, поправляя капюшон. – Он владелец одной из лучших мастерских в городе.

Вечер зажигал светлячки фонарей в древесных кронах. Сумрак полз по ковру прелых листьев, наполняя воздух синевой. Невыносимо пахло свежестью.

– Странная ты, – Нери кашлянул в ладонь, – с такими предками пойти на столь неблагодарную работу. Призвание?

Лёгкий ветерок растрепал чёлку Мии, и она пригладила непослушный локон. Два разноцветных глаза с вызовом посмотрели на Нери. Веко задёргалось. Словно Нери мог затронуть запретную тему.

– Родители так захотели, – Миа пожалла плечом.

Нери поймал бегающий, чуть насмешливый взгляд. Так не смотрят на случайных знакомых! И его пальцы задрожали то ли от холода, то ли от волнения.

– А сама ты чего хотела? – подал он голос. – Если абстрагироваться от желаний родителей...

Миа нервно облизала губы. От добродушной улыбки не осталось и тени.

– Не жульничай! – она топнула ногой. – Три вопроса заданы! Моя очередь!

Нери ухмыльнулся в ответ, пытаясь разрядить обстановку.

– Ты сама затеяла эту игру, чтобы не идти молча, – непонимающе произнёс он, – а теперь ещё чем-то недовольна. Валяй, задавай свои вопросы, любопытная женская особь.

Ограда сада примыкала к главной городской площади. До слуха долетали радостные вопли горожан и отголоски музыки: видно, опять праздник развернули. Субтотальный мораторий на алкоголь имеет существенные недостатки. Теперь им только повод дай!

Миа задумчиво вскинула голову в темнеющее небо. Тугие плети кос хлопнули её по спине.

– Какова самая высокая степень публичной провинности, которую ты совершал?

– Вторая, – растерявшись, ответил Нери, – но завтра, возможно, дослужусь до первой, ибо мне хотят впаять порчу чужого имущества.

Центральный вход лечебницы остался позади. От последней ступеньки эскалатора бежала широкая дорожка, вымощенная мраморной плиткой. Путь обрамляли раскидистые яблони с облупившейся корой, местами поросшей дымкой мха.

– Вряд ли, завтра ведь выходной, – Миа коварно заулыбалась. Кружевные тени плясали по её щекам. – Продолжим! Второй вопрос. Кто в твоей семье с полонкой?

Дрожь пробрала Нери до костей. Хоть он и понимал, что скрыть татуировку, находясь в лечебнице, практически невозможно, внутри ещё теплилась надежда. Однако она всё-таки осмелилась бросить ему в лицо дерзкий вопрос. Это даже не хамство. Это – грязный удар наотмашь, обжигающая пощёчина. Обескураживающая атака в лоб, которую остаётся только смиренно принять.

– Сестра, – пролепетал Нери, почесав кончик носа. Теперь ещё один человек знает его маленькую тайну.

– У тебя есть сестра?!

– Даже двойняшка, – Нери сделал вид, словно тема диалога его ничуть не напрягает. – За тобой последний вопрос.

– Ты сейчас... – сбивчиво проговорила Миа. Голос её задрожал, сорвавшись в хрип.

– Что я сейчас? – не понял Нери.

Миа молчала. Фонари ласкали дрожащими бликами её лицо, внезапно потерявшее искорку задора.

Нери отвернулся, стараясь скрыть ироничные смешки. Игра Мии, несмотря на жестокость, забавляла. Он даже начал понимать, что хочет от него эта чудная девчонка. Квинтэссенция трагикомедии: Миа попала в собственную ловушку! До чего же непредусмотрительно.

– Нери, – голос Мии снова зазвенел колокольчиком в тиши.

– Да?

– Ты сейчас в отношениях? – Миа приподняла бровь.

Изумление парализовало. Для чего она это спросила?

Полная луна взошла над городом. Печальный лик ночного светила, похожий на незрелый апельсин, поплыл над деревьями. Зелёный глаз Фаты мелькнул сквозь завесу туч и яблоком повис на голой ветке.

Городские жители суетились за забором. «Перелом уничтожил всё, но именно благодаря трагическим событиям мы поняли, как сильны вместе!» – долетело до слуха. Как он мог забыть: сегодня же Дата Великого Перелома. Неоднозначный праздник, который не принято справлять с подобным размахом. Разве что, радикалы буянят, а правительство закрывает на это глаза.

Нери одарил Мию задумчивым взглядом. Девчонка, видимо, избавившись от смущения, улыбнулась ему в ответ. Ни к чему задавать риторические вопросы, пытаясь кого-то оправдать: он уже знал, чего она добивается. Интересно, чем он её спровоцировал? Неужели полусонной болтовнёй о столовской романтике? Миа не глупая, но до какой же степени наивная!

– Нет, я уже не в отношениях, – сказал он сухо.

– Уже? – переспросила Миа.

Ну вот! Подкинул Мии наживку. Да, уже. Этому неоднозначному «уже» две недели. Дата совершеннолетия Нери ознаменовала его возникновение. Тот самый заветный день, когда поцелуй в губы у непомолвленных переходит из первой степени публичной провинности во вторую.

– Это четвёртый вопрос, – Нери застегнул ветровку, спасаясь от вечерней прохлады. В голове звенело. – Отвечать на него я не обязан.

– И всё же?

Нери промолчал, не найдя подходящих слов для ответа. Он не хотел ни разборок, ни выяснения отношений. Ещё меньше хотелось потакать романтическим фантазиям Мии и обнадеживать её. Единственная мечта согревала сердце: побыстрее добраться до трансфера, доехать до башни, ворваться в шелтер, упасть на лежак и наверстать упущенные трое суток сна. И даже она казалась далёкой и недостижимой, как полярная звезда.

– И всё же... – повторила Миа разочарованно.

– И всё же, давай поторопимся, – Нери раздражённо толкнул старую калитку.

Путь перегородила каменистая лента тротуара, обрамлённая сухой полосой газона. Дальше по курсу простиралась площадь, сверкающая пятнами разноцветных огней. Грохот петард и надрывные аккорды музыки лились по улицам. Праздник был в самом разгаре.

4

Кантана стояла посреди библиотеки, напряжённо разминая руки. Свечи вокруг хищно распускали языки пламени. Напряжение витало в холодном воздухе зала. Казалось, что над головой вот-вот разразится гром.

– На какую часть мира ты хочешь посмотреть сегодня, Тилен? – проговорила Кантана, высматривая в полумраке фигуру подруги.

– Я выбираю пропасть, – Тилен обошла магический круг. – Мне интересно, в каких условиях живёт мой отец и ему подобные.

– Пропать была в прошлый раз, – Кантана нахмурилась. – Придумай что-нибудь поинтереснее.

Неумолимый холод межсезонья уже успел проморозить стены и наполнить спёртый воздух. Кожа в этом ледяном аду покрывалась мурашками, пальцы теряли чувствительность.

Тилен подняла на Кантану обиженный влажный взгляд.

– Вот сама и придумывай, если не одобряешь, – она сморщилась и наглухо запахнула тёплую накидку.

– Первый Холм, – произнесла Кантана, потирая ладони.

Тилен вздрогнула, словно от внезапного удара; рот её приоткрылся. Белый пар сорвался с губ и облачком устремился ввысь.

– С ума сошла?! Ты хоть понимаешь, что может им в голову взбрести, если они вдруг узнают?! Вот пойдут на нас войной...

– А что не так? – Кантана развела руки в стороны. – Если портал заметят, они поймут, что мы сильнее. И что не стоит лезть туда, куда не нужно.

– Ты не знаешь, какие у них возможности! – выкрикнула Тилен. – Говорят, они почти полностью восстановились после Возмездия! Давай хотя бы Третий Холм выберем, если хочешь острых ощущений.

– Говорят, что кур доят! Первый, я сказала, – Кантана потянулась на носочках и подмигнула подруге. Бесцветные искры засеребрились над раскрытыми ладонями. Огоньки, переливаясь, затанцевали, формируя прозрачную сферу. – А коли хочешь на Пропать посмотреть, это всегда можно устроить. Тебе там будут рады.

– Как и тебе, впрочем! Хотя бы у тебя ничего не вышло! – Тилен показала Кантане язык. – Зачем так рисковать?

– Затем, что я так решила, – подытожила Кантана, махнув рукой. – Разворачиваться на полпути – не в принципах Кантаны Бессамори.

– Знаю, знаю, – с издёвкой изрекла Тилен, – в её принципах – стремглав нестись в никуда. По огню, на копыта и пики.

Кантана, рассерженно фыркнув, соединила ладони. Губы произнесли заклинание. Белый шар завибрировал между пальцами, раскидывая мириады накалённых искр.

– Когда я вижу, что Покровители не забыли обо мне, я чувствую себя всемогущей, – прошептала она. – И почему я не могу рассказать об этом всем?

– Смотри не лопни от бахвальства, – буркнула Тилен.

Кантана медленно развела руки, растянув между ладонями энергетическую гирлянду. Меж созвездий белёсых бликов проступили, яростно шипя, ярко-фиолетовые сгустки. Сразу захотелось улыбнуться. Нет – засмеяться! Громко и отчаянно!

– Усиливай меня! – приказала она командным тоном. Кончики пальцев трепетали от нетерпения.

Тилен опустила руки. Умоляющий взгляд вырвался из-под ресниц.

– Ещё пару минут. Полыхнёт ведь! Ты должна быть осторожной.

– Нет, я уже хорошо чувствую связь, – возразила Кантана, – усиливай!

Неуверенно пожав плечами, Тилен подняла над головой сомкнутые руки и пробормотала что-то под нос. Яркий золотистый шар загорелся в её ладонях, распространяя огненное сияние.

Тело Кантаны окутало мягкое золотистое облако. В ладонях в мгновение ока вырос шипящий сгусток материи. Проболтавшись в воздухе пару секунд, он разразился негодующим треском и сошёл в одной точке, став нитью белого дыма. Громкий хлопок пронёсся по залу, и эхо с издёвкой подхватило звук. Воздух содрогнулся.

Кантана втянула голову в плечи. Поймав ликующий взор Тилен, поспешила натянуть самодовольную усмешку. Признавать слабость и личные промахи она не желала, да и не умела.

– Знать бы, где упадёшь, – усмехнулась она, нащупав языком небольшой зазор между передними зубами.

– Говорила же тебе. Покровители предупреждают, чтобы ты туда не совалась. Давай выберем что-то другое, прошу...

– Так предлагай, – решимость распирала грудь. – Ты даже выбрать из множества доступных вариантов не смогла ничего, кроме Пропasti. Поэтому теперь решаю я.

Монотонные слова заклинания заскользили по воздуху, скручиваясь воронкой. Фиолетовый шар, ворча, как рассерженный кот, завибрировал в ладонях.

– Усиливай, – уверенно шепнула она, посмотрев на Тилен.

5

Площадь, кишущая людьми, казалась живой и походила на бушующее море. Свет, люющийся цветными пучками на толпу, вычерчивал рисунки на тротуаре. Воздух вздрагивал от тяжёлых битов музыки. Пахло румяным соевым шашлыком, жареным луком, уксусом и мальтозной ватой.

Нери и Миа торпедами ворвались в толпу. Судя по осязатому запаху алкоголя, власти всё-таки сняли мораторий на время праздника.

– Куда теперь? – спросил Нери, едва перекрикивая какофонию.

Миа огляделась, чуть сощурилась. – Трансфер там, – она показала на башню-посадку, маяком торчащую в небо. – Надо пробираться.

Силуэты горожан слились в живую стену. Нери закатил глаза. У него на вечер были совсем другие планы, и пробежки сквозь толпу вместе со странной приставучей девчонкой в них не входили.

– Вот зачем?! – возмущённо выкрикнул он. Кислотно-зелёный луч подсветки с размаху ударил по глазам, вынудив крепко зажмуриться. – Зачем тебе это было нужно?! Я не подписывался на такие злоключения! Могла бы и принять скромный подарок в виде одного талона!

– Мог бы и продиктовать свой код! – прокричала Миа в самое ухо. – Всё должно быть справедливо! Я не отстану от тебя, пока не верну этот чёртов талон!

Толпа сомкнулась вокруг живым кольцом. Нери с непонятым удивлением ощутил, что Миа прижалась к его животу. Опустив взгляд, он поймал виноватую улыбку. Веснушчатые щёки полыхали. «Я ничего не могу сделать» – говорило её лицо.

– Пойдём, – Нери схватил её за рукав и потащил сквозь толпу туда, где, сияя цветными отблесками, красовалась зеркальная стена башни.

– Нери, ты что?! – загорланила Миа.

В затылке завибрировала давящая боль. Похмельная тошнота снова подкатила к горлу, но сейчас Нери был даже рад этому. Если прижмёт, можно будет с чувством глубокого удовлетворения опорожнить желудок на ботинки породивших весь этот хаос.

– Нери, не тяни так сильно, рукав оторвётся, – Миа обхватила вспотевшей ладошкой его пальцы. – Так будет лучше.

Нери ошарашенно посмотрел на Мию. Неужели перешла в лобовую атаку? За руки в Иммортеле позволяли держаться лишь влюблённым и родственникам: в остальных случаях, этот жест – проявление дурного тона.

– Миа? – с осуждением произнёс он, надеясь, что она осознает оплошность.

– Что?

– Миа... – повторил Нери уже рассерженно и приподнял руку.

– Это, – Миа замялась, густо покраснев, – это ничего не значит, Нери. Просто для того, чтобы не испортить пальто. И чтобы в толпе не потеряться. Не думай, что я намёки делаю.

Нери поджал губы. Ну как же! Сначала спрашивает, в отношениях ли он, потом берёт за руку на глазах у всех...

Треск допотопного микрофона рассёк воздух над головой.

– Мало кому известно то, что в допереломной стране велись исследования по изучению перемещений во времени, – прогремел мужской голос. – Это проходило под грифом строжайшей секретности. Но до нас сохранилась установка первой в истории машины пространственно-временной трансформации, и она перед вами, друзья!

Громкие аплодисменты вперемешку со свистом взвились в тёмное небо. Нери осторожно выглянул из-за плеча стоящего вплотную мужчины. На свободном пространстве в паре метров впереди, гид, весь сияющий от голопайеток, демонстрировал странный металлический короб. Устройство напоминало платяной шкаф. Ничего необычного, если не считать ряда цветных кнопок и нескольких дисплеев на передней панели.

– К сожалению, установку так и не удалось привести в действие, – прокаркал гид в воздух. – Пространство и время пока неподвластны человеческому разуму. В чём вы сейчас и убедитесь.

– Пойдём, – пренебрежительно фыркнул Нери, потянув Мию за собой.

– Пре-имаго в фиолетовом пальто! – прокричал голос. Свист и треск допотопной акустики вобрал в себя интонации гида. – Вот эта очаровательная женская особь!

– Это я, что ли, очаровательная? – Миа остановилась, озираясь.

– Да, Вы. Вы! – лихо отчеканил голос.

Прежде, чем Нери успел среагировать, мужчина подлетел к ним и, по-джентельменски поддерживая Мию за локоть, повёл к установке. Она даже не сопротивлялась.

– Пойдите! – крикнул Нери, уже осознанно хватая Мию за руку. – Оставьте девушку в покое!

– Ваш избранник тоже может в этом поучаствовать! – заголосил гид, вытаскивая Нери на островок свободного пространства.

М-да. Хуже и не придумать. Тысячи глаз нацелились на них. Полупьяные усмешки копьями летели вслед. Люди торопливо доставали мультикоммуникаторы, включая видеоголографический режим...

Сопротивляться было поздно. Любая агрессия могла вызвать цепную реакцию. Нери отдавал себе отчёт в том, что массовая драка на празднике – не лучший вариант.

Миа крепко сжала его ладонь.

– Нужно просто перетерпеть, – проговорил он едва слышно. – Это не отнимет много времени. Веди себя естественно.

Вечерняя мгла раскатилась по небу, выпустив россыпи звёзд. Полная луна, повисшая над площадью, налилась золотистым мёдом.

– Прошу вас! – ведущий нажал кнопку на передней панели странного короба. Крышка, наклонившись, отъехала; центр её прогнулся, формируя ступени. Внутри прорезались две ячейки в форме человеческих тел.

В глазах Мии плескался страх. Нери сдержанно кивнул и стиснул её пальцы. Затея не вызвала у него восторга: скорее, недоумение. Но убежать было поздно.

Поднимаясь внутрь установки, Нери пожалел о том, что не начал выкаблучиваться и не спровоцировал массовый беспорядок. Тёмное пространство походило на разверзнутую пасть кровожадного монстра. Казалось, что из недр короба вот-вот выскочат скользкие щупальца. К горлу подкатил страх, оставшись на языке кисло-сладким послевкусием. Нери окончательно раскаялся в собственной решимости, когда две вульгарно разодетые девушки принялись фиксировать его тело в коробе мягкими ремнями. Справа от него помощница ведущего подгоняла ячейку под рост Мии. Юная субреа широко улыбалась, маскируя панику, однако выглядела жалко.

– Не тряситесь так, – почувствовав его волнение, проговорила одна из помощниц. На Нери накатила мягкий аромат фруктовой жвачки. – Он всего лишь продемонстрирует на вас принцип работы устройства. Можете не переживать: установку так и не довели до рабочего состояния. Это – простой металлический ящик.

Руки девушки сомкнули металлическую пряжку ремня.

Грубое гудение наполнило короб, с вибрацией отразившись от металлических стенок. Крышка поехала на своё законное место, загораживая обзор. Но темнота не пугала: куда комфортнее быть отрезанным от любопытных взглядов. Пусть даже это похоже на погребение заживо.

– Когда они отпустят нас? – пробормотала Миа. Голос её в замкнутом пространстве казался глухим.

– Через минуту-другую, полагаю, – ответил Нери. – Не собираются же они нас тут зажать на глазах у всех. Мы просто оказались не в том месте и не в то время, не более того. Нам точно не причинят вреда.

6

– Превосходно, – подытожила Кантана, растягивая между ладонями шипящий фиолетовый сгусток. – Мыслеобраз сработал. Так я себе это и представляла.

Языки серебристо-фиолетового пламени расползлись по воздуху, вырезав в пространстве идеальный шар. В центре, как в зеркале, проступило изображение. Чёткие силуэты людей на освещённой площади; огромные здания за их спинами, так не похожие на домики Девятого Холма, звёздные просторы ночного неба.

– Почтенные Покровители, точно ведь на Первый Холм попали! – Тилен взглядела в живую картинку. – Сколько народу! Сейчас заметят!

Холодок пробежал по спине Кантаны, покрыв кожу мурашками. Попадание в людное место не сулило ничего хорошего. Снова и снова она вглядывалась в картинку в дрожащем озере энергии, и с каждой новой попыткой разобраться её ужас нарастал. Большой оплошности и произойти не могло!

– Да уж, попали так попали, – нервно хихикнула она. – Посмотри: все смотрят на нас. Мы их взбудоражили.

Брови Тилен взметнулись вверх, сморщив кожу на лбу. Глаза расширились. Она решительно переступила магический круг и схватила Кантану за руки.

– Закрывай немедленно, – цыкнула она. – Надеюсь, ты понимаешь, что мы можем крупно влипнуть да и весь Девятый Холм под огонь подвести?

Кантана нехотя кивнула. На этот раз она потерпела поражение. Бессмысленно отрицать правоту Тилен: всё очевидно. Оставалось горько ухмыльнуться самой себе: вот что значит победитель по жизни! То Покровители молчат в ответ на заклинания, то протуберанцы сами собой за спиной возникают. А если уж всё прошло гладко, то жди, что по ту сторону портала покажется самое неожиданное место! И угораздило же попасть в самую гущу столпотворения! Такое количество свидетелей – смертный приговор для всего города.

Кантана сделала шаг назад и звонко хлопнула в ладоши. Белёная вспышка взметнулась вверх, увлекая за собой хвост искорок.

– Обрываю нити, – произнесла Кантана, глядя в вибрирующую бездну. – Закрываю врата.

Языки фиолетового пламени ответили ослепительным всполохом. Недовольное шипение переросло в пронзительный скрежет. Кантана прикрыла глаза.

– Да что ты творишь-то! – Тилен оттянула ворот её платья. – Тебе что, мало? Они не простят тебе этого, и придут за всеми нами!

– Что? – переспросила Кантана, выглядывая из-за растопыренных пальцев, – Что ты де...

Сумасшедший крик вырвался из горла. Врезался в стены: даже книги на полках вздрогнули. В голове нарастал пронзительный звон. Задыхаясь от бессилия, Кантана оглядела зал.

Портал, как назло, не закрылся. Напротив: огненные границы продолжали расползаться, открывая всё новые и новые уголки потустороннего мира. Только если раньше Кантана не была уверена в том, что люди по ту сторону заметили что-то неладное, теперь сомнений не оставалось. Люди показывали на них пальцами, хор голосов выкрикивал бессвязные фразы.

Пограничная линия подползала ближе, слизывая фиолетовыми язычками новые и новые участки библиотеки. Чужой, враждебный мир неумолимо надвигался. Он раскрыл колкие объятия, приглашая ступить за запретный рубеж, слиться с толпой, потеряться в глубине незнакомых улиц.

Удушье сковало грудь, остановив дыхание. Контуры предметов потеряли чёткость, поплыли, как акварельная краска от воды. Кантана неловко вытянула руку, коснувшись дребезжащей глади магического зеркала...

– Я иду, – прошептали губы. Треск пламени поглотил шёпот, превратив его в едва ощутимое колебание воздуха.

Подлетевшая на всех парах Тилен с силой потянула её за юбку, опрокидывая на пол:

– С ума сошла? Он же поглотит тебя!

– Поглотит? – бессвязно пробормотала Кантана. – Меня? Кто поглотит?

На Тилен смотрели пустые, безумные глаза.

Кое-как оттащив Кантану за ближайший стеллаж, Тилен усадила её на пыльный пол и потрясла за воротник, пытаясь привести в чувство.

– Кантана! Ты слышишь меня?

– Я иду... – простонала Кантана, закатив глаза.

Вспышка ярости озарила лицо Тилен, сведя брови к переносице. Замахнувшись, она отвесила подруге оплеуху. Голова Кантаны дёрнулась; глаза распахнулись, обнаружив чёрные вишни радужек.

– Ты что дерёшься?! – взвыла она.

– Ты чуть не прыгнула в портал! – закричала Тилен в ответ. Слёзы отчаяния бежали по её щекам. – Я должна была тебя отпустить?!

– Он закрылся?! – дыхание Кантаны участилось.

Тилен мотнула головой. Щёки её покрылись красными пятнами.

Кантана осторожно выглянула из-за стеллажа. Сухой запах книжной пыли ударил в нос, заставив громко чихнуть.

Фиолетовое сияние переросло в ослепительный пожар, и разглядеть что-то за дикими вспышками не представлялось возможным. Оглушительный треск лился во все стороны, поглощая звуки.

– Закрывай! – проорала Тилен в ухо подруге.

Придерживая подол, Кантана встала на ноги. Уверенно посмотрев в расплзающуюся дыру, она хлопнула в ладоши.

– Обрываю нити! – провозгласила она.

Пламя зафырчало, подобно накалённому докрасна металлу под потоками воды. Портал выпустил под потолок ленты белого дыма. Разрыв между мирами стремительно сокращался, возвращая библиотеке целостность.

– Благодарю, Почтенные Покровители, – с облегчением прошептала Кантана. – Удалось!

Тилен с осуждением посмотрела на подругу. По её напряжённой шее бежали капельки пота. Руки сжались в кулаки.

– Всё равно уже поздно, – проворчала она. – Ты принесла на Девятый Холм беду, Кантана Бессамори.

7

– Что это такое, замкни мои проводники?! – взвизгнула Миа сдавленно. – Справа, внизу. Нери, посмотри!

Нери с трудом опустил глаза. Ноги перехватил по бёдрам шемящий спазм судороги. Двигаться, будучи прикованным к фиксирующей ячейке, было невозможно.

Прямо под ногами Мии разгоралось, взметая пронзительно-яркие языки, фиолетово-серебристое пламя. Сияние не отбрасывало бликов: казалось, оно подчиняется иным законам. Тем, что не изучают на лекциях по физике твёрдых тел.

– Видишь? – спросила Миа.

– Вижу, – произнёс Нери в ответ. – Наверное, так и должно быть.

Хотя в том, что эта оптическая иллюзия – часть демонстрации, он уверен не был. Ни на йоту.

Между тем, глаза не желали отпустить разгорающееся сияние. Было в этих кислотных переливах что-то гипнотическое. И...

И до боли знакомое.

То, что нельзя вспоминать...

Память воскресила перед глазами оставленную в прошлом картинку. Ту, что уже не вызывала страха; ту самую, что приравнялась к последствиям бессонных ночей. Фиолетовое сияние, недры мраморного зала, открытое пламя в канделябрах витиеватой люстры, фрески и, как финальный аккорд, Венена. Другая Венена.

– Миа, – процедил Нери. – Только не нервничай. Это – не часть представления. Я боюсь, что...

В следующее мгновение фиолетовая вспышка расплзлась по коробу, поглотив их тела с головой. Шипение и треск оглушили, наполнив голову звоном на высоких частотах. Вла-

леке раздался пронзительный визг Мии. Удивительная смесь страха и экстаза пресытила. Нери терял связь с реальностью: происки воображения освободили из хватки ремней его руки и ноги, открыв простор свободным движениям.

Мозг Нери наполовину отключился. Он уже не спрашивал себя, что происходит, не пытался найти объяснения. Лишь полностью погрузился в совершенную иллюзию, оставив позади рациональную часть себя. Ослепляющий поток нёс его в неизвестном направлении, наполняя радостью полёта.

Попытался поднести ладони к лицу – звенящая пустота дрогнула перед взором. Он находился в невесомости, в абсолютном вакууме. Как будто бы и тела у него не было.

«Я это или не я?»

А потом полёт перешёл в стремительное падение.

8

Пламя с ускорением побежало к центру портала, поглощая сгустки материи. Кантана заткнула уши и зажмурилась, ожидая взрыва. Едва опустила голову в попытке защитить зрение, воздух неистово сотрясся, опрокинув на пол. Следом прозвучал ещё один шлепок: наверное, Тилен тоже не устояла на ногах.

Нос уловил знакомый запах свежести, и Кантана поняла: всё кончено. Граница затёрта, врата захлопнулись. Можно расслабиться и отдышаться. Сердце медленно возвращало свой бег к привычному темпу.

Разлепила глаза. Стеллажи, пошатнувшись от взрывной волны, выплюнули к ногам несколько проплесневелых книг. Томики в цветных обложках грудились на полу, раскинув страницы.

А потом чей-то пронзительный визг разорвал воздух в клочья.

– Эх, Тилен, где твоя коронная выдержка? – не оборачиваясь, произнесла Кантана.

– Кантана, – Тилен потрясла её за плечо. Но визг не прекратился. – Кантана, у тебя проблемы.

Сердце ёкнуло. Медленно, словно боясь внезапной атаки, Кантана повернула голову...

Белобрысая девчонка в тёплой робе с капюшоном съежилась комочком между стеллажей. Рот незнакомки кривился в отчаянном крике. Чуть поодаль валялось, не подавая признаков жизни, ещё одно тело. Веер длинных волос рассыпался по рассыревшим доскам пола. Судя по габаритам, это был мужчина. Или очень крупная женщина.

– Они из портала? – проговорила Кантана озадаченно.

Тилен насуплено кивнула, сведя брови у переносицы. И, наклонившись, настойчиво потянула Кантану за руку:

– Пойдём скорее.

– Куда?

– Бежим, пока твою оплошность не обнаружили! – Тилен внезапно оскалилась. – Ты хотя бы знаешь, чем это чревато?

Девочка-блондинка всё ещё заходила в истерике. Лицо её горело багрянцем, будто эля хлебнула. Мужчина, как и раньше, не подавал признаков жизни. Жив ли вообще?

– Ну же, – Тилен подтолкнула Кантану к выходу, – пока они не опомнились.

Кантана в последний раз окинула неуверенным взглядом гостей. Кажется, они не представляют угрозы. Хорошо это или плохо? В любом случае, надо срочно решать, как с ними поступить. И обдумать все нюансы нужно где-нибудь подальше отсюда.

– Бежим! – поддакнула она.

Кантана, по-кошачьи выгнув спину, склонилась к горящим свечам. Смоляной локон скользнул в опасной близости от открытого пламени. Последняя вспышка света рваным пятном пронеслась по стене, покрытой облупившейся штукатуркой, и угасла. Какое-то время

фитильки ещё тлели во мраке рыжими точками. Когда последний потух, искривившись в агонии, воцарилась непроглядная тьма.

Глава 5. Если наступит утро

Великий Перелом 2017 года проложил границу между допереломной историей и историей нового мира.

©Рауль 585 “Допереломная история”. Интерактивное учебное пособие для 7 уровня первого этапа. Иммортель, 2341 год.

Циклоисчисление Сердца Земли полагается вести с момента Возмездия Покровителей. Годовой цикл 2017 по старому циклоисчислению приравнивается к годовому циклу 1 после Возмездия Покровителей.

© Положение 1 “История Сердца Земли”.

1

Ступени лестниц, перерезанные паутиной трещин, мелькали под подошвами. Кантана шумно вдыхала воздух, пропахший плесенью; болотный привкус оставался на языке. В горле саднило от быстрого бега.

– Быстрее же! – рассерженный голос Тилен плетью ударил по спине.

– Я... – Кантана задохнулась, – я сейчас упаду! Почтенные покровители!

В панике она перескочила через две ступеньки. Мраморная плитка съехала под носком туфли и со скрежетом полетела вниз, обнаружив неровную поверхность. Ноги запутались в оборках, опрокинув вперёд. Пытаясь не упасть, Кантана вцепилась в перила. Решётка качнулась, отозвавшись хрипловатым скрипом.

– Что ты намерена делать теперь? – Тилен перевела дыхание.

– Не знаю, – Кантана бросила недобрый взгляд сквозь пелену тьмы, – но пока они в изоляции. Утечки информации не будет.

– Это пока, – ухмыльнулась Тилен. – Хорошо, если они просто умрут взаперти от жажды и голода. Но что если Азаэлю или другим стражам снова вздумается заявиться в библиотеку? Они не станут разбираться, просто достанут оружие. А под пытками твои гости уж точно выдадут тебя.

– Стоп, Тилен, что ты такое говоришь?! – Кантана всплеснула руками во мраке. Дыхание участилось до предела. – Умрут?! Ты что, всерьёз предлагаешь обречь их на верную гибель?!

– У тебя нет иного выбора, – горячее дыхание Тилен коснулось щеки. – Зачем тебе живые свидетели? Одним нечаянным словом они приговорят тебя к четвертованию. Но если они отдадут души Покровителям на нашей земле, никто их не хватится. И никого за это не накажут. Это самый лучший и надёжный выход.

Кантана застонала. Дрожащие руки обхватили перила. Ветхое ограждение взвизгнуло металлом и накренилось, угрожая обрушиться. Град камушков полетел в пустоту.

– Лучше тебе будет вернуться и сделать это прямо сейчас, пока они не проронили лишнего, – добавила Тилен. Кантана не различала в темноте её лица, но готова была поклясться, что подруга ухмыляется.

– Они – живые люди, Тилен! – Кантана зарычала. – Как мы с тобой! Ты видела глаза этой девушки?! Вот что я скажу: неважно, что они родились на земле врага! Покровители даровали им жизнь, Покровителям её и отнимать! Никак не нам!

– Уверю тебя, Кантана, – Тилен смаковала каждое слово, – они не подумают о том, что ты тоже живой человек, когда будут рассказывать стражам о твоих магических экспериментах. Они никогда не раскаются в том, что подведут тебя под трибунал.

Страх на мгновение парализовал. От запаха плесени и каменной пыли засвербило в носу.

– Противоречия всегда можно решить словом, – проговорила Кантана, стараясь обуздать панику и придать голосу уверенность. Тилен не должна видеть, насколько она слаба.

Тилен приблизилась вплотную. Локон растрёпанных волос коснулся щеки. Кантана поднялась выше на ступеньку, отстраняясь: едкое негодование переполняло и угрожало политься наружу.

– И? – Тилен погладила её руку. Происходящее явно доставляло ей какое-то извращённое удовольствие. – Как ты будешь с ними договариваться? Они в своих одеждах будут очень заметны на улицах Девятого Холма и привлекут много любопытных взглядов. Рано или поздно это кончится расспросами. Думаю, не нужно объяснять, что в конце концов всё завершится для тебя фатально.

Кантана дёрнулась, сбрасывая ладонь Тилен.

– Тебе нечего предложить им взамен, – рука Тилен снова настигла её в темноте.

– Почему ты перекладываешь всю ответственность на меня?! – возмутилась Кантана. – Мы вместе открывали портал! Мы вместе пошли на это! И проблемы мы тоже должны решать вместе! Помнишь наш уговор?

В темноте раздался неопределённый звук: то ли усмешка, то ли всхлип.

– Потому что мы – плохой тандем. То, что случилось, Кантана, это только твои заботы, – безжалостно выдавила Тилен. – Я не участвовала в этом, я просто наблюдала за твоими играми с огнём. Докажи обратное, попробуй. Так что, не мне решать, что делать дальше. Но не волнуйся: от меня никто ничего не узнает.

Кантана зарычала в исступлении и панике. Руки сжались в кулаки. Рядом, на ветхой лестнице старинной башни, стояла вовсе не добрая подруга детства. Двучленная сущность Тилен обнаружила опасный оскал оборотня, и сейчас он ждал удобной секунды, чтобы перекусить ей глотку. Один лишь вопрос мучил её: за что?

Кантана сделала глубокий вдох, готовясь дать ответ. Она очень сильно недооценила Тилен. Простой девочке из рабочего квартала удалось перехитрить и использовать саму Кантану Бессамори. Дочь пророчицы Совета. Самую красивую девушку Девятого Холма.

– Вот, значит, как, Тилен, – отчеканила Кантана. – Да ты, оказывается, и не друг мне. Я научила тебя всему, что ты умеешь, а ты даже спасибо не сказала! При первой опасности прыгаешь в кусты и одеваешься в белое, отрекаясь от меня.

– Открыть портал на Первый Холм – это твоя идея, а не моя, – фыркнула Тилен в ответ. Кантана почти ощутила запах падали. – Я пыталась тебя отговорить. Поэтому и ответственность за всё нести тебе. Кстати, если бы я не оттащила тебя от портала, тебя бы уже не было в живых. И ты говоришь, что я тебе не друг?

– Да что бы ты знала о дружбе? – Кантана кусала губы, пытаясь сдержать слёзы. – Что ж, иди, ты не нужна мне более. Не хочу иметь с тобой никаких дел. Только знай: выдашь меня – я тоже расскажу всем о твоей магии.

Тилен фыркнула и затопала по ступенькам вверх, оставив Кантану одну во мраке.

– Надеюсь, ты поступишь правильно! – злобно прокричала она вслед. Голос Тилен, раздробившись на миллион осколков, рассыпался по лестничным пролётам.

– Надеюсь, что ты больше ко мне не подойдёшь, – парировала Кантана

– И угораздило же меня связаться с дрянью! – пролилось сверху.

Кантана вздрогнула. Дрянью?

С чего бы это? Она никогда не делала Тилен подлостей, не возводила на неё напраслины, не распускала сплетен за спиной. Много циклов назад Кантана со своей детской непосредственностью вытащила Тилен из плена отчуждённости, сделала своей лучшей подругой. Кантана была для Тилен защитницей и стеной. Она научила её не бояться чёрных одежд и изящно обходить запреты. Она помогла ей наладить отношения с девочками из Наставни. И,

да: именно Кантана рассказала Тилен о том, что магию у них никто не отобрал, и показала, как нужно действовать...

Но человеческий мир – сложная система со своими правилами и странной расстановкой сил. Доброта потеряла ценность: теперь значение имеет только выгода. Когда колодец, даривший тебе воду, опустошён и иссушен, можно засыпать его землёй и найти новый. Это суровый закон выживания. Закон роста... Ничего особенного.

– Что ты сказала?! – переспросила Кантана, задрав лицо в квадрат лестничного пролёта. Летящая навстречу пыль припорошила её разгорячённые щёки.

Ответа не последовало. Шорох шагов затих. Должно быть, Тилен уже выбралась наружу.

– Дрянь? – смущённо повторила Кантана в наступившей тишине, – Дрянь... хм...

Догадка прошла по сердцу острым лезвием. Расстояние и отголоски эха исказили слова Тилен, и до ушей Кантаны долетело совсем не то, что должно было. «Ты точно та, кем являешься?» – воскрес в памяти рассерженный возглас подруги.

Так вот, что она имела в виду!

– Я не знаю, – пробормотала Кантана, отвечая голосу воспоминаний.

Жирная крыса проскочила по ступеням почти вплотную, едва не сбив с ног. Кантана брезгливо попятилась, отступив ниже. Спёртый воздух дрогнул от вскрика.

Но ещё больший страх вызывало осознание необходимости принять решение. Перед глазами всё ещё стоял взор той девушки – гостьи с Первого Холма. Сможет ли Кантана собрать своё хладнокровие в кулак и полоснуть ножом по тонкой бледной шее, окропив длинные, серебристые пряди волос кровью?

И есть ли выбор?

Помявшись, Кантана сделала несколько шагов вниз. Застыла на последней ступеньке, раздумывая. Сердце чеканило сумасшедший ритм. Как сложно порой сказать себе «да».

Одна чаша весов должна опуститься. Что же сделать? Замарать ладони кровью невинных и жить с этим, как ни в чём не бывало? Или спасти чужаков, но потерять семью, язык и руки?

Кантана проглотила горькие слёзы. Надо использовать свои сильные стороны! Попробовать договориться с чужаками и открыть портал обратно. Но не факт, что без поддержки Тилен у неё получится.

Помедлив немного, Кантана рванула по лестнице, раскидывая за спиной подол платья.

Наверх. К выходу.

2

Улицы Девятого Холма засыпали под покрывалом иссиня-фиолетовых сумерек. Открытое пламя трепетало в решётках фонарей. Звёздная сыпь покрыла небо до самого горизонта.

Кантана подлетела к калитке. Запах поздних осенних цветов и прелой листвы принял её в объятия.

Горячий свет проглядывал из окон первого этажа сквозь занавесь плюща. Кто-то сидел в гостиной. Расспросов не миновать! А у неё даже нет времени, чтобы придумать легенду поустойчивее.

Страх нарастал с каждым шагом. Только бы успеть пробежать в свою комнату, не встретив мать! По одному взгляду ведь догадается, что произошло! Всю кровь выпьет!

Приоткрыв дверь, Кантана протиснулась в проём. Запах жидкого воска и свежей выпечки окутал мягкой дымкой. Должно быть, Зейдана испекла яблочный пирог. Но даже это сейчас не радовало.

Она окинула взглядом комнату, пытаясь разглядеть контуры предметов сквозь полумрак. Кресла и пуфы были пусты. Кантана вздохнула: на этот раз Покровители на её стороне! Рояль в углу ухмыльнулся рядом мерцающих клавиш, празднуя её удачу. Кантана попыталась ответить инструменту тем же, но губы лишь вымученно растянулись в оскале.

– Моё почтение, сестрица, – Зейдана неслышно появилась из столовой. – Что-то загулялась ты сегодня. Иди, отведай пирога – очень уж вкусным он получился.

Кантана вздрогнула. Надежда тихонько пробежать в свою комнату и всё обдумать затрещала по швам.

– Не хочется, – проговорила она, не поднимая глаз. Даже случайный взгляд мог выдать её. И закопать. – Я спать пойду. Очень уж устала.

– Не похоже это на тебя, – Зейдана приблизилась на опасное расстояние. Легко пахло лавандой и засушенной мятой. – Снова странности с магией?

– Потихе, Зейдана! Прошу!

– Мы одни в доме, – Зейдана приподняла бровь, – за матерью прислали. Совет обсуждает что-то срочное. Можешь не бояться.

Кантана замаялась, глядя в лучащиеся добротой глаза сестры. Она могла бы лгать Зейдане, не задумываясь, но совесть брала своё, когда видела это светлое любящее лицо с широкими скулами. Но сейчас Кантана не могла выложить все карты: слишком многое стояло на кону.

Слишком далеко она зашла.

– К счастью, сегодня – без происшествий, – Кантана, улыбнувшись, пожала плечами. – Просто, милая сестрица, мысли об Элатаре и Великом Посвящении никак не отпускают. Я не могу с этим смириться. И не могу радоваться, хотя должна.

Зейдана сочувствующе покачала головой.

– Это – жизнь, дорогая моя Кантана, – полушёпотом произнесла она. – Покровители хотят, чтобы Элатар присоединился к ним. Наша задача – исполнить их волю. Нельзя допускать их гнева, иначе наши пороки приведут ко второму Возмездию.

– Неужели ты совсем не грустишь? – Кантана, наконец, осмелилась играть.

Зейдана снисходительно улыбнулась. По её вискам поползли глубокие фиолетовые тени, в глазах заискрилась печаль.

– Грущу, конечно. И, должно быть, это нормально. Но нужно всегда смотреть на вещи с разных сторон... Кстати, я заварила к ужину травяного отвара, он успокоит тебя. Пойдём, дорогая.

Столовая встретила ароматом сдобы, расплавленного сахара и печёных яблок. Бра со свечами на каменных полуколоннах горели в полную мощь, выплёвывая облачка света. Свечи здесь гасили редко.

Длинный деревянный стол занимал центр комнаты, подметая пол лоскутом расшитой скатерти. Мягкие стулья с изогнутыми спинками так и звали присесть. Сбросив на ходу накидку, Кантана опустилась на сидение.

Зеленоватая жидкость зажурчала в чашке. Кантана вожаденно обхватила тонкий фарфор, согревая руки. Взгляд ненароком задержался на огромном отточенном ноже, что указывал лезвием на блюдо с пирогом, как часовая стрелка. Мурашки побежали по коже: нельзя, нельзя.

Зейдана отрезала кусок пирога. На лезвии ножа отпечатались, подобно крови, сладкая яблочная начинка.

– Ты дрожишь, – отметила она с теплом в голосе. – Я вижу, что-то тебя гложет. Расскажи мне.

Кантана отхлебнула травяной отвар.

– Мне не о чем рассказывать, – буркнула она.

Зейдана положила ей большой кусок пирога.

– Главное, чтобы ты не допустила ошибок. – В её взоре появилась настороженность. – Я очень тебя люблю. Я не хочу тебя потерять навек.

Мятный холодок разлился во рту. Сердце колотилось в бешеном ритме. «Я уже их допустила, уже! И, возможно, завтрашний день нас разлучит!» – на надрыве вопило всё существо, однако, Кантана не осмеливалась открыть рот и выпустить крик наружу.

Сегодня вечером предстоит решить, что делать дальше. Сегодня ей предстоит вершить будущее. И не только собственное...

Если, конечно, Азаэль ещё не сунулся в библиотеку. В этом случае менять что-то поздно: её судьба решена. И исход бескомпромиссен и неминуем.

3

По голубой глади бассейна ползали блики, то сливаясь между собой, то дробясь. Шумные всплески и детские крики наполняли отсек. Пронзительно пахло хлорным концентратом.

Маленький мальчик топтался на стеклянном балконе над водой, наблюдая за детьми. Плотный не по сезону свитер обхватывал его шею. Время от времени он ерошил ладошкой коротко стриженные волосы. Казалось, что он очень грустит.

– Ты никогда не плаваешь, – услышал он любопытный девичий голосок. – Почему?

Обернувшись, мальчик заметил улыбающуюся босую девчонку в закрытом купальнике. Её розовая шапочка с клапанами задорно сползла на бок, обнаружив густые локоны.

– Потому что я не умею, – буркнул мальчишка.

– Неправда, – усмехнулась девочка. Капельки воды серебрились на кончике её носа. – Просто у тебя на спине клеймо. Как и у меня.

Девочка развернулась. Кнопки её купального костюма сзади были расстегнуты. Между чёрными лоскутами проглядывали контуры стрелы, направленной вниз.

– Я вот не стесняюсь, – проговорила она. – Мама говорит, что если мы не будем носить клеймо гордо, нас затопчут ещё сильнее.

– Но они же будут смеяться, – прошептал мальчик, переведя взгляд на товарищей внизу.

– А если они смеются, – подытожила девочка, легко улыбнувшись, – я делаю вот так!

Она сорвала купальную шапочку, выпустив светлые кудри. Волосы рассыпались по плечам, закрыв лопатки и злополучную татуировку.

– Никто её не заметит, Нери, – гостя прищурилась, – если ты сам не захочешь этого.

Мальчик успокоился: решение было простым, но могло облегчить жизнь. Пожалуй, длинные волосы не будут ему в тягость.

С благодарностью он посмотрел в лицо девочки, имени которой так и не узнал. Добродушная улыбка дрожала на её губах. Внезапно поле зрения покрылось мурашками и потекло разводами. Черты лица незнакомки размазывались по голубоватому кафельному фону, превращаясь в буйное скопление разноцветных пятен.

– Кто ты? – прошептал он. – Пстой, не уходи! Не оставляй меня одного!

Головокружение дезориентировало, будто он рухнул в тот самый бассейн и кирпичом пошёл ко дну. Пространство растягивалось, деформировалось, скручивалось, растворяя его в себе, как кубик сахара. Воронка втянула тело, закружив в тёмных лабиринтах. Может, именно так тонут?

– Нет! – закричал он. Вакуум поглотил его крик, потопив его в свисте сумасшедших вихрей. – Нет! Нет! Нет!

Последнее слово прозвучало напряжённо и громко, выведя его из оцепенения и на миг оглушив. Полёт прервался на самой высокой точке. Пространство дрогнуло, опрокинув его на твёрдую поверхность. Руки ощутили шероховатость подгнивших досок.

Нери распахнул глаза в абсолютной темноте. Пахло древней пылью, заплесневелой бумагой и сыростью. Рядом с ним, в объятиях мрака, кто-то отчаянно всхлипывал.

– Нет... – повторил он на всякий случай. Звук, сжавшись мячиком, укатился во тьму.

Сознание вернулось к Нери. Мальчик из видения растворился в потоке воспоминаний, оставив в память о себе лишь татуировку на спине. За несколько секунд он повзрослел на десяток лет.

– Нери? – окликнул его гнусящий голосок. – Ты жив?

Нери прислонил к мокрому лицу шершавые от ссадин ладони. События в голове начали выстраиваться цепочкой, расставляя всё по своим местам.

– Кажется, нет, – прогундосил он, с трудом приподнимаясь. – Что произошло?

Темнота перед носом колыхнулась, подгоняемая волной всхлипов.

– А ты не помнишь? – не без удивления отозвалась Миа.

Нери вытянул руки, пытаясь нащупать хоть какие-то ориентиры. Ладонь упёрлась в большой ящик, напоминающий книжную полку.

– Очень смутно, – признался он. – Голова не работает. Где мы вообще?

– Не знаю. Свет погас, и мы очутились здесь. Когда я очнулась, тут были другие люди, – поведала Миа. – Две пре-имаго. Они проводили какой-то ритуал со свечами, наподобие тех, что практиковались до Перелома, в средние века. Ну, помнишь Инквизицию и её истоки? Замечали нас, струхнули и убежали. Да я и сама перепугалась до смерти.

Пфф. Бред. Здравый смысл отказывался принимать услышанное. Любому явлению должно существовать рациональное и логичное объяснение!

– Может, тебе приснилось?

– Ты что, не веришь мне?! Мне мамой поклясться?!

– Ты пыталась дозвониться до кого-нибудь из родных, или до экстренной службы?

– Нери, я не дурочка, – обиженно проговорила Миа, – конечно же. Связи нет, гудков – тоже. Даже местоположение мультимедийного определителя не смог.

Вот это новости! Он не верил ушам. Всё это походило на бред диссоциировавшего. Не зря, должно быть, Нери усомнился в психической полноценности Мии.

– Может, хватит шуточек? – разозлился Нери. – Это часть аттракциона? Ты знала об этом и специально подставила меня?

Он осознал всю глупость вопроса уже через пару секунд. Городские праздники часто удивляли нелепостью развлечений, и это было законно. Но человеческая жизнь никогда и не при каких обстоятельствах не могла подвергаться опасности. На виду у доброй половины района – и подавно. Его головная боль и шишка на лбу оповещали, что либо последний пункт успешно проигнорировали, либо...

Либо то, что происходит с ними, не имеет к злоключениям на площади ни малейшего отношения.

– Я не шучу. И не думаю, что это розыгрыш, – Миа всхлипнула. – Это глупо, но я уверена, что мы совершили межвременное, а может и межпространственное перемещение.

– Чушь, – отрезал Нери. – Исследования по преодолению пространственного континуума ведутся лишь с 2327 года, и пока успехом не увенчались. А временной континуум с нашим уровнем организации подчинить невозможно – это факт.

– Да плевала я на твои факты, умник! – взвизгнула Миа и сердито засопела. – Объясни тогда, почему мы тут! Расскажи, почему нет связи! И из-за чего здешние особи совсем не похожи на наших!

Утомлённый вздох раздался в чёрной, как уголь тишине. Нери приводило в ужас осознание того, что придётся провести с Мией много времени. Час. День. Сутки. А, может, битую неделю.

– Не можешь? – продолжила Миа. – А я – могу! Потому что я права: мы сейчас в другом месте и в другое время! Докажи обратное!

Нери запрокинул голову в потолок.

– Для начала надо узнать, что это за отсек и где выход, – подытожил он, – а уже потом решать, что делать. Надо составить цельную картину. Может, ларчик просто открывается.

Игнорируя головокружение, Нери поднялся на ноги. Колени предательски задрожали. Привычным движением он достал мультимедийный определитель. Дисплей вспыхнул, распространяя вокруг облако света.

Миа права – сети нет. Автопоиск не нашёл ни одной точки доступа.

– Убедился? – хмыкнула Миа. Она сидела, сжавшись в калачик, у стеллажа. Скулу украшала ссадина. – Городская локалка тоже не работает.

– Ни одной точки? – изумился Нери. – Город же нашпигован ими! Мёртвых зон в пределах Иммортеля и пригородов нет уже лет сорок как! Даже в ближайшем Запределье сеть ловит!

Он осветил пространство. Сомнений нет: они в библиотеке. Старинные стеллажи, будто из музея древности, упирались в потолок. Полки были битком забиты книгами, но помещение выглядело ветхим и заброшенным. Потолок и верхнюю часть стен плотно укутывали пласты паутины. Ответов не прибавилось: лишь новые вопросы набежали лавиной.

– Выход там, – Миа махнула рукой к противоположной стене, – но не спеш. Автоперегородок тут нет. Ни одна из здешних штук не реагирует на голосовые и тактильные команды. Дверь очень старая, и она закрыта. Мне кажется, её подпёрли снаружи чем-то тяжёлым.

– Выходит, мы в заточении? – Нери невесело усмехнулся. Перспектива заключения, да ещё бок о бок с Мией, прельщала меньше всего. Не оставляло ощущение, что всё происходящее вокруг – дурной сон, что вот-вот прервётся. – Это точно не галлюцинация?

– Если оно и так, значит, мы видим одно и то же, – констатировала Миа. – У меня только одно объяснение, и я его озвучила. Если нас заперли, значит, мы им нужны. Страшно представить, на какие меры они могут пойти.

– Или мы им действительно нужны, – поправил Нери, – или они нас боятся. Ни то, ни другое ничего хорошего не сулит. Возможно, когда сюда зайдут в следующий раз, нам придётся драться.

Тонкая лента паутины упала на лицо. С гримасой отвращения Нери убрал её.

– Может, и не зайдут, – истерически хихикнула Миа. – Может, они решили избавиться от нас, оставив умирать от голода и жажды.

Нери двигался вдоль стены, ощупывая обветшалую штукатурку, покрытую коростой плесени. Пальцы собирали многолетнюю пыль и ниточки паутины. Ладонь нащупала маленький проржавевший люк. Металлическая крышка отъехала в сторону от нажатия.

– Вау! – он не смог сдержать удивлённый возглас. – Посмотри-ка, что я нашёл.

Крошечные пластиковые рычаги торчали из щелей на дне неглубокой выемки. Налепленные под ними бумажки пожелтели и истрепались по краям. Тем не менее, выведенные чёрным пером буквы всё ещё проглядывали на грязноватой бумаге. «Читальный зал, розетки» – кричала надпись в верхнем ряду. «Пост администратора, освещение» – вторила другая.

Нери провёл пальцем по торцу крышки. Та отозвалась пронзительным визгом.

– Кто бы тут ни жил, Миа, – добавил он, – говорят они на том же языке, что и мы.

– Тоже мне, удивил, – фыркнула Миа, приблизившись. – После Великого Перелома все говорят на одном языке.

– Значит, у нас будет право сказать последнее слово, – Нери подмигнул. Его разбирал истерический смех. – И они нас поймут. А если постараемся, не исключено, что простят. Можешь готовить речь!

– Что это за штуки такие? – Миа указала на находку.

Нери осторожно вытер пыль с рычажка и перевёл его в положение включения. Переключатель щёлкнул. Свет не загорелся.

– Это электрощиток, – со знанием дела сказал Нери. – Такие устанавливали, кажется, в начале двадцать первого века. На занятиях по истории техники нам показывали нечто подобное. Можешь выдохнуть: мы не в средневековье. Значит, нас не посадят на кол, не сожгут на костре, и не будут пытать щекоткой.

Он направил луч дисплея вниз по стене и осветил пластиковый квадратик с углублением и двумя точками в центре.

– Электрическая розетка, – пояснил он. – Допереломный вариант. Россия или Европа. Это место тоже пережило Перелом, но так и не восстановилось после него.

– Хочешь сказать, – задыхнулась Миа, – что мы сейчас находимся в...

Нери кивнул.

– В Запределье, – произнёс он и тут же похолодел от ужаса. – Если, конечно, это не розыгрыш.

– Если бы не одно «но». В Запределье нет зон, пригодных для жизни, – не без ехидства возразила Миа. – Единственный источник воды, годной к употреблению, снабжает Иммортель и прилегающие территории. На землях Запределья высокий радиационный фон. Вероятность выжить вдалеке от Иммортеля равна нулю. Биолокаторы давно обнаружили бы жизнь в Запределье, если бы она существовала.

Разгадок у этой головоломки не было. Вообще.

– Мне кажется, сильные мира сего многое от нас скрывают, – процедил Нери после долгих раздумий.

4

Ночь раскидала пологие фиолетовые тени по потолку. Сад, шумящий за балконной решёткой, тонул в лунном сиянии. Прохладный ветер касался занавесок, нащёптывая тихие колыбельные.

Полная луна заглянула в окно, отразившись в зеркале туалетного столика. Стайка облаков пробежала по лунному лику, на несколько секунд приглушив его свет. Тени закачались.

Кантана с силой потянула одеяло на себя, скрываясь от холода четвёртого межсезонья. Всё-таки, надо было растопить печи перед тем, как ложиться. Но страхи и навязчивые идеи досаждали сильнее холода. Она будто бы выпала из картины мира и теперь вращалась по своей собственной орбите.

Прохладный ситец пододеяльника обхватил плечи. Поёжившись, Кантана перевернулась на живот. Несмотря на усталость, сон не шёл. Тяжёлые мысли наполняли голову, мешая расслабиться. Невозможно выжить в этой умопомрачительной лавине.

Что если Азаэль, или, что ещё хуже, кто-то из его товарищей по оружию, обнаружил незваных гостей в библиотеке? Что если эти двое уже рассказали, почему они тут? Что если завтрашнее утро ознаменуется её арестом, а день её рождения в конце годового цикла – публичным четвертованием? Дыхание перехватило, когда Кантана живо представила, как ей вычлениют руки на глазах у толпы. Она почти ощутила дичайшую боль, от которой многие женщины сходили с ума ещё до того, как процедура заканчивалась...

Кантана замахала руками, прогоняя пугающую иллюзию. Образы, прорисованные воображением, растворились в лунном свете. Дрожь от ужаса, она села в кровати и спустила вниз босые ноги. Ступни коснулись коврового ворса, и настоящее вернулось. Хорошо, что никто не видит её в таком состоянии: испуганной, слабой и жалкой.

Она не знала, какое решение будет верным. Она не знала, терпит ли время. И это невежество досаждало больше всего. Из-за него Кантана не могла контролировать ситуацию.

– И что мне теперь делать? – спросила она у темноты. Ночь в ответ лихо рассмеялась порывом ветра.

С затенённых полок смотрели куклы в роскошных нарядах. Лунный свет отражался от стеклянных глаз, делая их похожими на маленьких кровожадных монстров. Фарфоровые губки будто бы нащёптывали хозяйке: «Решайся, ничего не бойся! Решайся, пока не поздно...»

Кантана соскочила с кровати, отбросив одеяло. Неприятная прохлада обожгла плечи. Кантана стянула сорочку из чёрного атласа через голову. Гладь круглого зеркала отразила изгибы её обнажённого тела.

Шкаф скрывал за резными дверцами множество платьев из разных материалов. Одна лишь черта объединяла все наряды Кантаны Бессамори – чёрный цвет. Единственный оттенок

антрацита и чёрные агаты короновали её жизнь. Натянув платье, Кантана расправила складки на юбке и уложила воротничок на плечи. Недовольно наморщила нос от всепоглощающей черноты. Поймав отражение в зеркале, приснула: выбрала самое лучшее платье для того, чтобы испачкать руки.

Но она сильная. И всё непременно получится. И будет хорошо.

Кантана выскользнула из комнаты и крадущимися шагами двинулась вниз. Коридоры дома встретили пустотой и сварливым холодом.

Тихо, чтобы никого не разбудить, Кантана прокралась на кухню и зажгла свечу. Оранжевый блик метнулся по стенам. Прокопчённое до самого потолка пространство пахло жареным мясом и специями. На полках вдоль стен стояла чистая посуда. Столешницы для разделки овощей и мяса под ними сияли.

Кантана, потоптавшись, осмотрелась. Важно не оставить после себя улики, а то Зейдана точно обо всём догадается! Средняя сестра Бессамори предпочитала готовить сама, не привлекая помощниц по хозяйству.

Кантана с любопытством заглянула в мойку.

– Где же он? – она скривилась, нервно постукивая по металлу.

Темнота молчала. Только пронизывающий ветер Межсезонья жалобно выл в печной трубе, напоминая, что время не терпит. Скоро рассвет.

Кантана метнулась к окну и поставила тлеющую свечу на подоконник. Контуров улиц едва проглядывали сквозь занавес плюща. Но полоса зарева уже обозначилась на горизонте. Каждая секунда на счету!

Кантана выдвинула глубокий ящик со столовыми приборами. Ложки и вилки разных размеров и форм зазвенели между пальцами.

– Вот он! – она с самого дна огромный нож с потемневшей деревянной рукояткой. Холодная сталь засеребрилась в лунном сиянии.

Леденящее межсезонье пробралось в вены. Кантана держала в руках саму смерть. Кровь двух незваных гостей с Первого Холма окрасит сегодняшний рассвет!

Сомнение окатило колючей волной. Руки беспомощно задрожали, едва удерживая тяжёлый клинок. Сможет ли она спасти себя, не оставив внутри ни тени раскаяния? Сможет ли она жить дальше, неся на своих плечах груз самого страшного преступления?

Справится ли она с двумя сразу?

Она должна сделать это. Убить их – единственный выход из сложившейся ситуации. Кантана не может опозорить честь клана Бессамори!

Она взмахнула ножом в воздухе, обретая уверенность. Отточенное лезвие засвистело, рассекая полумрак. Но стоило только представить, как она перерезает горло девчонке с Первого Холма, руки повисли. Меньше всего она хотела лишать кого-то жизни. Никому, кроме Покровителей, не дано права вершить чужие судьбы.

Должен же быть хоть какой-то выход! Кантана проглотила слёзы, лихорадочно ища решение. Что если попытаться договориться с чужаками и попробовать открыть для них портал, без усиливающей поддержки Тилен? Если не получится, она всегда успеет отправить их к Покровителям.

Кантана вздохнула с долей облегчения. Размазала слёзы по лицу. Засунув нож за пояс, потянула на себя дверь погреба. Невыносимо пахло промозглой сыростью и холодом.

Нырнув в тёмное пространство, она начала приводить план в исполнение. Полочки, протянувшиеся вдоль стен, изобиловали съестным. Нужно что-то взять с собой. Пленники, наверняка, оголодали и хотят пить. Чем задобрить их, если не хорошей едой? Какой ненормальный будет вести дипломатические диалоги на пустой желудок?

Крынка простокваши, несколько яиц, небольшая бутылка вина... Лезвие ножа с лёгкостью вошло в круг свежайшего сыра с плесенью, вырезав из него большой сегмент. Не шикарно, но вполне сгодится для того, чтобы перебить голод.

Кантана сложила находки в наплечный мешок. Осталось лишь украсить лицо нежной улыбкой.

Горящий язычок пламени улыбнулся с подоконника сквозь поток восковых слёз. Кантана загасила свечу, спрятав улику за мешочками специй. Пришлось плотно зажать нос, дабы не чихнуть от пряных облачков.

Проходя на цыпочках мимо столовой, Кантана отмахнула ножом большой кусок яблочного пирога. Завернула лакомство в вощённый кусок пергамента и положила в мешок к остальным находкам. Так, на всякий случай.

5

Нери придавил пальцем кнопку включения питания. Мультикоммуникатор издал невнятное гудение и раздвинул корпус, превратившись в подобие небольшой книги. Рваное белое пятно поползло по стеллажам, оскалившимся зубами книг.

Часы показывали половину четвёртого утра. Должно быть, снаружи уже занимается заря... За эту ночь Нери потерял чувство времени.

Аккумулятор разрядился на добрую треть. Нужно экономить заряд, если он не хочет потерять здесь ещё и сам себя. Но здравый смысл подсказывал, что нужно готовиться к худшему.

Напряжённая ночь не принесла ни одной зацепки, хотя его преследовало странное ощущение дежа вю. Были минуты, когда казалось, что разгадка почти в руках, но в итоге она соскальзывала с крючка, как юркая рыбёшка. Будто бы в памяти образовался прогал. Нельзя было раскисать и поддаваться панике: бездействие – верная и не самая приятная смерть. Но как же сложно контролировать эмоции...

Вот уже три с половиной часа он вёл исследования в одиночку.

Миа тихо спала, устроившись на деревянном диванчике. Они обнаружили его чуть поодаль от стеллажей – видимо, на территории читального сектора. Мерное сопение едва долетало до слуха сквозь сжатый воздух. Это было только на руку. Молчание Миа – золото.

Нери снова вернулся к книжному шкафу. Облачко света заплясало по полкам, плотно заставленным потрёпанными томами. Ничего нового: он уже изучил все эти имена и названия. Последние экземпляры были датированы 2016-2017 годами, но отвратительное состояние обложек и страниц намекало, что много воды утекло с тех пор. Вывод напрашивался прежний: жизнь здесь остановилась после Перелома.

Значит, если внимать доводам, вывод верен. Это Запределье.

Тогда откуда здесь живые человеческие особи?

Догадка опять сорвалась с крючка. Мир, в котором он родился, внезапно вымер, превратившись в прогнивший, мёртвый остров. Нери и Миа оказались единственными уцелевшими на перекрёстке судеб. Кто знает, может, так оно и было?

До слуха донёсся отвратительный шорох. Опустив взгляд, Нери заметил огромную крысу. Существо подняло нахальную мордочку, блеснуло смоляными бусинками глаз. Задрожав от отвращения, Нери отпихнул грызуна. Крыса, недовольно запищав, понеслась в темноту.

Он перевёл дыхание. Разносчиков особо опасных инфекций ещё не хватало... Если такая красавица устроится рядом с Мией пока она спит, её хватит удар. Мию, не крысу... хотя, может быть, крысу тоже! Одно обнадеживало: если здесь водятся крысы, значит, поблизости есть и люди.

Люди и еда.

Желудок заныл и скрутился в тугой жгут. Сколько он ещё продержится в этом аду? Еды здесь точно не предвидится: не пускать же в расход крыс? А Миа, проснувшись, наверняка захочет перекусить, как и он. И как объяснить ей, что истерикой делу не поможешь?

Не исключено, что в финале этой истории, они сожрут друг друга. Как крысы.

Нери уставился на экран мультимедийного коммуникатора и в очередной раз попытался набрать маму. Тщетно! Лишь юная блондинка, чем-то похожая на Мию, счастливо улыбалась с дисплея. Лизавета, будь ты неладна. Две недели прошло, а он так и не поменял картинку на рабочем столе.

«Сеть не найдена, – в очередной раз отчеканил холодный механический голос. – Соединения со спутниками нет. Убедитесь, что Вы находитесь на допустимом расстоянии от Иммортеля и имеете при себе запас пресной воды».

Нери дёрнулся, едва не уронив устройство. Запах пыли, воска и крысиной мочи внезапно стал невыносимым. Он не находил объяснения происходящему. Разве что, ядерный реактор взорвался в центре Иммортеля, в мгновение ока уничтожив город и все окрестности.

Беспокойный стон Мии заставил вернуться в реальность. Условный рефлекс, выработавшийся за восемнадцать лет общения с сестрой, в очередной раз напомнил о себе. Освещая путь огоньком дисплея, Нери обошёл стеллажи по периметру и прокрался в свободный отсек, некогда отведённый под читальный сектор. Письменные столы и стулья здесь стояли ровными рядами, разве что древесина прогнила от времени и сырости.

Миа лежала на диване в углу зала, свернувшись калачиком. Глаза были плотно закрыты, но плечи вздрагивали. Шерстяное фиолетовое пальто валялось рядом, собирая пыль времени с половиц. Нери, привыкший к нескончаемым капризам Венены, пожал плечом: ну конечно, замёрзла! Неудивительно: здесь – настоящая морозильная камера. Ещё часа два, и они оба станут похожими на полуфабрикаты из соевого мяса.

Осторожно подняв пальто с пола, Нери укрыл им Мию, как одеялом. Наклонившись над нею, аккуратно подоткнул мягкую ткань под плечо. Миа судорожно вздрогнула от прикосновения. Губы её беспокойно затараторили что-то запутанное и нечленораздельное.

– Спи, Миа, – тихонько произнёс Нери в темноте, – нам с тобой некуда спешить.

Миа распахнула один глаз. Радужка взбудоражено забегала под ресницами.

– Не трогайте меня! – прокричала она с ужасом. – Не надо этого делать, пожалуйста! Нет! Не трогайте!

Нери испуганно отшатнулся и едва не потерял равновесие, налетев спиной на письменный стол. Старая древесина затрещала под его весом.

– Миа, – твёрдо сказал он, – это я, Нери! Успокойся!

Учащённое, хриплое дыхание эхом разносилось по библиотеке.

– Не надо! – взвопила она, размахивая руками в полудрёме. – Прошу вас! Я скажу им всё, что вы прикажете, только не трогайте меня! Не делайте мне больно!

Нери осторожно присел рядом, обхватив плечи Мии. Та, всё ещё находясь на грани небытия и яви, замолотила его кулаками в грудь.

– Это я, – громко и отчётливо выговорил он, – Нери. Я не причиню тебе вреда.

Миа, задохнувшись, распахнула глаза. Её лицо на мгновение оказалось в опасной близости от Нери. Он даже успел подумать о том, что им обоим без вины могут впаять вторую степень. А если Мии нет восемнадцати, то даже первую...

– Что? – удивлённо проговорила Миа. Её дыхание обжигающей волной коснулось щеки. – Нери?

По-прежнему удерживая Мию за плечи, Нери мягко отстранил её от себя.

– Кошмар приснился? – поинтересовался он заботливо.

– Да нет, – Миа замялась, виновато улыгнувшись, – просто так. Вообще, не помню, что мне пригрезилось.

По нервному, блуждающему взгляду Нери понял, что она говорит неправду. Но не настаивать же на откровениях? Самое последнее дело лезть человеку в душу без разрешения.

– Я так и не смог ничего раскопать, – признался он. – Самое рациональное – второй Перелом. Но даже оно не может объяснить, почему мы здесь.

Некоторое время Миа молчала. Глаза её взбудоражено оглядывали отсек, словно пытаюсь отыскать то, что мог упустить Нери.

– Зато моя теория всё объясняет, – прошептала она в конце концов. – Преодоление пространственно-временного континуума. Мы ведь находились в машине времени, когда совершили скачок. Скорее всего, она всё-таки сработала.

Нери разочарованно покачал головой:

– Это невозможно. Ни одна теория, ни одно правило не утверждают состоятельность дестабилизации пространственно-временных отношений и связей. Нашему уровню организации не по силам покорить четвёртое измерение. Думаешь, человеческие особи над этим не бились? Да они ещё до Перелома всю теорию пролопатили, не говоря о теперешних временах.

– Знаешь, что я тебе скажу? – Миа с дерзостью дёрнула плечиком. – Забудь все правила. Здесь – другая логика. Ты не знаешь и половины. Человечеству ещё предстоит постигнуть все возможности нашего мира.

Запах древней пыли и плесени дурманил, вызывая головокружение. Пол стремительно уходил из под ног. За пару секунд Нери осознал: они с Мией точно не придут к единому решению. Они не смогут разработать стоящий план, потому что, как ни крути, не полагаются друг на друга. А значит, их шансы выбраться на волю сокращаются практически до нуля.

– Ну да, конечно, – он горделиво задрал нос, – проще всего напридумывать несуществующих вещей. А потом можно умиляться стройности теории, не имеющей никаких обоснований. Скорее всего, дело в том, что нам обоим на какой-то момент времени отшибло память.

– Нери! – Миа серьёзно на него посмотрела. – С того момента, как за нами захлопнулась крышка адского аппарата, до того, как те двое ушли, оставив нас здесь, прошло четыре минуты! Четыре, а не сорок!

Нери хлопнул себя по лбу. Объяснять что-то этой девчонке было бесполезно: она упорно уплывала от его железных доводов в воображаемые миры. Он присел рядом, на краешек деревянного сидения.

– Слушай, ты, вроде, не глупая, – возмутился он, – а говоришь такие вещи. Ну скажи, разве то, что ты пытаешься мне объяснить, укладывается в твою картину мира?

– Иметь фиксированное представление о мире глупо, – Миа покосилась на него в темноте. – Повторюсь: мы не знаем и половины.

Нери ухмыльнулся в полумраке. Надо отдать девчонке должное: она умна, хотя на первый взгляд и не скажешь. И в чём-то, несомненно, права. Может быть, имеет смысл прервать спор и перевести разговор в менее волнующее русло?

– Зачем ты пошла учиться на субреа с такими замашками? – буркнул Нери. – Изучала бы философию, писала бы трактаты.

Миа напряжённо вздохнула в темноте. Несмотря на то, что она свободно рассуждала о пространственно-временном континууме, столь простой вопрос оказался ей не по зубам.

– Говорю же, так захотели родители, – за какую-то секунду она потеряла былую уверенность.

– Ты тоже этого хотела? – удивился Нери.

– Я хотела просто куда-нибудь поступить, – призналась Миа. – Если бы мне пришлось принимать решение самой, я просто стояла бы на месте, глаза в потолок. Я не из тех, кто может крушить стены.

– Я тоже не из этой категории, – заметил Нери удручённо. – Думаю, мы с тобой – плохая команда. Ни к единому мнению прийти не можем, ни план действий разработать. Но самое весёлое начнётся, когда ты начнёшь закатывать истерики от голода. Этого я точно не выдержу!

– Ты плохо знаешь меня, – тихо сказала Миа, – я гораздо выносливее, чем ты думаешь.

6

Через полтора часа голод и жажда атаковали Нери в полную мощь.

Раньше он и представить себе не мог, как сильно может досаждать пустой желудок! Он трижды проклял себя за то, что не заставил себя позавтракать накануне. Тошнота после алкогольных возлияний с отчимом не шла ни в какое сравнение с мучениями, что он испытывал. Голова шла кругом от недостатка глюкозы и отказывалась мыслить. Во рту разверзлась мёртвая пустыня. Язык едва ворочался в этом склепе.

– Я хочу домой, – беспомощно прохрипел он, присаживаясь рядом с Мией. Холод, идущий от ветхих стен, безжалостно тряс за плечи, заставляя стучать зубами. Дыхание превращалось в клубы белого пара.

Миа зябко подобрала под себя ноги и ещё плотнее запахла пальто. В полумраке её лицо, подсвеченное снизу экраном мультимедийного коммуникатора, казалось обескровленным.

– Я тоже, – произнесла она в ответ. – Не могу представить, как волнуется сейчас моя мама.

– Она, видно, очень тебя любит? – поинтересовался Нери, сглотнув вязкую слюну.

Миа, легко улыбнувшись, пожала плечом. В её глазах сверкнули тёплые искорки.

– И я стараюсь не расстраивать её, – проговорила она, капризно сопя носом, – я ведь у неё одна. Матерям положено любить своих детей, какие бы глупости они ни совершали. Разве не так?

Щёки Нери болезненно зардели. За грудиной отчаянно заныло, и на этот раз голос подавал не голодный желудок. Обиды и разочарования, с таким трудом подавленные, снова вырвались на поверхность. Он был благодарен темноте за то, что она смогла скрыть его лицо.

– Положено. Но моей это точно невдомёк, – прошептал он, преодолевая слезливый зуд в носу. – Не удивлюсь, если она вообще не заметит моего отсутствия. Я для неё – пустое место.

– Почему ты так считаешь? – удивилась Миа.

– Я не утверждал бы этого, если бы не знал точно, – сказал Нери. Он уже успел пожалеть о том, что решил ей открыться. – Для неё никогда не существовало ни меня, ни сестры. Все эти годы мы были предоставлены сами себе. И... давай завершим этот разговор, ладно?

– Проблемы, – вздохнула Миа с усмешкой. Растрёпанные косы зловеще засеребрились в свете дисплея. – Всё понятно. Мама не перевела финансовых единичек на более крутой коммуникатор. Плохая мама.

Нери передёрнуло от возмущения и злости. Да как она смеет хамить?! Какое право эта девчонка имеет лезть в неприкосновенную сферу его отношений с матерью?! Мышцы упруго напряглись, прося разрядки. Ладони сжались в кулаки. Ярость зазвенела в голове огромным колоколом. Охватило необузданное желание надавать Мии звонких пощёчин. Удержало в колее лишь осознание того, что он во много раз превосходит её в плане силы.

– Заткнись и не смей подавать голоса, если ничего не знаешь, – процедил он сквозь зубы. На языке снова появился знакомый кровавый привкус ярости.

– А что я не так сказала? – искренне изумилась Миа. Её маленькие, почти детские ладошки беззаботно спрятались в рукавах, как в муфте. – Я лишь выдвинула предположение. Типичные подростковые проблемы, мне кажется.

Нери почти зарычал, закатив глаза в потолок. Нет, эта девушка точно была неправа, когда утверждала, что после Перелома все человеческие особи говорят на одном языке. Они с ней точно разговаривают на разных!

– Я не подросток, Миа, – отчеканил Нери, – и никогда им не был. Порой мне кажется, что даже детство прошло мимо. У нас почти никогда не было финансовых единиц. Мне не приходило в голову закатывать скандалы из-за некупленного гаджета. Из-за сестры мне пришлось рано повзрослеть, понимаешь?

Миа на мгновение изменилась в лице. Как и тогда, в лечебнице, по роговицам пробежал хищный холодный огонёк. Казалось, она вспомнила что-то, имеющее для неё исключительное значение.

– И это говоришь мне ты? Ты, глупый маленький мальчик? Знай: если твоя мать не уделяла тебе должного внимания, это далеко не самое страшное в жизни. Это – всего лишь засуха. Однажды в твою пустыню придёт дождь, и проблема будет решена.

– Неправда, – возразил Нери. – Бывает пустота, которую невозможно заполнить.

– Даже если так, это не трагедия, – Миа подняла глаза. Взгляд её был на удивление твёрдым. – Существуют вещи, которые заставляют тебя гнить заживо. В собственном теле.

– Недифференцированная клеточная пролиферация что ли? – фыркнул Нери. – Или как там её называли раньше... Рак? Плохой пример. Его боялись только до Перелома. Биологический отец болел запущенной формой ещё до нашего с сестрой рождения, но его поставили на ноги за месяц. Он здравствует и по сей день.

– Рак души, – с необычайной серьёзностью проговорила Миа. Пронизывающий, мертвенный холод сквозил в интонациях её голоса. – Что бы там ни мудрили учёные, его не смогут вылечить никакие передовые достижения. Кстати, когда ты сказал в приёмном покое, что самая большая проблема в моей жизни – нехватка талонов на обед, мне тоже хотелось тебя ударить.

На голову будто бы опрокинули чан кипятка. Лицо мучительно запылало. Откуда Мии стало известно, что он едва сдержал себя несколько секунд назад?

Вслед за парадоксальной волной жара по телу прошёлся леденящий холод. Почудилось, что рядом сидит человек, что старше на целую жизнь. Не покидало жуткое ощущение, будто под кожей Мии бок о бок уживаются хамоватая девчонка и умудрённая опытом старая ведьма.

На всякий случай, Нери отодвинулся подальше.

– Откуда ты узнала? – прошептали его губы.

Миа хрипло захихикала в темноте, однако её смех звучал невесело.

– Ты сжал руки в кулаки, – пожалала плечом. – И сам не заметил этого. Видно, очень озлоблен на жизнь, раз агрессия сидит так глубоко. Кстати, можешь смело говорить, если злишься на меня. Сейчас уже не имеет смысла что-то утаивать.

Утренняя тишина была невыносимой: даже шуршание крыс не нарушало покоя старой библиотеки. Судя по всему, рассвет здесь не наступал очень давно.

Нери обречённо выдохнул. Сердце упрямо чеканило чечётку. Выходит, Миа тоже потеряла оптимизм и веру... Что ж, в таком случае, можно начинать жрать друг друга.

– Ты первая, – Нери сложил озябшие ладони и попытался согреть их дыханием. Ломота пошла по пальцам, поднимаясь от ладоней к кончикам.

Мультикоммуникатор дрогнул в руке Мии. Электрическое сияние потекло по стеллажам. Книжные полки зловеще заулыбались, как голодные рты с миллионом разноцветных зубьев.

– Нери, – проговорила Миа тихо, – я специально потащила тебя к трансферу. Я вовсе не хотела вернуть долг. Просто тогда, когда мы впервые встретились в столовой...

Внезапный далёкий звук прорвался сквозь тишину. Едва уловимое ритмичное постукивание, напоминающее тиканье механических часов.

– Тс-с-с, – перебил Нери, – ты слышишь?

Миа беззвучно кивнула, и блик пробежал по её щеке.

– Кто-то идёт сюда, – подытожил Нери. – Только без паники. У нас всё получится.

Ужас встал поперёк горла. Времени на обдумывание катастрофически не хватало, голова отказывалась соображать. Несколько минут спустя решится их с Мией будущее.

Шаги приближались. К постукиванию примешалось сердитое шарканье.

– Оставайся тут, – бросил Нери, стараясь, чтобы его голос звучал твёрдо и уверенно. – Спрячься за спинкой дивана. Если войдут две особи, как и тогда, отвлеки их внимание, не вызывая огня на себя. Брось какой-нибудь предмет в проём, например. Если их будет трое или больше – сиди тихо и не высывайся. Остальное – мои заботы.

За дверью что-то заскрежетало. Кажется, визитёры пытаются справиться с запирающим устройством.

Нери кое-как распрямился. Холод пробирал до самых костей, ноги отказывались слушаться. Освещая путь дисплеем, он двинулся за стеллажи.

– Не оставляй меня! – вскрикнула Миа испуганно.

– Просто верь мне, – выдохнул Нери, – я знаю, что делать.

Нери едва успел добраться до промежутка между книжными шкафами, нырнуть в вязкую темень и выключить мультикоммуникатор, как дверь библиотеки распахнулась, впустив в помещение пучок неяркого дневного света. Следом в тишине зашуршали шаги.

Кажется, гость у них один. Значит, либо он чрезвычайно глуп и опрометчив, либо хорошо вооружён. Полумрак насытился красно-оранжевыми тонами: незнакомец освещал путь горячей свечой.

Нери отчётливо услышал, как Миа швырнула в проход что-то тяжёлое: должно быть, книгу. Следом раздались приближающиеся шаги таинственного посетителя.

Он выставил вперёд правую ногу, готовый к осуществлению плана. Мощные удары сердца сотрясали каждый миллиметр тела. Нери предусмотрительно прикрыл рот ладонью: учащённое от волнения, шумное дыхание могло его выдать.

Или пан, или пропал. На кону их жизнь.

Глава 6. Связанные жизнью

Имя для новоявленного мальчика выбирается родителями по желанию, однако оно не должно совпадать с именем отца, единоутробных и единокровных братьев, а также особо почитаемых Покровителей.

Новоявленную девочку следует нарекать согласно строгим правилам:

-

Первая часть имени (любое количество букв) - начало имени отца без искажения и перестановки букв и звуков;

-

Вторая часть имени (любое количество букв) - начало имени матери без искажения и перестановки букв и звуков.

Так, если отца девочки зовут Веремей, а мать - Лислин, то можно использовать имена Верлис, Верли, Верели, Верелис, Вели, Велис, Вел и так далее.

© Положение 85 “О наречении новоявленных”

1

Дрожащее пламя свечи яростно затрещало, выпуская пучки искр и ленты едкого дыма. «Быть беде», – мелькнуло в голове. Проглотив взволнованный стон, Кантана шагнула в затхлую глубину библиотечного зала. Облачко рыжеватого света прорисовало во мраке контуры знакомых стеллажей и столов. От смрада защекотало в носу, и Кантана зажала рот ладонью, чтобы не чихнуть.

Страх блуждал по венам сгустком яда. Однако движения давались по-прежнему легко и непринуждённо. «Твоей выдержке можно позавидовать, Кантана Бессамори», – похвалила она сама себя, и едва удержалась от нервного смешка. Если б масштабы ужаса поддавались описанию!

Пальцы нащупали ножны, висящие на поясе. Сердце удовлетворённо замурлыкало в груди. Если они нападут первыми, она сумеет за себя постоять.

Кантана настороженно оглянулась. Мало что изменилось с той поры, как они с Тилен покинули библиотеку. Наполовину истлевшие свечи по-прежнему стояли, выстроившись полукругом, у двери; свитки с описанием магических ритуалов валялись беспорядочной кучей на письменном столе. Если хорошо принюхаться, можно даже было различить в какофонии запахов душистый аромат воска. Всё как обычно, только пришельцы с Первого Холма куда-то исчезли.

Где же они?

Кантана фырк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.